

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 • 2019

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзор ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, кандидат юридических наук, доцент
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор
(Российско-Армянский университет, Армения);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

З. В. Макарова, доктор юридических наук, профессор (Южно-Уральский гос. университет);
О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор (Академия права и управления ФСИН);
Н. С. Манова, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);
Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор (Орловский гос. университет);
В. А. Мецержаков, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федер. университет);
Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России);
Т. Б. Рамазанов, доктор юридических наук, профессор (Дагестанский гос. университет);
О. С. Розачева, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);
С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент (Московский гос. юрид. университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА));
А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор (Кубанский гос. университет);
Т. К. Рябинина, кандидат юридических наук, профессор (Юго-Западный гос. университет);
М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор (Томский гос. университет);
И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор (Байкальский гос. университет);
В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);
О. Н. Шеменова, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);
В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»	Ведущий редактор Н. Н. Масленникова Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 10,5. Усл. п. л. 11,0 Тираж 500 экз. Заказ 642 Дата выхода в свет 20.12.2019
Адрес учредителя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1	Издательский дом ВГУ 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Адрес редакции: 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810 E-mail: sudvl@mail.ru	Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ 394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3
Сайт журнала: www.law.vsu.ru/sudvl	© Воронежский государственный университет, 2019
Подписной индекс: 94235 Объединенного каталога «Пресса России»	© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2019

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 4 • 2019

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor,
executive secretary
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Vorlgoograd State University);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, candidate of legal sciences, associate professor
(Lomonosov Moscow State University);

A. S. Ghambaryan, doctor of legal sciences, professor
(Russian-Armenian University, Armenia);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor (Volgograd State University);
Z. V. Makarova, doctor of legal sciences, professor (South Ural State University);
O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor (Academy of law and management of the Federal service of execution of punishments);
N. S. Manova, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor (Orel State University);
V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor (Kazan Federal University);
E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor (Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs);
T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor (Dagestan State University);
O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL));
A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor (Kuban State University);
T. K. Ryabinina, candidate of legal sciences, professor (Southwest State University);
M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor (Tomsk State University);
I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor (Baikal State University);
V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor (Lomonosov Moscow State University)

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Voronezh State University»
Editorial address: 394018 Russia, Voronezh, Lenin Sq., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Editorial founder: 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
Official site: www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2019
© Desin, original-model.
Publishing house of Voronezh State University,
2019

СОДЕРЖАНИЕ

9ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	
	Рамазанов Т. Б. Кризисные проявления в уголовном судопроизводстве России	9
	Францифоров Ю. В. Охрана и защита прав человека и гражданина как аксиологическая основа уголовного процесса.....	17
22ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	
	Андрейченко Л. С. Реализация справедливого правосудия через призму его социальной ценности	22
	Марковичева Е. В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство в производстве о применении принудительных мер медицинского характера.....	28
32МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ	
	Сухова И. И. Процессуальная регламентация избрания мер пресечения как гарантия нравственного воспитания.....	32
40УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ	
	Середнев В. А. О содержании авторитарной, когерентной, конвенциональной, прагматической и артефактной истин и возможном процессе их получения в уголовно-процессуальном доказывании	40
	Бравилова Е. А. Нравственные аспекты применения принуждения при производстве следственных действий	53
	Майер Е. А. Проблема применения результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве	61
	Малахова Л. И. Моральные основы пределов свидетельского иммунитета.....	67
	НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ	
72 ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
	Хмелева А. В. Морально-нравственные аспекты работы следователя.....	72
	Репин М. Е. Роль моральных и правовых норм в учреждениях уголовно-исполнительной системы.....	79
84 ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ	
	Баева К. М. Нравственные основы предупреждения и преодоления злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве	84
	Локтевич О. И. Принципы осуществления защиты в ходе предварительного расследования	91

ВЗАИМОСВЯЗЬ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

96С ЮРИДИЧЕСКИМИ НАУКАМИ

- Янина И. Ю.** Общественная нравственность в системе объектов уголовно-правовой охраны: понятие и классификация96
- Пыльцина М. В. К. А.** Неволин о законе 102
- Судакова С. В.** Возможности совершенствования нравственного состояния российского общества в контексте реализации конституционного принципа свободы совести и вероисповедания 106
- Уткин Д. В.** Обеспечение законности при применении мер государственного принуждения сотрудниками полиции 112
- Секретарева Т. М.** О закреплении института принудительного лечения как межотраслевого правового института 121

126 ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ

- Зотов Д.** «Воронок» 126

CONTENTS

9	GENERAL PROVISIONS OF THECRIMINAL PROCEDURE
	Ramazanov T. B. Manifestation of the crisis in the Russian criminal process.....9
	Frantsiforov Yu. V. Protection of human and civil rights as an axiological basis of criminal process..... 17
22 PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE
	Andreychenko L. S. Realization of fair justice through the prism of his social value
	Belkin A. R. The principle of timeliness in criminal process.....22
	Markovicheva E. V. Securing the right to a fair trial in a procedure regarding the application of compulsory medical measures28
32PREVENTIVE MEASURE
	Sukhova I. I. Procedural regulation of the election of preventive measures as a guarantee of moral education32
40 CRIMINAL PROCEDURE EVIDENCE
	Serednev V. A. On the content of authoritative, coherent, conventional, pragmatic and artificial truth and the possible process of their preparation.....40
	Bravilova E. A. Moral aspects of use of coercion in the investigative actions.....53
	Mayer E. A. The Problem of applying the results of operational investigative activities as evidence in criminal proceedings61
	Malakhova L. I. Moral bases of the limits of a witness immunity67
72MORAL ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT
	Khmeleva A. V. Moral aspects of the investigator's work72
	Repin M. E. Role and place of moral and legal norms in institutions the penal system..... 79
84PROFESSIONAL PROTECTION ISSUES
	Baeva K. M. The moral principles of preventing and overcoming the abuse of the right by the defense in criminal proceedings84
	Loktevich O. I. The principles of implementation of protection during preliminary investigation91
96 OF CRIMINAL PROCESS WITH LEGAL SCIENCES
	Yanina I. Yu. Public morality in the system of criminal legal protection: definition and classification96
	Pylytsina M. V. K. A. Nevolin about the law102

Sudakova S. V. Possibilities of improving the moral state of the russian society in the context of the implementation of the constitutional principle of freedom of conscience and confession	106
Utkin D. V. Ensuring the rule of law in the application of state enforcement measures by police officers	112
Secretareva T. M. About consolidation of the Institute of compulsory treatment as an interdisciplinary legal Institute.....	121
126	ARTS AND JUSTICE
Zotov D. «Voronok».....	126

КРИЗИСНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Анализируются идеи современной судебной реформы, высказывается авторское отношение к колоссальному числу изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, отмечается непоследовательность законодателя в решении ряда острых проблем современного уголовного процесса: сокращенные производства, особый порядок и деятельность суда присяжных.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебная реформа, уголовный процесс, особый порядок, суд присяжных.

MANIFESTATION OF THE CRISIS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

The article analyzes the problems of modern judicial reform, expresses the author's attitude to the huge number of changes in the current criminal procedure legislation, and notes the inconsistency of the legislator in solving a number of acute problems of the modern criminal process: reduced proceedings, special order, and the activity of the jury trial.

К е у в о р д s: judicial reform, criminal procedure, special procedure, jury trial.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Истории многих стран показали, что ослабление власти часто влечет революционное изменение государственного строя, реформирование механизма управления и экономики. Новые правящие элиты, пришедшие к власти, в первую очередь, в ускоренном режиме осуществляли реформы судебно-правовой системы. Реформирование судебной системы произошло после событий 1917 г. и создания СССР. Аналогичная ситуация наблюдается и после развала СССР в 1991 г. Примечательной является Судебная реформа 1864 и последующих годов в царской России, произошедшая после такого эпохального события, как отмена крепостного права.

Современная судебно-правовая реформа в России, начатая в 90-е гг. с принятием Верховным Советом Концепции судебной реформы РСФСР, не завершена до сих пор. Первым шагом, предпринятым законодателем после принятия Концепции, было дополнение УПК РСФСР 1960 г. рядом положений, существенно усиливавших гарантии обвиняемого и подозреваемого. В частности, в ст. 220 и 220.2 устанавливалось, что санкционированный прокурором арест и продление срока содержания под стражей могли быть обжалованы обвиняемым в суд, что стало основой будущего судебного контроля над предварительным расследованием.

В 1993 г. УПК РФ был дополнен новым разделом X, возрождавшим в России суд с участием присяжных заседателей. В дальнейшие годы Концепция стала законодательно утвержденной программой реформирования российской су-

дебно-правовой системы. Многие ее положения нашли закрепление в принятой через два года Конституции РФ, в которой признается высшая ценность прав и свобод человека, обеспеченность их правосудием, закреплено право потерпевших на доступ к правосудию, презумпция невиновности, состязательность и другие демократические принципы процесса, установлен свидетельский иммунитет, требование допустимости доказательств и т. д.¹

Однако принятие нового УПК РФ затянулось на долгие десятилетия. Ввиду возникших трудностей при согласовании различных ведомств, участвовавших в разработке проектов УПК РФ, не удалось в полной мере устранить пробелы и противоречия в правовом регулировании сложных отношений между участниками в ходе возбуждения и расследования уголовного дела, его судебного рассмотрения и разрешения. По этой причине за время действия УПК РФ было принято более 100 федеральных законов, изменяющих многие его нормы и институты. Лишь в одной части УПК РФ – досудебное производство – при беглом подсчете было обнаружено 280 измененных или дополненных норм. По данным, опубликованным в различных источниках, таких изменений и дополнений, свидетельствующих о несовершенстве УПК, более тысячи. Одним из существенных недостатков действующего УПК РФ является противоречивость норм, выраженная в несоответствии отдельных положений, заимствованных из зарубежных правовых систем, собственным российским традиционным нормам. Например, нормы глав 40 и 40.1 раздела X УПК РФ, устанавливающие особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, а также при заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, не вписываются в общие правила судебного разбирательства дела. Нормы, регулирующие процесс попеременного доказывания в суде стороной обвинения и стороной защиты (ч. 2 ст. 274), не согласовываются с теми возможностями в сборе доказательств, предоставленными законом сторонам; орган расследования, будучи государственным органом, располагает несравненно большими возможностями для формирования доказательственной базы обвинения, чем сторона защиты. Право защитника собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия и истребования справок, характеристик, иных документов (ч. 3 ст. 86 УПК РФ) ни в коей степени не компенсирует возможности стороны обвинения. Кроме того, идея о попеременном представлении доказательств сторонами, позаимствованная из англосаксонской правовой системы, противоречит положениям ст. 240 УПК РФ, которые гласят, что непосредственное исследование доказательств, как и прежде, составляет прерогативу суда.

Можно представить реакцию Л. Д. Кокорева, если бы он на мгновение увидел современное состояние уголовного судопроизводства России. Радости уж точно не испытал бы.

К моменту развернувшейся судебной реформы 80–90-х гг. прошлого столетия, по утверждению Л. Д. Кокорева, в уголовно-процессуальном законода-

¹ См. подробнее: *Рамазанов Т. Б.* Концепции судебно-правовой реформы в Российской Федерации : результаты и перспективы реализации // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Серия: Право. 2014. Вып. № 2. С. 18–25.

тельстве получили закрепление два принципиально важных положения: 1) суд, исходя из принципа состязательности судопроизводства, стимулирует активность сторон, но не отдает им на растерзание, а сам содействует установлению истины и вынесению справедливого приговора; 2) признания обвиняемым своей вины без подтверждения совокупности других доказательств недостаточно для осуждения обвиняемого. В ходе реформы мы наблюдаем, как законодатель отказался от этих положений. Суд ограничен в правах активно влиять на установление истины по уголовному делу, лишен возможности восполнять пробелы предварительного следствия, возвращать дело для дополнительного расследования, возбуждать уголовное дело; его полномочия сведены лишь к созданию условий для состязания сторон в судебном заседании. Правосудие превращено в акт, фиксирующий, кто из спорящих сторон – обвинение или защита – оказался убедительней. Побеждать в суде, говорил Л. Д. Кокорев, будут не справедливость и мудрость, а тот, кто изворотливее, сильнее².

Применение отдельных положений и институтов действующего УПК РФ (2001 г.) повлекло за собой очень серьезные последствия для судебно-следственной практики, которые можно называть не иначе, как кризисными. Надо отдать должное Верховному Суду РФ, за экстренные меры для спасения сложившейся ситуации. Об этом свидетельствует постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 8 о внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в ст. 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Первоначально в ст. 314 УПК РФ предусматривалось применение особого порядка судебного разбирательства по правилам главы 40 УПК РФ только по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Такой порядок вводился законодателем в целях обеспечения процессуальной экономии по делам о преступлениях, не представляющих повышенной общественной опасности. Затем Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ в ст. 314 УПК РФ были внесены изменения, позволившие судам выносить приговоры без проведения судебного разбирательства в общем порядке также при согласии обвиняемого с обвинением в совершении тяжкого преступления, за которое в УК РФ предусмотрено наказание до 10 лет лишения свободы.

В первые годы после принятия указанных законов в судах насчитывались лишь десятки уголовных дел, рассмотренных в порядке главы 40 УПК РФ. Постепенно это число росло, а к настоящему времени, по признанию Верховного Суда РФ, официальная статистика свидетельствует о том, что почти 70 % всех рассматриваемых судами общей юрисдикции дел рассматриваются в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. В регионах Российской Федерации эти показатели еще выше. В отдельных районах и городах Республики Дагестан, например, 85–90 %.

В пояснительной записке Верховного Суда РФ к проекту федерального закона приводятся данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ

² См.: Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006. С. 310–318.

о том, что в 2018 г. в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением рассмотрено 553 990 уголовных дел в отношении 579 820 лиц. Из них обвиняемые в преступлениях небольшой тяжести составляют 58,9 % лиц, осужденных в особом порядке; обвиняемых в преступлениях средней тяжести – 23,7 %; обвиняемых в тяжких преступлениях – 17,4 %. Следовательно, за указанный период в особом порядке рассмотрены уголовные дела о тяжких преступлениях в отношении 84 тыс. лиц, что составляет 58 % от общего числа обвиняемых в тяжких преступлениях.

Эти данные, говоря откровенно, шокируют воображение. Более половины осужденных за совершение тяжких преступлений в 2018 г. отделались легким испугом.

Далее Верховный Суд признает, что тяжкие преступления отличаются повышенной общественной опасностью, являются особо сложными, затрагивают интересы значительного числа потерпевших, вызывают большой общественный резонанс и освещаются в средствах массовой информации. Это требует установления на законодательном уровне высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия. И вывод суда сводится к тому, что обеспечить такие гарантии возможно только при рассмотрении дела в общем порядке судебного разбирательства в условиях действия принципа непосредственности и устности исследования доказательств в судебном заседании.

Таким образом, Верховный Суд РФ признает тот факт, что с 2002 по 2019 г. по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести в отношении 58,9 % лиц, о преступлениях средней тяжести в отношении 23,7 % лиц, а в отношении 17,4 % лиц, осужденных за тяжкие преступления в особом порядке с 2003 по 2019 г., судопроизводство осуществлялось не на «уровне высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия и в условиях нарушения принципа непосредственности и устности исследования доказательств в судебном заседании».

Не это ли является кризисом судебной власти?

При такой картине о каком правосудии в уголовном судопроизводстве можем говорить? Отметим, после принятия предлагаемого федерального закона в отношении лиц, совершивших преступления небольшой тяжести и средней тяжести, существующее положение сохранится и дальше. А оно весьма тревожное.

Опросы сведущих лиц (адвокатов, потерпевших), а также доверительные беседы с государственными обвинителями, судьями, родственниками и близкими осужденных лиц показали, что следователи и дознаватели проявляют определенную заинтересованность в своевременном заявлении обвиняемыми по уголовным делам ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением. Такая «озабоченность» со стороны следователей и дознавателей наблюдается в самых различных формах с начала расследования уголовного дела. Это, например, неоднократные и навязчивые разъяснения обвиняемому его права на заявление ходатайства о применении особого порядка принятия судебного решения, обещание ходатайствовать перед прокурором и судьей о

назначении наказания на 1/3 ниже максимального размера, чем предусмотрено соответствующей статьей УК РФ (хотя такая возможность содержится в УПК РФ), и обещание послаблений режима содержания под стражей и т. д.

Заинтересованность следователя и дознавателя здесь очевидная. Во-первых, ввиду того что сущность особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в конечном итоге сводится к признанию вины, то следователю или дознавателю не приходится сильно напрягаться в процессе собирания доказательств обвинения, достаточно подкрепить признание обвиняемым вины отдельными доказательствами вспомогательного характера. Это создает им возможность экономить время, трудовые и эмоциональные затраты, прибавить «скорость» движения уголовного дела и добиться наилучшего показателя.

Во-вторых, возрастают гарантии «проходимости» уголовного дела в суде. Суд без достаточного исследования доказательств, выполнив определенные формальности рассмотрения дела, удаляется в совещательную комнату для постановления приговора исключительно на основе обвинительного заключения или обвинительного акта.

Что касается согласия потерпевшего на особый порядок, то к моменту окончания досудебного производства с ним так «аккуратно поработают» родственники обвиняемого, они его задобряют, поплачутся, извинятся и т. д., что ему станет абсолютно безразлично, какое наказание будет назначено судом подсудимому. Свою роль сыграет и время, которое многих «лечит». Кроме того, затянувшееся, по его мнению, расследование для потерпевшего становится тяжким бременем, от которого ему хочется быстрее избавиться.

Особо следует сказать о позиции государственного обвинителя. С того момента, как некоторые надзорные полномочия прокурора переданы руководителю следственного органа, государственный обвинитель перестал чувствовать ответственность за результаты судебного разбирательства уголовного дела. Особый порядок сулит ему облегченный вариант реализации бремени доказывания в суде.

Говоря о судебном производстве, следует отметить, что оно проходит ускоренными темпами, за короткое время может быть рассмотрено и разрешено сложное уголовное дело, по которому выносится приговор, устраивающий обе стороны. В результате подсудимый, как правило, получает наказание не только на 1/3 ниже предусмотренного законом, но и гораздо ниже, т. е. по большинству уголовных дел наполовину ниже, чем наказание, не превышающее две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение преступления. Кроме того, подсудимый освобождается от возмещения процессуальных издержек, установленных ст. 131 УПК РФ.

Возвращаясь к позиции следователя или дознавателя, следует сказать, что их вполне устраивает любой обвинительный приговор независимо от вида и размера назначенного судом наказания. Гособвинитель также доволен тем, что суд назначил наказание в примерных пределах, которые им обозначены при выступлении в прениях сторон. Позиция потерпевшего уже никого не ин-

тересует, так как свое мнение он высказал при даче согласия на особый порядок. Таким образом, суд с чувством выполненного долга оглашает приговор, который по большинству дел никем не обжалуется в апелляционном порядке.

Вот такое правосудие мы имеем в настоящее время по значительному большинству (80–85 %) уголовных дел.

Сложившееся кризисное состояние уголовного судопроизводства, разумеется, не является порождением современности. Оно складывалось длительное время. Кризисные проявления российского уголовного судопроизводства, на наш взгляд, берут начало со времен отмены Устава уголовного судопроизводства 1864 г., произошедшей одновременно с принятием Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г., в ст. 22 которого была включена норма о том, что «ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются». Советское уголовно-процессуальное законодательство последующего периода до принятия УПК РСФСР 1922 г. имело хаотичный, кратковременный, по выражению современных юристов-процессуалистов, в значительной мере чрезвычайный и неcodифицированный характер. За короткое время действия первого УПК РСФСР (с 1 июля 1922 г. по 15 февраля 1923 г.) принимается второй по счету УПК РСФСР 1923 г. Эти кодексы по содержанию почти не отличались, за исключением некоторых судоустройственных нововведений: упразднением революционных трибуналов и созданием Верховного Суда РСФСР, отказом от расширенной коллегии народных заседателей из шести человек и переходом к рассмотрению уголовных дел в составе судьи и двух народных заседателей.

В интересующем нас плане примечательно то, что в ст. 282 УПК РСФСР 1923 г., помимо общего порядка судебного разбирательства, вводилось положение о том, что в случае признания обвиняемым своей вины «суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон». Данное положение позволило в дальнейшем открытое и массовое пренебрежение законом, появление различных форм чрезвычайного уголовно-процессуального законодательства, предусматривавшего особое отношение к признанию вины как доказательству и рассмотрению дел несудебными органами. В целом период советского уголовно-процессуального права до принятия УПК РСФСР 1960 г. характеризуется действием УПК 1923 г. по уголовным делам об общеуголовных преступлениях, а также действием разнообразных уголовно-процессуальных актов чрезвычайного характера в связи с уголовными делами о преступлениях, с точки зрения политического руководства, представлявших опасность для советской власти и линии партии. В этих условиях УПК РСФСР 1923 г. не мог выполнять подлинные задачи, возлагаемые на него как на кодифицированный закон.

УПК РСФСР 1960 г. уже предусматривал единую процессуальную форму и единый состав суда (судья и два народных заседателя) при рассмотрении всех уголовных дел в суде первой инстанции, независимо от степени тяжести совершенного преступления. Статья 20 возлагала на суд обязанность принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. По смыслу ч. 2 ст. 77 УПК РСФСР признание

обвиняемым своей вины является рядовым доказательством, которое может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении совокупностью имеющихся доказательств по делу. Признание вины обвиняемым не может быть использовано в целях упрощения или ускорения уголовного процесса в целом и судебного разбирательства в частности. За 25 лет в УПК РСФСР лишь однажды вводилась упрощенная форма предварительного расследования по делам о наименее опасных и достаточно легко раскрываемых преступлениях, названная в профессиональной среде «протокольной формой досудебной подготовки материалов» (указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г. о внесении дополнений в УПК). Это был период стабильного законодательства, когда непоколебимым оставалось, что «признание обвиняемым предъявленного ему обвинения не может служить основанием для сужения предмета доказывания». Однако дальнейшие 10–15 лет после 1985 г. характеризуются бурным развитием событий по созданию нового УПК РФ. В контексте этих порой сложных и противоречивых событий возникли идеи об упрощении уголовного процесса, придании ему более динамичного характера. В УПК РСФСР были включены положения о сокращении судебного следствия по делам, рассматриваемым с участием присяжных (ст. 446) и у мировых судей (ст. 475) (Закон РФ от 16 июля 1993 г. № 5451-1 и Федеральный закон от 7 августа 2000 г. № 119-ФЗ). К 2000 г. в проекте УПК РФ под влиянием американских экспертов, включенных в рабочую группу, появилась глава 40, предусматривавшая институт особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Глава 40 УПК РФ хотя и вписывается в рамки континентального уголовного процесса (УПК Италии, УПК Испании, УПК Португалии), но конструирована именно под влиянием англосаксонского института «признания вины». Если сейчас Государственная Дума не примет проект закона, предложенный Верховным Судом РФ о внесении изменений в ст. 314 и 316 УПК РФ, то в ближайшие годы догоним и перегоним показатели (97 %) США в части применения данного института. В итоге получим дальнейшее углубление кризиса уголовного судопроизводства и дойдем до возрождения «царицы доказательств» – теории, давно признанной неприемлемой.

Рассмотренная выше проблема – не единственная в уголовном судопроизводстве России, носящая кризисный характер. Судопроизводство с участием присяжных в регионах нередко приобретает тупиковую ситуацию. Изначально оно введено без учета различий уровня правосознания населения страны, региональных, этнопсихологических, конфессиональных и экономических различий. Если принимаемый закон не вписывается в реалии существующих общественных отношений, то он (закон) не может решить возлагаемые на него задачи. Общественные отношения первичны, закон вторичен. Закон создается для регулирования уже сложившихся общественных отношений. С законодательством о судопроизводстве с участием присяжных заседателей получилось с точностью наоборот. Законом РФ от 16 июля 1993 г. в порядке эксперимента суд присяжных введен лишь в четырех краях и областях России. Причем данный эксперимент противоречил Конституции РФ (ст. 19), провозгласившей

равенство всех граждан перед законом и судом. Кроме того, названные края и области трудно причислить к проблемным. Проблемными являются как раз другие регионы, население которых отличается по различным параметрам от основной массы населения России. Взять хотя бы экономические и социальные условия регионов, самые бедные регионы (Тыва, Ингушетия, Калмыкия, Крым) отстают от самых богатых (Москва, Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО) в 10 и более раз. Уровень жизни в Дагестане, Чечне, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и других национальных республиках ниже среднего уровня по России. Уровень материального достатка людей, конечно, влияет на отношение к власти, в том числе судебной. Говоря о пагубной зависимости суда присяжных от различных форм «общественных страстей», Л. Д. Кокорев еще в конце прошлого столетия указывал на политические, национальные, различные групповые интересы, симпатии и антипатии³. Например, с июня 2018 по май 2019 г. райгорсудами Республики Дагестан рассмотрено лишь одно уголовное дело из-за проблем, возникающих при формировании коллегии присяжных заседателей. При этом теми же судами за 2018 г. рассмотрено 5703 уголовных дела. Однако данный вопрос требует дополнительных исследовательских усилий и в настоящей статье используется в порядке постановки проблемы.

³ См.: Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. С. 271–273.

Дагестанский государственный университет
Рамазанов Т. Б., доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой уголовного процесса и криминалистики

Dagestan State University
Ramazanov T. B., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Criminal Process and Criminalistics Department
E-mail: ramazanov1945@mail.ru

ОХРАНА И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Статья посвящена рассмотрению ценностной составляющей отдельных понятий уголовного процесса, раскрывающих смысл его основных начал, которые служат платформой построения таких его принципов, как охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту.

К л ю ч е в ы е с л о в а: охрана и защита прав участников уголовного процесса, принципы уголовного судопроизводства.

PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AS AN AXIOLOGICAL BASIS OF CRIMINAL PROCESS

This article is devoted to the consideration of the value component of the individual concepts of the criminal process revealing the meaning of its basic principles, which serve as a platform for the construction of its principles such as the protection of human and civil rights in criminal proceedings, and ensuring the suspect and accused the right to protection.

K e y w o r d s: protection of the rights of participants in criminal proceedings, principles of criminal proceedings.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Реформы уголовного процесса связаны с вопросами государственных гарантий, вызванных охраной и защитой прав и свобод граждан, обеспечение которых является высшей социальной ценностью, имеющей первостепенное значение в уголовном процессе.

Основные начала уголовного процесса, направленные на укрепление его аксиологических основ, регламентированы в основных правовых положениях, которые выражают его социальную сущность в виде принципов уголовного процесса.

Аксиологическое значение принципов уголовного судопроизводства заключается в том, что принципы весьма объективны по своему содержанию, так как отражают тенденции развития социальных отношений, определяются теми повседневными реалиями, которыми наполнено наше общество, поскольку они отражают уровень демократии всего российского общества и государства¹.

Законодатель видит задачи уголовного процесса в пределах охраны прав таких его участников, которые являются потерпевшими в результате совершенного преступления, а также в рамках защиты личности от ограничения ее прав и недопущения незаконного привлечения к уголовной ответственности.

¹ См.: Францифоров Ю. В., Манова Н. С. Уголовный процесс : учеб. и практикум для прикладного бакалавриата. М., 2019. С. 33.

© Францифоров Ю. В., 2019

В уголовном процессе нет интерпретации понятия «защита прав и свобод человека и гражданина», поэтому возможна подмена понятий «защита» и «охрана», что неприемлемо, так как эти термины структурируют основные начала уголовного процесса и служат платформой построения таких его принципов, как охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 11, 16 УПК РФ).

Так, весьма целенаправленно термин «защита» применяется в определении назначения уголовного судопроизводства, устанавливая его целевую направленность в виде защиты прав и законных интересов различных его участников.

Таким образом, основная цель уголовного судопроизводства – это защита участников двух противоборствующих сторон, обусловленная деятельностью компетентных государственных органов и их должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства, связанной с восстановлением прав и возмещением вреда.

Однако, в значительной степени, в защите нуждаются такие участники, которые отнесены законодателем к стороне защиты – это подозреваемый и обвиняемый, подсудимый и осужденный, а также их законный представитель, гражданский ответчик, его законный представитель и представитель.

Защита может осуществляться как лично лицом, так и с помощью защитника либо законного представителя. Обвиняемый вправе вести защиту средствами и способами, не запрещенными УПК РФ. В отдельных случаях защита должна быть обеспечена такими должностными лицами, которые обладают процессуальными полномочиями при производстве по уголовному делу. Подозреваемые, обвиняемые и подсудимые в случаях, установленных уголовно-процессуальным законодательством, вправе получить защиту квалифицированного юриста бесплатно.

Вместе с тем главной целью уголовного судопроизводства является охрана прав лиц, потерпевших от преступления, выраженная деятельностью суда, прокурора и следователя, которая направлена на возмещение причиненного противоправным деянием имущественного и морального вреда с помощью уголовного преследования и судебного разбирательства.

Рассмотрев охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве в качестве принципа, регламентированного законодателем в ст. 11 УПК РФ, следует сделать вывод о сущности содержания охраны в качестве уголовно-процессуальной деятельности суда, прокурора, следователя и дознавателя, которая направлена на разъяснение и обеспечение прав, обязанностей и ответственности участников уголовного процесса; на предупреждение лиц, обладающих иммунитетом свидетеля, об особенностях и последствиях их показаний в виде доказательств; на обеспечение необходимых мер безопасности, предусмотренных законодательством РФ, в отношении участников уголовного судопроизводства и их родственников и близких лиц, нуждающихся в этом; на возмещение вреда, причиненного лицу в результате нарушения его прав отдельными должностными лицами.

Таким образом, охрана основных прав и свобод человека в уголовном процессе – это такой комплекс процессуальных мер, которые связаны не только с предупреждением нарушений закона, но и с восстановлением нарушенных прав лиц, вовлеченных в уголовный процесс силой обстоятельств совершенного преступления.

Рассмотрение юридической литературы позволяет установить разные подходы к разграничению таких понятий, как «защита» и «охрана».

По мнению профессора Н. И. Матузова, данные понятия не следует рассматривать как тождественные, поскольку защита – это момент охраны; учитывая, что права личности охраняются постоянно, то защищаются они лишь тогда, когда нарушаются и требуют защиты². С этой позицией солидарны ученые, которые полагают, что охрана по своему содержанию шире защиты, так как она соотносится с ней как целое и часть³.

Другие авторы считают, что защита шире охраны, поскольку охрана является ее составной частью⁴. По мнению В. Ю. Мельникова, защита прав личности в уголовном процессе связана с рядом охранительных процессуальных норм, которые направлены на восстановление субъективных прав его участников, так как защита включает в себя охрану⁵. Следует согласиться с позицией В. С. Шадрина, в соответствии с которой охрана прав личности обусловлена предупреждением возможного нарушения, контролем за соблюдением прав и готовностью реагировать на возможное нарушение; тогда как защита является деятельностью, осуществляемой при посягательстве на права, их ограничении или возникновении реальной угрозы их нарушения⁶.

В ст. 2 Конституции РФ установлено, что в Российской Федерации высшей ценностью являются человек, его права и свободы. Поскольку признание и соблюдение данных ценностей является обязанностью государства, то основным направлением заботы государства служит как охрана, так и защита прав и свобод человека.

Рассматривая принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в качестве аксиологической основы уголовного процессуального права, следует обратить внимание на тот факт, что государство в различных сферах своей деятельности, а также в области уголовного судопроизводства руководствуется системой гарантий защиты прав и свобод каждого человека, а в уголовно-процессуальной деятельности – механизмом защиты права каждого участника уголовного судопроизводства, вовлекаемого в производство по уголовному делу.

Целевым назначением принципов уголовного судопроизводства служат охрана и защита прав его участников, определяющие их процессуальную природу, социальную сущность, аксиологическую и правовую направленность.

Принципы уголовного судопроизводства не отделены от практической деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел, а реализуются в ней, поскольку определяют ее социальную и правовую суть⁷.

² См.: Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 130–131.

³ См.: Насонова И. А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты / под ред. О. А. Зайцева. М., 2011. С. 192 ; Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М., 2004. С. 38.

⁴ См.: Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2001. С. 13.

⁵ См.: Мельников В. Ю. Права личности в уголовном процессе Российской Федерации. М., 2012. С. 82–83.

⁶ См.: Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С. 45.

⁷ См.: Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / под ред. В. М. Савицкого. М., 1997. С. 1–14.

Вместе с тем права и свободы человека и их гарантии служат содержанием основных усилий государства по реализации задач уголовного судопроизводства, охране безопасности, чести и достоинства участвующих в деле лиц, поскольку государственным приоритетом в этом направлении является определение основного социального вектора во взаимоотношениях между человеком и государством⁸.

Анализ соотношения понятий «охрана» и «защита» позволяет сделать вывод, что охрана и защита прав участников уголовного судопроизводства – это самостоятельные правовые категории наполненные различным смыслом, обусловленным отношением к нарушению права. Защита прав и законных интересов вызвана совершением преступления, а охрана является преимущественно предупредительным средством от нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Однако защита связана с обеспечением прав и свобод участников процесса при их нарушении, а охрана прав и законных интересов личности обусловлена государственными гарантиями предупреждения, недопущения и восстановления таких прав, в том числе путем возмещения причиненного ущерба, поэтому требование охраны прав и свобод человека и гражданина определяет общую направленность уголовного процесса РФ в рамках обеспечения защиты участников уголовного судопроизводства.

Так, Основной закон имеет норму, в соответствии с которой «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников», а в ч. 2 ст. 11 УПК РФ установлена корреспондирующая норма, которая содержит требование об обязанности компетентных должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства разъяснить право, закрепленное в ст. 51 Конституции РФ, участникам уголовного процесса, обусловленного процессуальными последствиями при желании лица дать показания.

Следует обратить внимание на то, что государственный механизм охраны и защиты прав участников уголовного процесса требует действенности процессуальных мер, способствующих реализации этих прав, а также предупреждению их от возможных нарушений.

В вопросе об актуальности аксиологической основы уголовного процесса следует обратить внимание на правовую норму, определяющую порядок применения мер безопасности его участников, с целью охраны их прав при производстве по уголовному делу.

Любые участники уголовного судопроизводства, в том числе граждане, вовлеченные в сферу уголовного процесса, а также участники процесса, наделенные властными полномочиями (следователь, дознаватель, прокурор, суд), могут одновременно выступать и как объекты безопасности, и как субъекты правоотношений в области обеспечения безопасности⁹.

В случае наличия данных о том, что участнику уголовного процесса или его родственникам угрожают применением насилия или другими противоправ-

⁸ См.: Дворянкина Т. С. Роль судьи в обеспечении требования уважения чести и достоинства личности // Рос. судья. 2006. № 8. С. 6.

⁹ См.: Францифоров Ю. В., Исаев А. Э. О субъектах безопасности в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 35.

ными деяниями, прокурор, суд либо следователь обязаны принять все меры, чтобы обеспечить безопасность этих лиц (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

Так, гарантией обеспечения мер безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса является наличие достаточных данных об угрозе убийством или иным опасным противоправным деянием. В данном случае компетентные государственные органы и должностные лица обязаны принять, в пределах своих полномочий, меры безопасности, которые установлены ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УК РФ, а также другие меры безопасности в рамках законодательства РФ.

Поводом для реализации права потерпевшего и свидетеля о применении мер безопасности служит заявление ходатайства этих лиц о возможности дачи показаний без оглашения подлинных данных об их личности, связанного с исключением визуального наблюдения допроса потерпевшего и свидетеля другими участниками судопроизводства. Основанием для реализации права потерпевшего и свидетеля о применении в отношении их мер безопасности является наличие достаточных данных, указывающих на реальную угрозу их жизни, здоровью или повреждению имущества.

Охрана прав и свобод участников уголовного процесса от различных нарушений в виде угроз или применения насилия является важным направлением его деятельности.

Следует обратить внимание на тот факт, что принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе (ст. 11 УПК РФ) распространяется на такие принципы уголовного судопроизводства, как законность (ст. 7 УПК РФ), разумный срок уголовного процесса (ст. 6.1 УПК РФ), публичность (ст. 21 УПК), уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ), неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ), обеспечение подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ).

Взаимосвязь принципов уголовного процесса на основе охраны и защиты прав его участников способствует претворению в жизнь назначения уголовного судопроизводства, выступающего гарантом реализации прав потерпевших от преступления, а также защиты личности от незаконного ограничения ее прав и свобод.

Таким образом, принцип охраны прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве является аксиологической основой уголовного судопроизводства, так как в нем выражен важнейший конституционный ориентир Российского государства, в соответствии с которым защита прав и свобод человека и гражданина – это важнейшая государственная обязанность, поскольку человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Саратовская государственная юридическая академия

Францифоров Ю. В., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy

Frantsiforov Yu. V., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Criminal Process Department
E-mail: franciforov@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕГО СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ

Раскрывается содержание понятия «правосудие» через призму его социальной ценности, а также соотношения с понятием «судопроизводство». Обосновывается тезис о том, что правосудие – это единственный, признанный законом, путь осуществления судопроизводства, которое представляет собой совокупность соответствующих судебных процедур, в рамках которых осуществляется правосудие. Кроме того, акцентируется внимание на том, что речь не может идти о правосудии, когда решаются дела не по справедливости, игнорируя нормы права, закона, вследствие чего принимаются незаконные решения. Подводя итоги исследования, автор предлагает перечень элементов, определяющих содержание понятия «социальная ценность правосудия».

К л ю ч е в ы е с л о в а: правосудие, судебная власть, судопроизводство, социальная ценность, функции судебной власти, справедливость.

REALIZATION OF FAIR JUSTICE THROUGH THE PRISM OF HIS SOCIAL VALUE

The article reveals the content of the concept of «justice» through the prism of its social value, as well as its relationship with the concept of «judicial procedure» It justifies the thesis that justice is the only recognized by law way to conduct court proceedings, which is a set of relevant judicial procedures in which justice is carried out. In addition, attention is focused on the fact that it is not possible to talk about justice, when cases are not decided on justice, ignoring the rules of law, the law, as a result of which illegal decisions are made. Summarizing the results of the research, the author offers a list of elements defining the content of the concept «social value of justice».

К e y w o r d s: justice, judicial authority, legal procedure, social values, functions of judicial authority, justice.

Поступила в редакцию 30 мая 2019 г.

Основой формирования правового государства выступают демократические гуманистические принципы, которые провозглашают верховенство права, приоритетность прав и свобод человека и гражданина, служение государства интересам общества и т. п. Практическая реализация этих принципов зависит от наличия в государстве действенного и эффективного правового механизма защиты провозглашенных законодательством прав и свобод человека и гражданина. Частью этого механизма выступает система судебной защиты, которая призвана осуществлять правосудие в государстве. В современных условиях развития общества правосудие приобретает особую социальную ценность, которая обусловлена его назначением в современном государстве.

Исследованием проблемы правосудия, а также его социальной роли в России занимались такие ученые, как Н. Н. Алексеев, В. Н. Бочкарев, И. В. Гессен, Б. В. Готье, А. Д. Градовский, А. Ф. Кони, А. П. Куницын, А. Н. Лазаренко, С. П. Мокринский, И. В. Михайловский, П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, И. Я. Фойницкий и др. Однако, несмотря на значительное число научных работ, детального изучения требует комплексно неисследованная социальная роль правосудия.

В современных условиях общественного развития наиболее актуальной оказывается социальная роль судебной власти, поскольку именно данная ветвь государственной власти призвана защищать права и интересы человека и гражданина, способствовать их восстановлению. Так, согласно Конституции РФ правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом¹.

Это означает, что единственным государственным органом в Российской Федерации, который одновременно обладает правом и обязанностью осуществлять правосудие, является суд. Итак, правосудие – это обязательная функция, для выполнения которой и была создана судебная система. Для дальнейшего исследования необходимо выяснить содержание понятия «правосудие», а также его соотношение с понятием «судопроизводство».

Существует много авторских определений понятия «правосудия». Так, согласно Большому энциклопедическому словарю правосудие выступает как форма государственной деятельности по рассмотрению и разрешению судом уголовных и гражданских дел². В то же время правосудие может рассматриваться и как деятельность суда (судопроизводство), которая осуществляется в соответствии с требованиями справедливости по обеспечению эффективного восстановления нарушенных прав. В последнем случае речь идет о теологическом понимании правосудия, т. е. о правосудии как цели³.

Правосудие может восприниматься через призму разных значений: как деятельность, как цель и как принцип. Однако в любом случае правосудие должно стать результатом деятельности суда. То есть фактически получается, что понятия «судопроизводство» и «правосудие» являются неотъемлемыми друг от друга. Но судопроизводство – это не всегда правосудие, ведь понятие «правосудие» ассоциируется с такими категориями, как «правда», «право», «справедливость», а ввиду того что судопроизводство не всегда является правосудным, т. е. не всегда речь идет о правосудии, поскольку иногда дела рассматриваются судами с нарушением норм как материального, так и процессуального права, что приводит к принятию несправедливого и незаконного решения, то и отождествление понятий «судопроизводство» и «правосудие», по нашему мнению, является ошибочным.

В связи с этим возникает потребность в выяснении содержания понятия «судопроизводство». Часть 3 ст. 123 Конституции РФ указывает на характер-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-9.htm> (дата обращения: 01.05.2019).

² Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 1997. С. 457.

³ См.: Назаров И. Д. К определению понятия «правосудие» : историко-философский анализ // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 132.

ные признаки судопроизводства – состязательность и равноправие сторон. Обобщая названные положения Основного закона, можно сформулировать предварительный вывод о том, что судопроизводство представляет собой единственное средство реализации судебной власти, формой которой в условиях состязательности и равноправия сторон выступает правосудие⁴. То есть понятие «судопроизводство» шире по своему содержанию, чем понятие «правосудие», поскольку судопроизводство охватывает собой не только содержание правосудия, но также включает другие элементы, в частности полномочия судей, процессуальные сроки и т. п.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» «...судебная власть в Российской Федерации принадлежит только судам в лице судей и привлекаемых в установленных законом случаях к осуществлению правосудия представителей народа»⁵.

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать промежуточный вывод о том, что любое судопроизводство должно быть правосудием; правосудие – это единственный, признанный законом, путь осуществления судопроизводства; судопроизводство представляет собой совокупность соответствующих судебных процедур, в рамках которых осуществляется правосудие. Однако так бывает не всегда. Как мы уже обращали внимание существует много случаев, когда решаются дела не по справедливости, игнорируя нормы права, закона, вследствие чего принимаются незаконные решения, что не может быть признано правосудием. Правосудие является социальной ценностью и одним из направлений государства, то, к чему государство в лице уполномоченных органов должно стремиться.

Для определения социальной ценности правосудия, необходимо обратиться к определению содержания понятия «социальная ценность». Категория «социальная ценность правосудия» означает роль, которую играет правосудие при защите интересов общества и каждого члена этого общества. К такому заключению можно прийти, исходя из определения, которое дано в толковых словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова, где понятие «социальный» (лат. *socialis* – общественный), определяется как: 1) порождаемый условиями общественной жизни, условиями той или иной общественной среды, общественной формации⁶; 2) общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе; 3) социальное положение; 4) социальная среда; 5) социальное обеспечение и т. д.⁷

Социальная ценность правосудия может выражаться в качестве: идеала правового государства; средства по достижению законности, правопорядка

⁴ См.: Азаров В. А., Иванов В. И. О соотношении понятий «судопроизводство», «судебный контроль», «правосудие» // Научный вестник Омской акад. МВД России. 2009. № 2 (33). С. 8.

⁵ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 01.05.2019).

⁶ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://cyberlan.com.ua/wp-content/uploads/2015/07/Tolkovij-slovarj-russkogo-yazika.pdf> (дата обращения: 01.05.2019).

⁷ См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 01.05.2019).

и справедливости; надежного механизма защиты общества в целом и каждого человека от нарушения прав и административного произвола, с одной стороны, а также защиты государства от действий, ставящих под угрозу его единство, целостность и безопасность, с другой; инструмента по достижению общественного согласия, способного эффективно и правовым способом воздействовать на все сферы социальной действительности.

Правовая ценность правосудия определяется пользой, необходимостью для насущного бытия права, его функционирования и развития. Это выражается в прямой и опосредованной форме взаимодействия правосудия и права. Прямая форма проявляется в способности правосудия охранять и реализовывать действующее право. Опосредованная форма влияния правосудия на право выражается в предоставленных ему возможностях выявлять и способствовать устранению правовых пробелов, толковать право, рассматривать судебные акты высших судебных инстанций страны по правовым позициям обязательного применения в качестве дополнительных источников права и т. д.⁸

Итак, социальная ценность правосудия выражается в реализации тех функций государства, в которых проявляется их общественно полезный и социально направленный характер, который определяется целью создания и развития гражданского общества и правового государства, и функций, которые основаны на принципах приоритетности общественных интересов, прав, свобод и интересов каждого члена общества.

В свою очередь, осуществляя правосудие как свою основную функцию органы судебной власти обеспечивают: 1) гарантии защиты общественных интересов. Это означает, что человек, обращаясь в суд за защитой и восстановлением своего нарушенного права, может быть уверен в том, что данное право будет восстановлено или защищено независимо от того, соответствует ли это право интересам органов власти, отдельных социальных групп или отдельных индивидов. При этом единственным требованием является законность этого права и требования о принятии мер к его обновлению; 2) уважение прав и свобод человека и гражданина со стороны как других членов общества, так и органов государственной власти и их должностных лиц. Суд при рассмотрении дела должен уважительно относиться к правам сторон судебного процесса, независимо от их статуса, происхождения или даже совершенного ими деяния; 3) господство в обществе законности и правопорядка, в частности путем вынесения решения о прекращении нарушения закона, а также уравнивание интересов в договорных отношениях; 4) уравнивание прав и возможностей сторон судебного процесса, даже той из сторон, которая не имеет специального образования, не обладает юридическими знаниями и вследствие этого не может себя грамотно защитить или отстоять свое право путем обеспечения права на правовую помощь; 5) восстановление нарушенных прав и свобод или, если это невозможно, – возмещение ущерба, в том числе морального. В этом реализуется восстановительная функция правосудия. В то же время для того чтобы судопроизводство осуществлялось путем правосудия, необходимым условием является соблюдение принципов правосудия. Анализ действующего

⁸ См.: Телегина В. А. Правосудие как социально-правовая ценность : вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 5.

законодательства Российской Федерации, в частности Конституции РФ, Гражданского процессуального и Уголовно-процессуального кодексов РФ, а также Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» показал, что принципы, предусмотренные этими нормативными актами, в одном случае относятся к принципам правосудия, а в другом – законодатель относит их к принципам судопроизводства (уголовного, гражданского и т. д.). Такое разделение, вероятно, обусловлено тем, что законодатель, отождествляя понятия «судопроизводство» и «правосудие», в одном случае применяет термин «судопроизводство» (например, ст. 6.1 Гражданского процессуального кодекса РФ – разумный срок судопроизводства и разумный срок исполнения судебного постановления; ст. 9 – язык гражданского судопроизводства т. д.), а в другом – «правосудие» (ст. 12 Гражданского процессуального кодекса РФ – осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон)⁹. При этом в Уголовном процессуальном кодексе РФ¹⁰ законодателем используется понятие «уголовное производство», и основы (принципы) рассматриваются в отношении не судопроизводства или правосудия, а именно уголовного производства. В свою очередь, основы (принципы) могут относиться абсолютно ко всем видам судопроизводства (производства), что и характеризует данное судопроизводство как правосудие, но при этом есть и специфические принципы для каждой из форм судопроизводства (производства). Например, специфическим принципом гражданского судопроизводства является диспозитивность, а уголовного – презумпция невиновности.

Таким образом, принципы, которые касаются всех без исключения форм судопроизводства (производства), являются принципами правосудия. Эти принципы определены в Конституции РФ и Федеральном законе «О статусе судей в Российской Федерации» и к ним относятся: верховенство права, законность, справедливость, уважение к правам и свободам, гарантированным Конституцией и федеральными законами, а также международными договорами, независимость и беспристрастность суда, гласность и открытость, право на правовую помощь и непосредственность. Некоторые из этих принципов дублируются в Гражданском процессуальном, Уголовном процессуальном кодексах и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях.

Практическая реализация указанных принципов является залогом осуществления правосудия. Причем принципы правосудия неразрывно связаны между собой и создают социальную основу для осуществления судебной власти. Итак, социальная ценность правосудия как основной функции судебной власти в Российском государстве заключается в том, что правосудие призвано обеспечивать: 1) утверждение в государстве верховенства права; 2) обеспечение соблюдения Конституции и иных законов; 3) обеспечение защиты прав

⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 27.12.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 01.05.2019).

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 01.04.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.05.2019).

и свобод человека и гражданина, а также юридических лиц и других общественных объединений; 4) защиту общественных и национальных интересов; 5) осуществление восстановительной функции.

Луганская академия внутренних дел имени Э. А. Дидоренко
Андрейченко Л. С., преподаватель кафедры правоохранительной
и судебной деятельности

Lugansk Academy of Internal Affairs named after E. A. Didorenko
Andreychenko L. S., Lecturer of the Law Enforcement
and Judicial Activity Department
E-mail: luda.mila7@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ПРОИЗВОДСТВЕ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Статья освещает отдельные проблемы реализации лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, права на справедливое судебное разбирательство. Анализируется позиция Европейского суда по правам человека по данной проблеме. Вносятся ряд предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, справедливое судебное разбирательство, принудительные меры медицинского характера, Европейский суд по правам человека.

SECURING THE RIGHT TO A FAIR TRIAL IN A PROCEDURE REGARDING THE APPLICATION OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES

The article covers certain issues of the realization of the right to a fair trial of a person in a procedure regarding the application of compulsory medical measures. The author analyzes the position of the European Court of Human Rights on this issue. The article introduces a number of suggestions for improving the criminal procedure legislation.

К е у w o r d s: criminal proceedings, fair trial, compulsory medical measures, ECHR.

Поступила в редакцию 5 сентября 2019 г.

Российское уголовное судопроизводство эволюционирует и трансформируется под влиянием не только внутригосударственных общественных запросов, но и общепризнанных норм и принципов международного права. Ратификация Российской Федерацией Европейской конвенции по правам человека (далее – ЕКПЧ)¹ привела к необходимости учитывать ее основные положения при организации уголовно-процессуальной деятельности.

Статья 6 ЕКПЧ закрепляет право каждого на справедливое судебное разбирательство. Данное право носит сложный комплексный характер и подразумевает такую организацию судопроизводства, которая позволит обеспечить «справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»². Следует согласиться с мнением О. В. Качаловой, обоснованно указывающей, что реализация данного права должны быть обеспечена не только в судебных стадиях, но и «с момента начала принудительных действий в отношении лица, подвергаемого уголовному преследованию, – момента задержания, предъявления обвинения и т. п.»³.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13.05.2004). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же. Ст. 6.

³ Качалова О. В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство как

Комплексность данного права подразумевает создание специальных процессуальных гарантий и механизмов, которые в достаточной степени могут обеспечить: справедливость и публичность судебного разбирательства; разумность сроков судопроизводства; независимость и беспристрастность суда; презумпцию невиновности уголовно преследуемого лица; своевременное уведомление на доступном языке о характере и основании обвинения; реализацию права на защиту; возможность допроса обвиняемым лиц, свидетельствующих как против него, так и в его пользу; право на бесплатную помощь переводчика.

Поскольку по смыслу ЕКПЧ анализируемое право должно быть предоставлено каждому, не допустима дискриминация в его реализации определенными участниками процесса. Это в равной мере касается как возраста, так и состояния здоровья участника процесса. В частности, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) рассматривает несовершеннолетних как самостоятельных заявителей, наделенных такими же правами, как и взрослые участники судопроизводства.

Что же касается состояния здоровья, то речь, в первую очередь, должна идти о лицах, в отношении которых применяются (или могут быть применены) принудительные меры медицинского характера (далее – ПММХ).

В российском уголовном процессе производство в отношении указанных лиц осуществляется в особом порядке и относится к числу усложненных производств за счет дополнительных гарантий обеспечения прав лица, в отношении которых ведется производство о применении ПММХ. В связи с особенностями психического здоровья таких участников закономерно ставится вопрос о возможности реализации ими лично предоставленных им процессуальных прав. Как отмечает А. Л. Осипов, «правовое и фактическое положение такого лица изначально дуалистично: оно нуждается не только в реализации процессуальной функции защиты от выдвинутых в отношении его обвинений (тезиса о причастности к уголовному правонарушению), но и в создании государством адекватных условий для скорейшего получения им квалифицированной психиатрической помощи»⁴.

К сожалению, закрепленные в главе 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) положения изначально конструировались таким образом, чтобы ограничить возможность полноценной реализации «душевнобольным» лицом процессуальных прав. Законодатель тем самым поставил под сомнение способность таких лиц в силу особенностей их психического здоровья полноценно участвовать в производстве по уголовному делу. При этом такой подход разработчиков уголовно-процессуального закона был направлен не на процессуальную дискриминацию таких лиц, а на создание условий для разрешения уголовно-правового конфликта и решения вопроса о предоставлении этим лицам специализированной медицинской помощи с их минимальным участием в процессуальных действиях. Как показала жизнь, такой изначальный подход отечественного законодателя вполне соответствует из-

принцип современного российского уголовно-процессуального права // Рос. судья. 2014. № 6. С. 11.

⁴ *Осипов А. Л.* Производство о применении принудительных мер медицинского характера : национальное и международно-правовое измерение // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 137.

вестной поговорке про благие намерения, ведущие в конечном итоге в ад. Об этом свидетельствуют и решения ЕСПЧ, и правовая позиция Конституционного Суда РФ. В частности, Конституционный Суд РФ в постановлении от 20 ноября 2007 г. № 13-П указал, что сложившаяся правоприменительная практика не позволяет «лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично участвовать в уголовном процессе и самостоятельно реализовывать свои процессуальные права, а именно: знакомиться с материалами уголовного дела, участвовать в судебном заседании при его рассмотрении, заявлять ходатайства, инициировать рассмотрение вопроса об изменении и прекращении применения указанных мер и обжаловать принятые по делу процессуальные решения»⁵. Такая позиция Конституционного Суда РФ полностью соответствует сложившейся практике ЕСПЧ, нашедшей отражение в целом ряде решений, например «Романов против России»⁶, «Васенин против России»⁷ и др.

Т. В. Трубникова указывает, что справедливое судебное разбирательство должно быть распространено и «на процедуру принятия решения по вопросу о применении принудительных мер медицинского характера, а также на процедуру пересмотра судебного решения»⁸.

В российской судебной практике вопросы справедливого судебного разбирательства по уголовным делам о применении ПММХ преимущественно связаны с соблюдением разумных сроков производства и обеспечением личного участия такого лица в производстве по уголовному делу. Что касается разумных сроков, то основной причиной длительного производства является производство судебно-психиатрических экспертиз, которые, в подавляющем большинстве, являются стационарными. Ситуация усугубляется часто и процессуальными факторами, например отдаленностью от места производства по уголовному делу специализированного экспертного учреждения.

Относительно права «душевнобольного» лица на участие в судебном заседании законодатель в ч. 1 ст. 437 УПК РФ сделал оговорку, согласно которой психическое состояние лица должно позволять ему осуществлять лично эти права. Наличие такой оговорки является оправданным. Нередко в судебное заседание доставляются лица, психическое состояние которых препятствует их активной реализации процессуальных прав. Такая оговорка не противоречит и практике ЕСПЧ. В решении Европейского суда по правам человека от 24 октября 1979 г. «Винтерверп (Winterwerp) против Нидерландов» было указано, что

⁵ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева : постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Дело «Романов (Romanov) против Российской Федерации» (жалоба № 63993/00) : постановление ЕСПЧ от 20 октября 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Дело «Васенин (Vasenin) против Российской Федерации» (жалоба № 48023/06) : постановление ЕСПЧ от 21 июня 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство : правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации : учеб. пособие. Томск, 2011. С. 60.

право на личное участие в судебном разбирательстве «душевнобольного» лица не является абсолютным и может быть ограничено по медицинским показаниям⁹. Однако закономерно встает вопрос о процессуальных механизмах, которые компенсируют такое ограничение права лица лично участвовать в судебном разбирательстве. Российский уголовно-процессуальный закон предлагает в качестве компенсаторного механизма участие не только защитника по данной категории дел, но и законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ. В то же время процессуальный статус данного лица закреплен крайне небрежно и фрагментарно. Не ясным остается и момент допуска такого законного представителя в процесс. Согласимся с позицией И. А. Насоновой, предлагающей закрепить в УПК РФ как определение данного участника, так и его права и обязанности¹⁰.

По логике законодателя, вывод о невозможности личного осуществления лицом, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, процессуальных прав может быть сделан судом или следователем только на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы или же заключения медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. Таким образом, решению вопроса о возможности личного участия «душевнобольного» лица, например в судебном заседании, должно предшествовать его медицинское обследование, причем в стационарных условиях. Лаконичность законодательных формулировок оставляет открытыми много вопросов: об обязательности такого заключения для суда или следователя, о возможных вариантах развития процессуальной деятельности, если в заключении экспертов по каким-либо причинам отсутствует категоричный вывод о возможности личного участия лица в процессе, об обоснованности получения такого заключения для всех лиц, в отношении которых ведется производство о применении ПММХ и т. д.

Подводя итог изложенному выше, отметим, что предусмотренный УПК РФ порядок производства по анализируемой категории уголовных дел урегулирован несистемно и фрагментарно, что затрудняет реализацию лицами, в отношении которых ведется производство о применении ПММХ, права на справедливое судебное разбирательство.

⁹ Winterwerp v. the Netherlands, 24 October 1979, Series A no. 33 [Electronic resource]. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Survey_19591998_BIL.pdf

¹⁰ См.: Насонова И. А. Особенности охраны прав лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 95.

Российский государственный университет правосудия
Марковичева Е. В., доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем правосудия

Russian State University of Justice
Markovicheva E. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Chief Researcher of Justice Research Center
E-mail: markovicheva@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ КАК ГАРАНТИЯ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

На примере избрания мер пресечения поднимается проблема нравственного воспитания средствами уголовно-процессуального закона участников уголовного судопроизводства, а также лиц, не участвующих в уголовно-процессуальных отношениях. На основании анализа положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих основания и порядок избрания мер пресечения, делается вывод, что содержание указанных процессуальных норм не в полной мере выполняет воспитательную задачу. Уголовно-процессуальный закон может являться средством нравственного воспитания только в том случае, если сам является безупречно нравственным. Предлагаются решения, позволяющие усилить нравственную составляющую процессуальных норм, используемых правоприменителем для избрания мер пресечения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нравственные начала уголовного судопроизводства, воспитательные задачи уголовного процесса, меры пресечения, заключение под стражу, меры процессуального принуждения, нравственное воспитание, процессуальные гарантии.

PROCEDURAL REGULATION OF THE ELECTION OF PREVENTIVE MEASURES AS A GUARANTEE OF MORAL EDUCATION

The article raises the problem of moral education by means of the criminal procedure law of participants in criminal proceedings, as well as persons not involved in criminal procedural relations on the example of the election of preventive measures. On the basis of the analysis of provisions of the criminal procedural legislation regulating the bases and an order of election of measures of restraint, the conclusion is drawn that the maintenance of the specified procedural norms not fully carries out an educational task. Criminal procedure law can be a means of moral education only if it is itself perfectly moral. The article proposes solutions to strengthen the moral component of the procedural rules used by the law enforcement officer for the election of preventive measures.

К е у w o r d s: moral principles of criminal proceedings, educational objectives of the criminal process, preventive measures, detention, measures of procedural coercion, moral education, procedural guarantees.

Поступила в редакцию 5 сентября 2019 г.

Недостаточная действенность многочисленных изменений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) позволяет предположить, что причина претензий к уголовно-процессуальной

деятельности со стороны граждан страны и ее руководства не столько в качестве закона, сколько в его интерпретации следователями, дознавателями, прокурорами, судьями, обусловленной уровнем подготовки и развитостью нравственных качеств. Если высоконравственная нормативная база и существует, то для безнравственного правоприменителя она не имеет никакого значения¹.

Пожалуй, трудно подобрать более точную формулировку роли личных нравственных и профессиональных качеств правоприменителя в реализации положений закона, чем формулировка Р. Кона: «Не показывайте мне кодекс – покажите мне судью». Известно и образное высказывание П. Сорокина о роли конституции в группе дьяволов². Спорить с тем, что неквалифицированный или бесчестный правоприменитель способен испортить самый замечательный замысел, заложенный законодателем в кодекс, конечно, не приходится.

Вместе с тем лица, призванные претворять закон в жизнь, являются частью общества и несут на себе все его достоинства и пороки. В высоконравственном обществе необходимыми нравственными качествами обладают большинство его членов, в обществе с разложившимися нравственными идеалами – большинство безнравственно. Следовательно, нравственные пороки правоприменителя в равной доле (хочется верить, что она все же не сильно велика) распространяются и на представителей законодателя. Чем сильнее поражена нравственность в той и другой группе, тем тяжелее разорвать порочный круг: безнравственность проникает в закон и усиливается нравственными проблемами на уровне его применения.

Процессуальная форма, несомненно, выполняет роль важнейшей гарантии, призванной максимально ограничивать проявления человеческих слабостей, биологических инстинктов, и до минимума снижать возможные последствия непрофессионализма или умышленной незаконности.

Средства, используемые законодателем для решения этой сложнейшей задачи, способны принести ожидаемый эффект только при условии их комплексности: 1) нормы права должны достаточно жестко диктовать порядок действий, не превращая закон в инструкцию, оставляя правоприменителю возможность его адекватного толкования; 2) нарушение норм права не должно оставаться без последствий для нарушителя, необходимы действенные механизмы ответственности; 3) закон должен предусматривать действенные механизмы контроля и надзора, позволяющие либо предупреждать, либо оперативно выявлять нарушения и устранять их; 4) содержание закона должно соответствовать представлениям о нравственных идеалах населения страны. Без последнего условия реализация всех предшествующих не найдет понимания народа, а значит, будет стимулировать нигилистическое отношение правоприменителя к соблюдению норм права.

Соблюдение приведенных выше условий способно положительно повлиять на нравственное состояние общества в целом, включая и лиц, наделен-

¹ См.: *Победкин А. В.* Уголовный процесс : состояние вне права. М., 2013. С. 75.

² См.: *Сорокин П. А.* Современное состояние России / текст, прим. и послесловие В. В. Сапова ; вступ. слово В. Шубкина // Новый мир. 1992. № 4. С. 181–203.

ных полномочиями по применению уголовно-процессуального закона. Вероятно, только положительный эффект принесет и прямое включение в УПК положений, носящих в основном воспитательный или даже исключительно воспитательный характер (широкое доведение до общественности результатов судопроизводства, самого его хода, трансляции судебных заседаний в сети «Интернет», привлечение общественности к судебному разбирательству и т. д.).

Воспитательный заряд несет и форма, и содержание, и реализация уголовно-процессуального закона. Уголовный процесс воспитывает отношением должностных лиц к человеку, его правам и законным интересам; принимаемыми процессуальными решениями. Огромный воспитательный потенциал кроется и в эффективности реализации основной функции уголовного процесса: публичности, т. е. защиты народа от преступных проявлений, которые могут достигать уровня угрозы национальной безопасности страны³.

Уголовно-процессуальный закон должен выступать гарантией не только правильного установления обстоятельств по уголовному делу и защиты прав личности, но и нравственного воспитания⁴. К сожалению, воспитательные задачи перед уголовно-процессуальным законом России (в отличие от законодательства ряда государств на постсоветском пространстве) не ставятся.

Между тем Л. Д. Кокорев совершенно справедливо считал воспитательные задачи правосудия первостепенными, даже если их решение осложнит познание истины. Поиск истины будет затруднен, однако правосудие не пострадает⁵, – в этой фразе нет противоречия. Правосудие не исчерпывается установлением истины и, тем более, снятием конфликта между сторонами в процессе. Правосудие – не столько разрешение некоего спора, сколько осуществление некой едва ли не сакральной миссии людьми, призванными обеспечивать справедливость.

Наиболее ярко нравственные проблемы уголовно-процессуального закона и его реализации высвечиваются при применении мер процессуального принуждения, в частности мер пресечения, как наиболее жестких процессуальных средств.

Именно они, будучи примененными без достаточных оснований или несоизмеренно реально существующим угрозам нормальному ходу уголовного судопроизводства, несут прямо обратный эффект – утрату населением страны веры в справедливость уголовного судопроизводства, оправдание и возвращение аморальных черт его участников, включая следователя, дознавателя, прокурора и судью.

Положения УПК, регламентирующие основания и порядок избрания мер пресечения, не должны вызывать никаких сомнений с точки зрения их нравственной насыщенности и положительного воспитательного воздействия как

³ См.: *Победкин А. В.* Уголовное судопроизводство как невостребованное средство воспитания человека // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 42.

⁴ См.: *Победкин А. В.* Гарантии нравственности (о нравственном значении трудов Л. Д. Кокорева) // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 60.

⁵ См.: *Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Этика уголовного процесса : учеб. пособие. Воронеж, 1993. С. 57.

на участников процесса, включая должностных лиц, так и на других жителей страны.

К сожалению, практика показывает, что меры пресечения, связанные с ограничениями личной свободы человека, по-прежнему в целом остаются чрезмерно распространенными. Так, в 2017 г.: заключение под стражу – 123 296 случаев (48 % от всех возможных⁶; домашний арест – 6442; залог – 135), в 2018 г.: заключение под стражу – 113 141 случай (46 % от всех возможных; домашний арест – 3918; залог – 138).

Невзирая на комплекс принимаемых законодателем мер, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ⁷, заключение под стражу остается в лидерах и среди мер пресечения, избираемых судом. Очевидно, как наиболее строгая мера пресечения она должна применяться в крайних случаях⁸ не только по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности⁹.

Точечные запреты законодателя на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, разъяснения Верховного Суда, тем более доктринальные позиции, очевидно, пока не эффективны.

Несоразмерная жесткость применяемых мер пресечения вызывает беспокойство населения, колеблет его веру в справедливость. На неблагополучие в сфере избрания мер пресечения указал и уполномоченный по правам человека в РФ (далее – Уполномоченный): в 2018 г. значительно увеличилось (на 18 % по сравнению с 2017 г. и на 24 % по сравнению с 2016 г.) количество жалоб на необоснованное избрание и продление меры пресечения в виде заключения под стражу¹⁰. К Уполномоченному обращались с просьбами об оказании содействия в изменении меры пресечения в виде заключения под стражу в связи с имеющимся заболеванием, указывалось на необоснованное продление сроков данной меры пресечения.

Широкий резонанс приобрел случай заключения под стражу смертельно больного человека, который мог находиться только в положении лежа на одном боку. Адвокатом обвиняемого была предоставлена справка о первой группе инвалидности и два медицинских документа, подтвердивших наличие четвертой клинической стадии онкологического заболевания и заключение эксперта о том, что по состоянию здоровья он не может принимать участия в судебном заседании. Судом было вынесено решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, так как «при создании определенных

⁶ Доля всех уголовных дел, по которым возможно было избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, исходя из санкции (свыше 3 лет лишения свободы).

⁷ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См. об этом: Химичева О. В. УПК РФ : реформа продолжается // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2012. № 2. С. 34.

⁹ Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 3 декабря 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

условий содержания – положение лежа на правом боку нахождение в СИЗО под стражей возможно»¹¹.

Корень проблемы бесчеловечности некоторых участников процесса, наделенных правом принуждать, – в сфере нравственности. Целая система должностных лиц, задействованных в процедуре избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, не проявляют лучших нравственных качеств, занимают пассивную, соглашательскую позицию, опасаются принять на себя ответственность, ставят личное удобство или узковедомственные интересы над общенациональным интересом справедливости правосудия.

Поскольку такое поведение приобрело гипертрофированные масштабы, значит (как обосновывалось выше) уголовно-процессуальный закон также не является гарантией, стимулирующей нравственное поведение должностных лиц, задействованных в принятии решения о заключении подозреваемого (обвиняемого) под стражу.

Надо сказать, что законодатель, активно вводя прямые запреты на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении любых предпринимателей, даже при наличии соответствующих оснований и вне зависимости от законности осуществляемой предпринимательской деятельности (что с точки зрения нравственного воспитания также вызывает вопросы)¹², остается абсолютно равнодушен к явно недостаточной процессуальной регламентации применения мер пресечения и заключения под стражу в частности. Речь в данном случае не о самой процедуре: порядок судебного заседания, в котором рассматривается ходатайство следователя об избрании меры пресечения, допускаемой только по судебному решению, изложен в УПК достаточно детально. Однако в данном случае мы имеем дело с классическим примером формы без содержания. Порядок судебного заседания вне зависимости от степени его детальности ничего не гарантирует, если все участники процесса, принимающие решение, заинтересованы в наиболее удобном решении – заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу.

По существу же законодатель ограничился указанием на угрозы, наличие которых позволяет избрать меру пресечения (основания избрания меры пресечения), обстоятельства, учитываемые при ее избрании, при этом не только не сделал попытки какой-либо дифференциации указанных оснований и условий, но даже не высказал внятно позицию относительно необходимости их доказывать.

Практика давно и прочно идет по пути установления оснований избрания мер пресечения посредством различного рода данных, которые не всегда являются доказательствами наличия (отсутствия) угрозы, указанной в ч. 1 ст. 97 УПК. Словно поддерживая такую практику, законодатель в ч. 1 ст. 108 УПК

¹¹ Сидеть, лежа в гробу // Рос. газета. Столичный вып. № 59 (7817). URL: <https://rg.ru/2019/03/18reg-ufo.html> (дата обращения: 19.09.2019).

¹² Как свидетельствуют статистические данные, предприниматели, в отношении которых заключение под стражу не могло быть применено, даже при наличии оснований, часто не стремятся продолжить свой бизнес и обеспечить рабочими местами граждан. Они попросту скрываются (см.: *Панфилов П. О.* Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 21).

предусмотрел, что заключение под стражу не может быть избрано на основании результатов оперативно-розыскной деятельности, т. е. без доказательств, чем дает повод полагать, что иные меры пресечения вполне могут применяться при недоказанности оснований.

Речь, конечно, не идет о доказанности неизбежности совершения обвиняемым (подозреваемым) действий, перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК, однако сама реальность угрозы должна быть доказана. Заметим, что разъяснение, заложенное в ч. 1 ст. 108 УПК, правоприменительную практику изменило незначительно¹³.

Заключение под стражу повально избирается на основании данных, не свидетельствующих об угрозе наступления последствий, перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК, т. е. на основании сведений, не обладающих свойством относимости. Нередко для этих целей используются сведения из разряда «обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения» (ст. 99 УПК). В этой статье прямо сказано, что перечисленные в ней обстоятельства должны учитываться не только при определении вида меры пресечения при наличии оснований, но и при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения, т. е. фактически для установления наличия (отсутствия) оснований. В результате наличие угрозы совершить действие, препятствующее производству по уголовному делу, обосновывается профессией обвиняемого, подозреваемого (например, сотрудник органов внутренних дел), уровнем его юридической подготовки (высокий, якобы свидетельствует о возможных неправомерных действиях), наличием заграничного паспорта и т. д.

Несмотря на то что некоторые авторы вслед за законодателем считают возможным подтверждение оснований избрания меры пресечения наличием обстоятельств, учитываемых при их избрании¹⁴, в большинстве случаев сведения о последних неотнесимы к основаниям избрания мер пресечения. Более того, их использование в качестве подтверждения оснований имеет отрицательный эффект: человек страдает за избранную профессию, полученную квалификацию, законно выданный документ, нередко не имея никакого умысла на воспрепятствование уголовному судопроизводству.

Нельзя согласиться с нравственной оправданностью заключения под стражу в связи с одной лишь тяжестью преступления. Вряд ли стоит отрицать необходимость учета тяжести преступления при решении вопроса о наличии оснований, однако именно «учета», о чем и пишет законодатель, а никак не использования в качестве доказательства основания. Пленум Верховного Суда, дублируя позицию Европейского суда по правам человека, полагающе-

¹³ См.: Буланова Н. В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений : науч.-метод. пособие / под ред. М. Е. Токаревой. М., 2005. С. 75 ; Воронцова Н. Основания применения мер пресечения по УПК РФ // Рос. следователь. 2002. № 9. С. 8–11.

¹⁴ См., например: Хапаев И. М. Обстоятельства учитываемые при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Юрист-Правоведь. 2014. № 3 (64). С. 81–85 ; Смирнов М. В. Условия применения мер процессуального принуждения на предварительном следствии // Рос. следователь. 2003. № 4. С. 23–24.

го возможным на начальных этапах расследования заключать под стражу по мотивам одной лишь опасности совершенного преступления¹⁵, игнорирует позицию Конституционного Суда РФ¹⁶, который еще в 1996 г. исключил возможность применения заключения под стражу меры пресечения в виде заключения под стражу по мотивам одной лишь опасности преступления.

Тем самым правоприменитель ориентирован на отсутствие какой-либо необходимости утруждаться доказыванием наличия оснований избрания меры пресечения.

Вероятно, и формулировка «при наличии достаточных оснований полагать» (ч. 1 ст. 97 УПК) оказывает на правоприменителя расслабляющее действие: «достаточные основания полагать», конечно, не синоним «доказанных доказательств, свидетельствующих о возможности...».

К сожалению, в настоящее время закон устроен так, что в случае необоснованного применения меры принуждения ответственность в порядке регресса несет исключительно следователь (дознаватель). Так, в 2018 г., по данным Генеральной прокуратуры РФ, число решений органов предварительного расследования и вступивших в законную силу решений суда, повлекших признание права на реабилитацию, составило 12 751; количество лиц, подвергнутых заключению под стражу, получивших право на реабилитацию, составило 763; а количество направленных в суд исков о возмещении вреда в порядке регресса с должностных лиц, виновных в незаконном уголовном преследовании (следователь, дознаватель), – 416, из них удовлетворено 6, на общую сумму 546 тыс. рублей.

Вместе с тем в случае установления вины судьи, согласившегося с необоснованным ходатайством; прокурора, не возразившего против применения заключения под стражу; руководителя следственного органа, поддержавшего ходатайство следователя, указанные лица также должны нести гражданско-правовую ответственность. Принимать процессуальные решения, будучи освобожденным даже от чувства ответственности, недопустимо. К сожалению, проблема ответственности за решения, от которых зависят судьбы, остро вставшая в конце прошлого века в связи с начавшейся судебной реформой¹⁷, не решена до настоящего времени.

Безусловно, нравственное воспитание правоприменителя – сложный и многофакторный процесс. Однако закон, который создает почву для несправедливых решений, не может воспитывать лучшие человеческие качества¹⁸, напротив, способен их затушевывать.

¹⁵ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2014. № 2.

¹⁶ По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина : постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 1996. № 4.

¹⁷ См.: *Кокорев Л. Д.* Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006. С. 276.

¹⁸ См.: *Победкин А. В.* Уголовное судопроизводство как не востребовавшее средство воспитания человека. С. 42.

Воспитание – задача уголовного судопроизводства, которая должна вернуться в закон и выступить одним из критериев оценки права на существование как отдельных уголовно-процессуальных норм, так и правовых институтов.

Академия управления МВД России (г. Москва)

Сухова И. И., адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений

Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

Sukhova I. I., Post-graduate Student of the Management of Crime Investigation Bodies and Units Department
E-mail: irinaigorevna.i@yandex.ru

УДК 343.1

В. А. Середнев

О СОДЕРЖАНИИ АВТОРИТАРНОЙ, КОГЕРЕНТНОЙ, КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЙ, ПРАГМАТИЧЕСКОЙ И АРТЕФАКТНОЙ ИСТИН И ВОЗМОЖНОМ ПРОЦЕССЕ ИХ ПОЛУЧЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Исследован вопрос, связанный с проблемой истины в уголовном процессе. Рассмотрено соотношение истины в уголовном процессе с целью и доказательственным фактом. Автор показывает, что в современном отечественном уголовном процессе нельзя рассматривать полученную истину в процессе доказывания как объективную истину. Проводится сравнение таких концепций истин, как авторитарная, когерентная, конвенциональная, прагматическая и предложенная автором новая концепция – артефактная истина в ходе уголовно-процессуального доказывания. Сделан вывод, что основным признаком истины в ходе уголовно-процессуального доказывания должна быть ее ценность для охраны и защиты интересов человека, общества и государства в борьбе с преступностью, именно такими признаками обладает артефактная истина, в процессе установления которой факт рассматривается как конструкция, созданная сознанием человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, доказывание, авторитарная истина, когерентная истина, конвенциональная истина, прагматическая истина, артефактная истина.

ON THE CONTENT OF AUTHORITARY, COHERENT, CONVENTIONAL, PRAGMATIC AND ARTIFICIAL TRUTH AND THE POSSIBLE PROCESS OF THEIR PREPARATION IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Investigated a question related to the problem of truth in criminal proceedings. The correlation of truth in the criminal process with the purpose and evidentiary fact is considered. The author shows that in the modern domestic criminal process it is impossible to regard the obtained truth in the process of proving as objective truth. A comparison of such concepts of truths as: authoritarian, coherent, conventional, pragmatic and proposed by the author, a new concept, – artifact truth in the course of criminal procedural proof is made. It was concluded that the main feature of truth in criminal procedural proof should be its value for protecting and protecting the interests of a person, society and the state in the fight against crime, just such signs are possessed by the artifact truth, in the process of establishing which, the fact is considered neither as eviction, but as a construction created by human consciousness.

K e y w o r d s: criminal process, proof, authoritarian truth, coherent truth, conventional truth, pragmatic truth, artifact truth.

Поступила в редакцию 2 сентября 2019 г.

Нам не нужна просто истина, мы хотим иметь более глубокую и новую истину... Просто истины нам недостаточно, ибо, прежде всего, ищем ответ на наши проблемы.

К. Р. Поппер

Философы на протяжении многих тысячелетий в контексте познания занимаются исследованием истины, но почему-то никто из них не вел, да и в принципе не ведет речь о том, зачем вообще стремиться познать истину. Мы убеждены, что истина в контексте уголовного процесса связана именно с целью последнего.

Цель уголовного процесса необходимо рассматривать через «древо целей», где генеральной целью, на наш взгляд, всегда является борьба с преступностью. Соответственно, чтобы реализовать генеральную цель, она нуждается в целях низших (но также очень важных) уровней, к которым приходят через решения задач уголовного процесса. Поскольку уголовный процесс состоит из стадий, каждой стадии присущи свои задачи (наряду с участниками, методами и структурой). Другими словами, все стадии (этапы) уголовного процесса соединены между собой единой (общей) целью, следовательно, при решении задачи, соответствующей каждой стадии в отдельности, происходит решение основных задач уголовного судопроизводства и в результате – приход к его целям¹.

В ходе исследования необходимо указать на основные концепции (теории) истины, которые можно рассматривать в контексте уголовного судопроизводства (процесса), при доказывании по уголовным делам.

Авторитарная теория истины, сущность которой заключается в безоговорочном доверии к лицу (источнику), которое видится себе подобным и желает быть, как этот источник. Более того, данный источник всегда рассматривается как *гарант* любого его высказывания². К примеру авторитарной истины можно отнести современное отечественное «псевдозаконодательство», которое имеет свое «яркое» представительство в стенах Государственной Думы (далее – ГД) РФ. Так, 2 апреля 2019 г. спикер ГД В. В. Володин, имеющий ученую степень доктора юридических наук, официально на заседании ГД заявил, что наказание для водителей, которые, находясь в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, стали виновниками ДТП со смертельным исходом, может быть ужесточено. Ответственность за такие действия следует приравнять к наказанию за умышленное убийство³. Несмотря на то что убийство – это всегда умышленное причинение смерти другому человеку (ст. 105 УК РФ), а дорожно-транспортное происшествие (ДТП), предусмотренное ч. 4 ст. 264 УК РФ, всегда имеет форму вины – неосторожность (речь идет о ДТП, совершенном лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшем по неосторожности смерть человека), как и все части нормы ст. 264 УК РФ. Депутат-

¹ См.: Середнев В. А. Разграничение понятий «назначение», «цели» и «задачи» уголовного судопроизводства, их место в процессе // Научный альманах. 2015. № 8 (10). С. 1305.

² См.: Лекции по философии науки, прочитанные профессором МФТИ Ю. И. Семеновым в 2005/06 учебном году.

³ Не рули – убьешь // Рос. газета. 2019. № 72 (7830). Столичный вып.

ский корпус ГД воспринял сказанное В. В. Володиным как истину в последней инстанции. Другими словами, авторитет спикера ГД для избранных народа – выше существующего обоснованного законодательства в контексте Общей части уголовного права при рассмотрении элементов состава преступления, в том числе и субъективной стороны, с ее формами вины.

Когерентная теория истины по своей сути отвечает основным, классическим критериям истины, т. е. тем, которые помогают отличить истину от заблуждений. К критериям истины следует относить:

- 1) соответствие ранее открытым и доказанным законам и теоремам науки;
- 2) соответствие логическим законам;
- 3) соответствие фундаментальным законам и аксиомам;
- 4) парадоксальность, т. е. обстоятельства, происходящие в реальности, но не имеющие логического объяснения;
- 5) простота и общедоступность формулировки;
- 6) практика, т. е. накопленный поколениями опыт применения и полученные результаты в ходе проведенных экспериментов.

Исходя из критериев истины следует констатировать, что когерентная истина не может противоречить указанным критериям, она утверждает связанность и неразделимость с ними⁴. Другими словами, «два противоречащих друг другу суждения не могут быть истинными одновременно»⁵. Соответственно всякое предложение, входящее в эмпирически значимое множество, может рассматриваться как истинное только в том случае, если удастся найти подмножество, непротиворечивость и логическая взаимосвязанность которого доказана... чем больше число когерентных подмножеств входит в высказывание, тем большей вероятностью оно может оказаться истинным. Этот подход объединяет логические и эмпирические методы анализа систем знаний с математической теорией вероятности⁶.

Конвенциональная теория истины является результатом соглашения мнений нескольких (многих) субъектов⁷. На наш взгляд, основной «движущей силой» конвенциональной истины является, конформистское мышление, желание не быть «белой вороной», а быть с большинством, соглашаться с мнением большинства. Основной проблемой конвенциональной истины является нахождение в рядах ученых лиц с неконформистским мышлением. Другими словами, у лиц должны быть схожие интересы, иначе они не смогут договориться между собой, даже в самых простых вопросах⁸.

Прагматическая теория истины основана на *утилитарной логике*, т. е. связана с получением не просто пользы, а пользы, связанной с получением удовольствия, поэтому можно констатировать, что в основе утилитаризма лежат гедонизм или эвдемонизм – ценностные (аксиологические) учения, со-

⁴ См.: Концепции истины // *Философия : словарь основных понятий и тесты по курсу «Философия» : учеб. пособие / под ред. З. А. Медведевой. Кемерово, 2008.*

⁵ *Брентано Ф. Избранные работы. М., 1996. С. 102.*

⁶ См.: *Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 2. С. 264.*

⁷ См.: *Концепции истины...*

⁸ См.: *Социальная сеть для мыслящих людей. Что такое истина? URL: <http://razumnye.org/blogs/zametki-trm/309/chto-takoe-istina> (дата обращения: 10.05.2019).*

гласно которым высшей ценностью является удовольствие или счастье индивидуума⁹.

Более того, для исследования сущности истины в уголовно-процессуальном доказывании необходимо указать, что истина имеет свое **содержание**, т. е. она может быть **абсолютной** или **относительной**.

Для более глубокого понимания «абсолютного в истине» и ее «относительности» необходимо обратиться к псевдонауке, а именно: к марксистско-ленинской трактовке абсолютной истины, поскольку именно данная трактовка показывает на всю нелепость и несостоятельность понятия истины, а в рамках уголовно-процессуального доказывания более всего. Под истиной в данном случае понимается знание, имеющее исчерпывающую полноту, абсолютную точность, неопровержимость, окончательность¹⁰. То есть в данном контексте абсолютной истиной признается знание, которое в принципе не может быть ни дополнено, ни изменено, ни уточнено. Соответственно относительной истиной должно считаться знание, которое отражает действительность правильно, но может быть в последующем уточнено, дополнено и даже в чем-то изменено. Если же мы возьмем знания, которые получены в ходе досудебного доказывания, то скажем, что они не обладают исчерпывающими и абсолютно точными признаками. Поскольку эти знания (соответственно и истина) не являются абсолютно неопровержимыми и окончательными, так как закон оставляет возможность проверки и отмены или изменения даже вступившего в законную силу (надзорное производство) приговора суда. Считать истину, получаемую в рамках уголовного процесса абсолютной нет никаких оснований.

Отсутствуют также основания считать истину относительной, поскольку относительная истина предполагает в последующем уточнения, дополнения, изменения и, по сути, является неким промежуточным этапом в достижении абсолютной истины. В уголовном же процессе наступает момент (период), который представляет собой конечный итог познания и материализуется в приговор суда. Думается, что для судебного доказывания понятия и «абсолютной», и «относительной» истины не подходят. Потому что «абсолютность» и «относительность» являются понятиями, которые характеризуют бесконечный, в контексте эволюции, процесс бытия и познания его человеком.

Наиболее важную научную и, естественно, практическую ценность представляет вопрос, связанный с **характером истины** в уголовном судопроизводстве, т. е. является ли истина **содержательной (объективной)** или **формальной (формализованной)**. Под объективной истиной в философии и соответственно в уголовном процессе понимается еще со времен Аристотеля¹¹ такое знание, содержание которого соответствует объективной действительности, точно ее отражает. Под формальной истиной понимается соответствие выводов,

⁹ См.: Утилитаризм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

¹⁰ См.: Философский словарь / под ред. Т. В. Фролова. 4-е изд. М., 1981. С. 3.

¹¹ См., например: Философский энциклопедический словарь / сост.: Л. Ф. Ильичев [и др.]. М., 1983. С. 226–227.

каким-либо формальным условиям безотносительно к тому, соответствуют ли они объективной реальности или нет¹².

Существует мнение, что для достижения истины по уголовному делу в ходе доказывания, необходимо лишь соблюдать процессуальные правила при собирании, проверке и оценке доказательств. На самом деле, **для поиска истины соблюдение процессуальных правил ничего не дает**. Например, следователь при приостановлении производства по уголовному делу по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (лицо подлежащее к привлечению в качестве обвиняемого не установлено), для того чтобы уголовное дело имело «надлежащий вид», осуществил ряд следственных действий. Никаких процессуальных нарушений не допущено. Истины не получено. Мы не оспариваем того, что *процессуальные правила – это одно из условий получения результата, но не более*. Остается открытым и не понятным вопрос, если при соблюдении процессуальных правил в ходе проведения следственных действий (доказывания) достигается истина, то в какой именно момент это происходит? Так как процессуальные действия в принципе можно совершать до истечения сроков давности по уголовным делам, а по такой категории уголовных дел, указанных в ч. 5 ст. 78 УК РФ, сроки давности не применяются. То есть совершение процессуальных действий по данной категории уголовных дел, со ссылкой на ст. 208 УПК РФ («Основания, порядок и сроки приостановление предварительного следствия») и ст. 211 УПК РФ («Возобновление приостановленного предварительного следствия»), могут проводиться до бесконечности.

Какой же главный вопрос стоит перед судом при вынесении судебного решения? Ответ очевиден, суд интересуется всегда один вопрос: доказано или не доказано обвинение (соответственно при юридически допустимых доказательствах). Если обвинение доказано, то истина состоит в том, что обвиняемый виновен в совершении преступления, и суд должен вынести обвинительный приговор. Соответствует ли доказанное обвинение *объективной действительности* или не соответствует, существует или не существует *объективная истина*, такой вопрос с точки зрения доказательств, на наш взгляд, не ставится.

В науке, в том числе и в уголовно-процессуальной, предлагается *принцип объективности познания мира*, относящийся к классической науке, который в основном был в «моде» и действовал вплоть до начала XX в. Сама логика познания в аспекте объективного познания мира, по верному замечанию Д. П. Туленкова, указывала, что «поскольку в знаниях раскрывается объективный мир вещей, свойств и отношений как они есть сами по себе – значит, в знаниях перед нами предстает подлинное бытие. Знание является как бы отражением, копией реального мира»¹³. Именно исходя из этих мифических постулатов, в рамках гносеологической концепции объективного познания мира, под истиной, как правило, понимается соответствие понятия объекта и его действительности, т. е. «адекватное отражение объекта познающим субъек-

¹² См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 310–311.

¹³ Туленков Д. П. Познавательная деятельность при производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей. М., 2015. С. 20.

ектом, воспроизведение его так, как он существует сам по себе, независимо от человека и его сознания»¹⁴. В советской России истина рассматривалась в соответствии с догматами ленинско-марксистских *референций*, основанных на диалектических воззрениях Г. Гегеля, отраженных в работе «Наука логики»¹⁵. В связи с этим фундаментальный труд «Теория доказательств в советском уголовном процессе»¹⁶ на протяжении не одного десятка лет считался не просто хрестоматией для многих поколений юристов, а больше – «светской библией», в которой содержались оценочные суждения. И сегодня имеются призывы к признанию объективной истины в уголовно-процессуальном доказывании в виде «необходимости четкого закрепления категории «объективная истина» в УПК РФ... единственно верный путь вынесения безошибочного, правосудного судебного акта»¹⁷.

Имевшееся в середине XX в. понятие социалистического правосознания в купе с материалистической теорией познания мира регламентировало собой отношение к преступности следующим образом: *поскольку мир можно полностью объективно познать, соответственно не может быть не раскрываемых преступлений, а если преступления не раскрываются, в этом вина нерадивых сотрудников правоохранительных органов*. Другими словами, можно вести речь о том, что «вина рассматривалась как превенция (профилактика), т. е. действовал, тривиальный и неофициальный принцип “чтобы другие боялись”»¹⁸.

Полагаем, если уж говорить о существующих концепциях истин в уголовном процессе, то отметим, что в ходе расследования уголовного дела устанавливается «юридическая истина», а не «объективная истина», поскольку в результате познания бытия (обстоятельств совершения преступления) мы получаем не знания об объективной действительности, а лишь субъективное представление о ней, в форме реальности. Верно замечает А. А. Козьявин, что «основной признак юридической истины – соответствие ее собранным по уголовному делу доказательствам»¹⁹, без относительного прагматизма для общества, а преобладанием в ней некой слабости и безразличия к регулированию общественных отношений. Соответственно понятие «юридическая истина» имеет широко абстрактную сущность и может входить во все рассматриваемые нами концепции истины. Другими словами, истина по уголовному делу не может и не должна выходить за пределы «сведений», имеющихся в уголовном деле. Поэтому «во главу угла» принято ставить два вопроса: 1) соответствуют

¹⁴ Философский энциклопедический словарь / рекол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев. 2-е изд. М., 1989. С. 230.

¹⁵ См.: Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 2005.

¹⁶ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин [и др.]; отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М., 1973.

¹⁷ Беккер Т. А. «Главная трибуна» по вопросу восстановления объективной истины в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 3. С. 155.

¹⁸ Середнев В. А. Разграничение понятий «назначение», «цели» и «задачи» уголовного судопроизводства, их место в процессе. С. 1306.

¹⁹ Козьявин А. А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 17.

ли полученные знания объективной реальности и 2) соблюдены ли при получении истины процессуальные правила.

Мы считаем, что не существует абсолютной истины, а соответственно и абсолютной достоверности знания. Может существовать высокая вероятность как количественная величина следственной или судебной ошибки при оценке доказанности вины лица. Даже то обстоятельство, что цели достижения истины не указаны в уголовно-процессуальном законодательстве, тем не менее они имеют отражение в приговоре суда, деятельности субъектов, осуществляющих доказывание по уголовному делу, результат их работы, и само вступление приговора в законную силу – *презюмируется как истина*.

Укажем на основные феномены, которые, по нашему мнению, влияют на познание действительности, в аспекте обстоятельств совершения преступления, а соответственно на доказывание в уголовном процессе. На наш взгляд, огромную роль на познание человека *влияет общество*. Французским социологом Э. Дюркгеймом была выдвинута теория «социального факта», в которой он обосновывал идею, что общество является тотальным явлением и несет в самом себе ключи к познанию как самого себя, так и всего, имеющего к нему прямое и непосредственное отношение²⁰. Эту теорию можно наложить и на область уголовно-процессуального познания. Например, проводя следственное действие «осмотр места происшествия», следователь будет задумываться над тем, как бы данный протокол написали другие следователи, рассуждать, какие версии могли бы выдвинуть другие следователи и т. д. То есть проводит свою идентичность с другими членами общества, при этом применяя законы логики в построении версий, которые под себя поддавливают «коллективные представления» о познании²¹.

Язык также оказывает влияние на познание человека. Происходит это в силу того, что именно от структуры языка зависит предопределение структуры мышления²². В самом механизме языка заложено принуждение как со стороны передающего, так и со стороны принимающего в том смысле, что человек обращается к другому человеку с речью, именно с целью, чтобы его услышали. В то же время, если человек «принимающий» слушает, значит он желает понять речь «передающего»²³. Именно коммуникативный элемент между лицами – одно из основных действий, направленное на познание. Естественно, что в коммуникацию как дополнительный, важный компонент входит интерпретация. В этом смысле Н. Луман указывал, что «коммуникацию нельзя обойти: в худшем случае можно только неправильно понять или не услышать сказанное. В этой ситуации на помощь приходит домысливание, ассоциации, интерпрета-

²⁰ См.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 137.

²¹ См.: Середнев В. А. Криминалистическая версия как логический результат познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности (философский аспект) // Приволжский научный вестник. 2015. № 12 (52). С. 109.

²² См.: Herder Johann Gottfried. Über die Faehigkeit zu sprechen und zu horen (1795) // Herder Johann Gottfried. Samtliche Werke. Bd. 18. Berlin: B. Suphan, 1877 – 1913. S. 371.

²³ См.: Середнев В. А. Криминалистическая версия как логический результат познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности (философский аспект)... С. 109–110.

ции, опора на уже сказанное, т. е. попытка решать проблемы коммуникации языковым способом»²⁴.

Следует обратить внимание, что установление обстоятельств совершения преступления – это всегда обращение к событиям прошлого, которые имели место быть в том смысле, что познание в уголовном процессе по своей структуре и содержанию близко к **историческому познанию**, которое связано с познанием прошлого²⁵. Хотя данные виды познания и различаются по целям, методам и способам реализации, тем не менее аналогия в науке между двумя этими видами познания проводится²⁶. Тем более, как в историческом, так и в уголовно-процессуальном познании все особенности сосредоточены в состояниях вероятности и достоверности²⁷.

В ходе уголовно-процессуального доказывания и установления истины существует проблема не только обнаружения следов преступления, но и проблема, процесса восприятия обнаруженных следов (информации – в виде «идеальных» следов) субъектом доказывания (следователем, дознавателем, судом), ее интерпретации и фиксации в протоколе следственного действия. Исходя из собственного опыта работы следователем, можно указать на то, что следователь направляет ход расследования уголовного дела по пути «наименьшего сопротивления», т. е. так, как ему удобно, а именно: «подбирает» доказательства и «исследует» их таким образом, чтобы содержание уголовного дела соответствовало избранной версии следователя (дознавателя), которая должна найти подтверждение на практике на стадии предварительного расследования, а затем и в суде. Именно по вышеуказанным причинам, при осуществлении доказывания, используя механизм интерпретации, и для суда, следователя, дознавателя источником получения информации становится не объективная действительность, которая должна бы интерпретироваться в реальность, а «юридическая реальность».

Более того, кроме субъективного познания действительности, существует феномен «личного знания» (неявное знание), основателем данной концепции является М. Полани. Сущность данной теории заключается в том, что абсолютная истина представляет собой ложный идеал, познание любого явления (в нашем случае обстоятельств совершения преступления), всегда будет основываться на личных суждениях, знаниях, которые имеются в человеческом «багаже» познающего²⁸. Именно в явлении личностного знания заключен ответ на то, что **любой человек знает больше, чем может сказать**.

Следует подчеркнуть, что первые упоминания, например о теории когерентной истины как непротиворечивости совокупности высказываний, которые берутся в единстве и целостности, уже существуют в Ветхом Завете. В данном

²⁴ Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М., 2012. С. 128.

²⁵ См.: Туленков Д. П. Познавательная деятельность при производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей... С. 30.

²⁶ См.: Советский уголовный процесс : учебник : в 2 кн. / под ред. А. С. Кобликова. М., 1982. Кн. 1. С. 107.

²⁷ См.: Зотов Д. В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2015. № 3 (22). С. 199.

²⁸ См.: Майкл Полани. Личностное знание. М., 1985.

случае речь идет о том, что недостаточно одного свидетеля для изобличения лица в совершенном им грехе или преступлении, а дело может иметь ход при наличии двух и более свидетелей²⁹. Поскольку когерентная истина, по нашим убеждениям, имеет много общего с артефактной истиной (будет рассмотрена далее), то происходящее в социальных коммуникативных системах, при регулировании определенных общественных отношений, следует относить не к объективной классической истине, а некой «согласованности» в обществе, нахождении общих точек соприкосновения, «солидарности» и «общепринятого правила поведения». В связи с этим должны быть созданы необходимые условия, в которых будет существовать истина, которая есть **необходимость**³⁰. Мы убеждены, что в любой государственной деятельности нужно действовать с позиции прагматизма, **но** прагматизма **для всего общества**, а не отдельно взятого индивидуума; естественно, уголовной процесс есть вид государственной деятельности.

Считаем важным добавить, не в упрек адептам объективной истины, а как констатация факта отказа от объективной истины в уголовном процессе, который очевиден при детальном анализе ст. 299 УПК РФ и ее интерпретации. В связи с этим мы не просто солидарны с мнением А. Г. Печникова, который пишет, что «...соответствует ли доказанное обвинение объективной действительности или не соответствует, существует или не существует объективная истина, такой вопрос с точки зрения доказательств не ставится»³¹, но и от себя добавляем, что суд не может рассмотреть дело по существу и установить вину лица в совершении преступления не иначе, как основываясь на имеющихся в уголовном деле доказательствах. Тем более, выходить за рамки материалов уголовного дела и пытаться исследовать обстоятельства, не указанные в уголовном деле. Соответственно «суд не очень-то интересуют те обстоятельства преступления, которые не указаны в уголовном деле (имевшие место в действительности)... при сегодняшнем состязательном уголовном судопроизводстве, где суд явно пассивен, в процессе доказывания...»³².

В свою очередь, предлагаем иную концепцию истины в уголовном процессе – артефактную истину, которую считаем необходимо сравнить с имеющимися теориями истин, указать сходства и различия между ними и сделать соответствующие выводы. Считаем, поскольку к истине осуществляется приход в уголовно-процессуальном доказывании при помощи механизма интерпретационно-коммуникативной согласованности между субъектами познания, и все это входит в непротиворечие с логическим элементом утверждения вероятностных фактов с их содержанием, то именно артефактная истина как разно-

²⁹ Библия. Второзаконие. 19,15. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1968. С. 293.

³⁰ См.: Середнев В. А. О ценности «артефактной» истины в уголовном процессе (философский аспект) // Вестник Нижегород. ун-та имени Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 171–178.

³¹ Печников А. Г. Некоторые философские аспекты истины в уголовном процессе // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2002. № 4. С. 482.

³² Середнев В. А. Криминалистическая версия как логический результат познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности (философский аспект)... С. 107.

видность когерентной истины имеет право на жизнь в уголовном процессе³³.

Исследуя понятие артефактной истины, необходимо отнестись серьезно и непредвзято к понятию факта, так как «...факт лежит в основе всей теории доказательств. Из этого следует, что факты нужно рассматривать таким образом, чтобы на их основе приобретать определенные знания, которые необходимо использовать при заключении выводов в целях доказывания и установления истины по уголовному делу»³⁴. Следует отметить, что в настоящее время факт рассматривается обычно как явление объективной реальности, т. е. как эвиденция – очевидность, дающая достоверное знание о предмете. Соответственно в одном из толковых словарей факт определяется «как происшествие, случай, событие, дело, быль, данное на коем можно основываться»³⁵. Мы же убеждены в том, что факт является конструкцией, созданной человеком в результате восприятия бытия в соответствии со своей мировоззренческой установкой (вера, идеалы, ценностные ориентации и убеждения). Мы не спорим, что факт – это фрагмент действительности, но в данном аспекте необходимо четко понимать философскую посылку, относительно содержания действительности, которая представляет собой симбиоз времени и пространства. Мы стоим на позициях того, что человеческое сознание не способно глубоко и полностью проникнуть в сущность вышеуказанного процесса, а может лишь интерпретировать его путем преобразования действительности в реальность. Кроме того, в уголовно-процессуальном доказывании, наряду с так называемыми «фрагментами действительности», т. е. воспринимающихся непосредственно, используются также сведения, которые уже, например, содержатся в протоколах следственных действий (допроса, обыска, выемки и др.), которые являются результатом интерпретации действительности субъекта доказывания (следователя, дознавателя и т. д.). Поэтому рассматривать и понимать факт буквально как феномен (явление) объективной действительности или его фрагмент, на наш взгляд, в корне не верно. В связи с этим в литературе, на наш взгляд, верно разъясняется, что хотя объективность и присуща факту, но она не может никоим образом зависеть от самой формы факта, объективность просто унаследована самим фактом от реальности³⁶. То есть факт, по нашему глубокому убеждению, представляет собой конструкцию субъективного знания, которое получается в результате интерпретации действительности, априорным мышлением в реальность. **Подчеркнем**, «мы соглашаемся с теоретиками материализма, что факт – это фрагмент действительности, и не оспариваем это мнение, это действительно так»³⁷, но действительность есть не что иное, как симбиоз пространства и времени, а данный механизм человеческое сознание

³³ См.: Середнев В. А. «Артефактная» истина как разновидность когерентной истины в уголовном процессе // Сборник науч. трудов по материалам VII Междунар. науч. конф. (10 февраля 2018 г.). Екатеринбург, 2018. С. 53.

³⁴ Середнев В. А. О ценности «артефактной» истины в уголовном процессе (философский аспект)... С. 173.

³⁵ Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка. М., 1982. Т. 4. С. 531.

³⁶ См.: Уголовный процесс : проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013. С. 376.

³⁷ Середнев В. А. О ценности «артефактной» истины в уголовном процессе (философский аспект)... С. 173.

способно познавать одним лишь способом – интерпретируя действительность в реальность через призму субъективного рассмотрения того или иного обстоятельства³⁸. Важно то, что «наука вообще не знает “голых” фактов, а те “факты”, которые включены в наше познание, уже рассмотрены определенным образом, а следовательно, существенно концептуализированы»³⁹. Верно, указывал О. Я. Баев: «...доказывание – центровая, системообразующая часть судопроизводства – есть правовая аксиома... Такой же правовой аксиомой является то, что производится оно посредством вовлечения в судопроизводство доказательств, их исследования, *интерпретации и оценки*, в результате чего существование исследуемого факта либо подтверждается, либо опровергается»⁴⁰.

Мы соглашаемся с тем, что истина в контексте уголовного процесса в настоящее время, как и много лет назад (в период так называемого «развитого социализма» в советской России), понимается большинством ученых как «...точное соответствие выводов органов предварительного расследования... изложенных в приговоре или ином процессуальном решении, тому, что было в действительности»⁴¹. Считаем, что теоретики, которые убеждены в очевидности истины и при желании ее видимости представляют собой тип фанатиков материалистического понимания бытия. Для того чтобы сразу дифференцировать понятия истины от правды, укажем лишь на то, что истина это все-таки научный термин, по этой причине истина – гносеологична и онтологична и соответственно единственна. Правда – это совсем иная система ценностей, которая смыкается с духовностью, в контексте нравственности, реализуясь при этом в справедливость, т. е. правда сама по себе аморфна и реалитивна, другими словами, то, с чем человек согласен и во что верит, это и есть правда. Поэтому очевидно только то, что правда более иррациональна и не поддается логическому познанию («правда у каждого своя»), истина же более рациональна, оперирующая не к чувствам (к совести, нравственности, внутреннему убеждению), а к разуму человека и законам логики.

Указывая на отличия артефактной истины от других концепций истин, отметим, что с точки зрения «артефакта» истина должна представлять собой знания об обстоятельствах совершенного преступления, которые необходимо использовать в целях защиты государства, общества и гражданина (именно в такой последовательности, так как угроза государству ставит под сомнение существование гражданина, а не наоборот) от наиболее опасных посягательств, являющихся преступлением⁴². Более того, указывая на признак истинности знания, необходимо заметить, что истинное знание является проявлением не-

³⁸ См.: *Середнев В. А.* К вопросу о роли и статусе следователя в российском уголовном процессе // *Рос. следователь.* 2017. № 1. С. 7–10.

³⁹ *Фейерабенд П.* Против методологического принуждения // *П. Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки* : пер. с англ. и нем. М., 1986. С. 149.

⁴⁰ *Баев О. Я.* Атрибутивные признаки и качество уголовно-процессуального доказательства // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право.* 2014. № 4 (19). С. 191.

⁴¹ *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 59.

⁴² См.: *Середнев В. А.* О ценности «артефактной» истины в уголовном процессе (философский аспект)... С. 175.

обходимости в отличие от обыденного, которое признает случайности⁴³. Поскольку одной из целей государства в контексте обеспечения его безопасности должна быть цель – борьба с преступностью, то и истина, по нашему убеждению, должна рассматриваться в уголовном процессе как «необходимость», «безвыходная ситуация», возникающая как искусственно созданная система для защиты незыблемости власти и общества. В данной необходимости такое понятие, как «жизнеспособность», возможно рассматривать как синоним понятию «истинность». Не объективность является эффективным способом борьбы с преступностью, а приспособление в форме «полезных» знаний, искусственно созданная система в *виде «артефакта»* способны **удерживать и поддерживать жизнедеятельность системы**. Поэтому указывая на сходства и различия между существующими теориями истин, очевидно одно, что только в предлагаемой нами артефактной истине, идет речь о *пользе* для развития государства и общества, охране интересов государства и граждан в ходе борьбы с преступностью. Но могут возразить, указав, что *польза* наиболее отчетливо *рассматривается и в прагматической истине*. На что необходимо ответить, что прагматическая истина указывает на индивидуальную пользу для субъекта, она есть продукт либерального мировоззрения, основной фундамент ее – эгоизм, а соответственно государству и обществу отдается второстепенное значение.

Нас могут упрекнуть, что в предлагаемой нами концепции артефактной истины может быть заложена большая погрешность, ошибочная интерпретация, например обстоятельств преступления. В связи с этим уместно привести высказывания основателя прагматизма Ч. Пирса: «Абсолютная непогрешимость может быть присуща лишь папе римскому и экономическим советникам, но я совершенно уверен, что она не присуща таблице умножения»⁴⁴. Феномен пользы артефактной истины, указанный нами, является одним из важнейших критериев обеспечения национальной безопасности государства. Задача состоит в эффективном использовании организационно-правового механизма артефактной истины как компонента государственной власти и системы мероприятий, которые с помощью судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля обеспечивают реализацию политики государства в области уголовного судопроизводства.

Кроме того, мы имеем свою точку зрения на объективную истину и на тех лиц, кто в нее «верит». На наш взгляд, объективность – «родная сестра» равенства, в контексте общества, естественно, между людьми. Дело в том, что апологеты марксистско-ленинской либо другой «левой» идеологии утверждают, что люди между собой равны, и это, на их взгляд, является и должно быть объективным явлением. Все взгляды, заключенные в пропагандируемых «левых» идеях, представляют собой ущербное мировоззрение. Дело в том, что в воззрениях «левых» демагогов лежат идеи свободы, равенства и братства людей, а данные идеи противоречат принципам природы и ее органической

⁴³ См.: История и философия науки : учеб. пособие. М., 2009 С. 26.

⁴⁴ Мельвиль Ю. К. Чарлз Пирс и прагматизм. У истоков буржуазной философии XX века. М., 1968. С. 163.

сущности⁴⁵, именно так же как объективная истина противоречит личностному восприятию человека, того или иного явления, в любом случае объясняя (интерпретируя) его в контексте своего сознания. О мышлении лиц «левой» идеологии, настаивающих как на равенстве всех, так и на существовании объективной истины, можно сказать, что «область простейших умственных операций, типа пожелания благоденствия для максимального количества людей. И никого при этом не беспокоит, что это противоречит законам самой Природы. Согласно одному из основных законов физики – закону термодинамики, равенство – это тепловая смерть без всякой свободы»⁴⁶, а объективная истина, по нашему убеждению, результат познания, лишенный смысла, в контексте сложнейших умственных операций посредством головного мозга человека. Например, ток в электрической сети «течет» именно потому, что существует «разница», а не «равенство», т. е. «плюс» и «минус»; река течет потому, что существует «разница» между ее уровнями: в одном месте ее русло выше относительно другого места, соответственно данное неравенство способствует ее движению и т. п.

Таким образом, при всей своей субъективности истина может являться объективной настолько, насколько объективно реализуется в доказывании текст самого уголовно-процессуального законодательства. Мы не видим связи между существованием истины и отсутствием ее упоминания в УПК РФ, точно так же как указание в УПК РФ на «совесть» в ст. 17 «Свобода оценки доказательств» и отсутствием понятия совести, для ее реализации при оценке доказательств в процессе доказывания по уголовному делу. Поэтому считаем, что истина и «корень» регулирования общественных отношений в уголовном судопроизводстве лежат в нравственности, ибо совесть есть скрываемая истина, а нравственность, по нашему глубокому убеждению, есть основной механизм регулирования права вообще⁴⁷.

⁴⁵ См.: Болтон К. Левые психопаты. От якобинцев до движения «Оккупай». М., 2017. С. 6.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См.: Середнев В. А. О ценности «артефактной» истины в уголовном процессе (философский аспект)... С. 176.

*Арзамасский филиал Нижегородского государственного
университета имени Н. И. Лобачевского*

Середнев В. А., преподаватель факультета экономики и права,
кафедры права, философии и социальных дисциплин

*Arzamas Branch of the Nizhny Novgorod State University named
after N. I. Lobachevsky*

Serednev V. A., Lecturer of the Faculty of Economics and Law, of the Law,
Philosophy and Social Studies Department
E-mail: naganov1910@mail.ru (fep@arz.unn.ru)

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Исследуются вопросы нравственной обоснованности и нравственной допустимости применения принуждения при производстве следственных действий. Предлагаются пути законодательной регламентации характера, оснований и границ применения принуждения при производстве следственных действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: правовое принуждение, насилие, следственные действия, нравственная обоснованность, нравственная допустимость.

MORAL ASPECTS OF USE OF COERCION IN THE INVESTIGATIVE ACTIONS

The article considers the issues of moral validity and moral admissibility of the use of coercion in the investigative actions. The author suggests ways of legislative regulation of the use of coercive measures during the investigation.

К е у w o r d s: legal coercion, violence, investigations, moral validity, moral admissibility.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Одним из критериев, отличающих следственные от иных процессуальных действий, в науке уголовного процесса называется обеспеченность принуждением¹. Принудительный характер следственных действий предполагает возможность их производства вопреки воле лица, в отношении которого оно проводится. Вместе с тем до настоящего времени дискуссионным остается вопрос о характере принуждения, а также об основаниях и пределах его применения при производстве тех или иных следственных действий². Немалое значение в этой дискуссии имеет нравственная обоснованность и нравственная допустимость применения принуждения к таким участникам уголовного судопроизводства, как подозреваемый (обвиняемый), который наделяется правом не свидетельствовать против себя самого, потерпевший, который уже пострадал от преступления, или свидетель, как правило, незаинтересованное лицо, по воле случая вовлеченное в уголовно-процессуальную деятельность. Принуждение есть не что иное, как насилие (психическое или физическое), т. е. принудительное воздействие на человека. Термину «принуждение» в теории права придается положительный, легитимный характер, если оно регламентировано

¹ См.: Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. С. 31 ; Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Особенная часть : курс лекций. Екатеринбург, 2011. С. 45 ; Уголовный процесс : учебник / отв. ред. А. В. Гриненко. 2-е изд., перераб. М., 2009. С. 217 ; и др.

² См.: Стельмах В. Ю. Концептуальные основы следственных действий. М., 2017. С. 185–192 ; Смирнов А. В. Возможно ли принудительное изъятие образцов для сравнительного исследования // Уголовный процесс. 2017. № 5. С. 56–61 ; и др.

нормами права и имеет определенные границы. Термин «насилие» же несет в себе негативный оттенок и рассматривается как одна из незаконных мер, которые не могут применяться к личности в правовом государстве, а его применение кем бы то ни было в любом случае влечет ответственность (административную либо уголовную).

Проблема в том, что в нормах УПК РФ при производстве следственных действий сформулирован запрет на применение насилия, угроз и иных незаконных мер (ч. 4 ст. 164 УПК РФ), но при этом в нем отсутствуют какие-либо положения, которые допускали бы или предполагали бы возможность применения легитимного принуждения. В некоторых нормах уголовно-процессуального закона, регламентирующих отдельные следственные действия, действительно указывается, например, на обязательность для некоторых участников уголовного процесса принятого следователем решения о проведении следственного действия (например, ч. 2 ст. 179, 196 УПК РФ), на возможность изъятия предметов и документов принудительно в случае отказа выдать добровольно (ч. 4 ст. 182 УПК РФ) либо перечисляются конкретные возможные ограничения некоторых прав участников при их производстве (ч. 6, 8, 9 ст. 182 УПК РФ). Однако закон не содержит норм, в которых были бы сформулированы последствия невыполнения участниками уголовного судопроизводства законных требований должностных лиц органов уголовного преследования или оказания ими противодействия при правомерном ограничении следователем прав этих участников. Исключения составляют лишь положения ч. 8 ст. 42, ч. 6 и 8 ст. 56 УПК РФ, в которых сформулированы последствия отказа потерпевшего от производства освидетельствования, экспертизы, получения образцов для сравнительного исследования, а также отказа свидетеля и потерпевшего от дачи показаний и дачи заведомо ложных показаний (т. е. то, что, по сути, является психическим принуждением).

Несовершенство законодательства не способствует дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуальной политики государства с точки зрения ее нравственных основ. Нормы, которые позволяют проводить следственные действия принудительно, но не регламентирующие основания и пределы допустимого правомерного принуждения при их производстве, влекут на практике отказ от осуществления вообще какого-либо принуждения либо неоправданного с превышением минимально необходимого в данной ситуации. Пробелы законодательства порождают жалобы в Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, а также Европейский суд по правам человека, которые в своих решениях установили некоторые критерии нравственно обоснованного и нравственно допустимого принуждения (прежде всего физического) при производстве отдельных следственных действий.

Так, Европейский суд по правам человека в своих решениях ставит обоснованность и допустимость применения принуждения в зависимость от многих факторов, например характеристики лица, в отношении которого проводится то или иное следственное действие (вид участника, возраст, состояние здоровья и др.), обстоятельств его проведения (место, время, способ, обязательное участие определенных лиц, например медицинских работников и др.), целей применения принуждения (сбор доказательств или предотвращение угрозы

здоровью или жизни личности), характера следственного действия и способа его проведения (освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, обыск и др., а также связано ли оно с вмешательством в организм человека с риском для его жизни и здоровья), характера и степени общественной значимости совершенного противоправного деяния и др.

Среди решений Европейского суда по правам человека можно назвать следующие постановления, принятые как в отношении России, так и иных государств: Функе против Франции от 25 февраля 1993 г., Саундерс против Соединенного Королевства от 17 декабря 1996 г., Яллох против Германии от 11 июля 2006 г., Салихов против России от 3 мая 2012 г., в которых рассмотрены случаи наиболее существенного ограничения прав участников уголовного судопроизводства. В них обобщена правоприменительная практика европейских государств и сформулированы некоторые критерии допустимости применения физического и психического принуждения при производстве тех или иных следственных действий. Все эти решения касаются, как правило, подозреваемого (обвиняемого) и ограничения таких важных его прав, как право не свидетельствовать против себя самого и право на неприкосновенность личности.

Так, в решении по делу Функе против Франции³ говорится о недопустимости применения психического принуждения в отношении подозреваемого с целью заставить его представить документы, которые свидетельствуют против него самого. В данном решении ЕСПЧ указал на то, что власти, не имея возможности или не желая получить доказательства иным путем, попытались заставить принудительно против воли заявителя (под угрозой наложения штрафа, а после его наложения – штраф за каждый день просрочки), представить доказательства совершения им преступления, что, безусловно, является нарушением права не свидетельствовать против себя самого. При этом, учитывая важность борьбы с утечкой капиталов и уклонением от налогообложения, трудности в получении информации и доказательств по данным делам, ЕСПЧ отметил, что государство вправе прибегнуть к некоторым мерам, например осмотру жилища или изъятиям, для установления вещественных доказательств совершенного правонарушения, но при условии закрепления в законодательстве и практике достаточных гарантий для защиты от злоупотреблений (п. 54–57).

Аналогичное решение было принято по делу «Саундерс против Соединенного Королевства»⁴. Рассматривая вопрос о праве подозреваемого не свидетельствовать против себя самого, ЕСПЧ указал на то, что полученные пояснения от лица, которое в случае отказа отвечать на вопросы в суде могло бы быть признано виновным в неуважении к суду и подвергнуто наказанию, должны признаваться как полученные под принуждением вопреки воле лица, а использование таких пояснений впоследствии против него же является нарушением права не свидетельствовать против себя самого. В то же время в этом решении он отметил, что данное право не распространяется на использование материалов, которые могут быть получены от обвиняемого независимо от его

³ Функе против Франции : постановление ЕСПЧ от 25 февраля 1993 г. (жалоба № 10828/84). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Саундерс против Соединенного Королевства : постановление ЕСПЧ от 17 декабря 1996 г. (жалоба № 19187/91). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

воли принудительным способом, в частности изъятие по предписанию документов, полученных на основании ордера, образцов дыхания, крови, мочи, волос или голоса и кожного покрова для проведения анализа ДНК (п. 69–73).

Если в первых двух решениях речь шла о применении психического принуждения в отношении подозреваемого, то в последующих двух решениях ЕСПЧ рассмотрел вопрос о допустимости применения физического принуждения. Так, по делу «Яллох против Германии»⁵ ЕСПЧ указал на возможность применения физического принуждения при производстве действий, которые направлены на получение сведений, существовавших независимо от воли данного лица, а именно: образцы телесной ткани, дыхания, крови и мочи с целью ДНК-экспертизы (как и в деле «Саундерс против Соединенного Королевства»). К материалам, существующим независимо от воли подозреваемого, ЕСПЧ в данном решении отнес также и наркотические вещества, спрятанные в организме заявителя (п. 113), признав законной практику применения физического принуждения при изъятии предметов в ходе личного обыска и иных действий аналогичного характера, в том числе с вмешательством в организм человека. Однако в данном конкретном случае ЕСПЧ сделал вывод, что наркотические средства были все же изъяты с нарушением прав личности, поскольку, во-первых, были изъяты исключительно с целью получения вещественного доказательства против воли заявителя (в отличие от дела «Саундерс против Соединенного Королевства» и как в делах «Функе против Франции» и «J.V. против Швейцарии»). Во-вторых, степень применения силы существенно отличалась от степени принуждения, обычно необходимой для получения таких материалов. В-третьих, сама примененная процедура нарушала ст. 3 Конвенции и не была оправдана исходя из характера совершенного преступления (п. 113–115). Совокупность всех указанных признаков, по мнению ЕСПЧ, не позволила сделать вывод о правомерности примененного в данном случае к лицу физического принуждения. Раскрывая каждый из названных критериев, ЕСПЧ в своем решении указал еще на ряд важных обстоятельств, которые необходимо учитывать при применении физического принуждения, а именно: использование медицинской процедуры против воли подозреваемого (с применением физического принуждения) с целью получения доказательств Европейская конвенция не запрещает (например, взятие образцов крови или слюны), но, во-первых, любое медицинское вмешательство должно быть основано на фактах конкретного уголовного дела, т. е. учитывать тяжесть совершенного преступления (не в отношении уличного торговца); во-вторых, необходимо рассматривать возможность применения иных альтернативных (менее жестких) методов получения доказательств; в-третьих, такая процедура не должна влечь за собой риск причинения длительного вреда здоровью подозреваемого и превышать минимально допустимого уровня жестокости (в частности, испытало ли лицо сильную физическую боль и страдания); в-четвертых, учитывать, была ли такая процедура предписана врачами и проводилась ли она медицинскими работниками и под постоянным медицинским контролем. В этом решении ЕСПЧ также отметил, что подобная процедура (способ)

⁵ Яллох против Германии : постановление ЕСПЧ от 11 июля 2006 г. (жалоба № 54810/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

извлечения наркотических средств была бы оправдана, если она проводилась бы не в отношении уличного торговца, а в отношении лица, осуществляющего широкомасштабные поставки наркотиков, или если она преследовала бы цель – предотвращение неминуемой опасности для здоровья лица, проглотившего наркотические средства, в случае неизвлечения его из организма и (или) повреждения пакетика в организме человека. В любом случае в каждой конкретной ситуации, как отметил ЕСПЧ в своем решении, необходимо соотносить степень риска для здоровья и жизни лица при оставлении наркотика в организме со степенью риска при изъятии наркотика тем или иным способом.

Свои выводы о допустимости применения физического принуждения с целью получения доказательств при изъятии каких-либо предметов, находящихся у подозреваемого, а также получение у него образцов для сравнительного исследования (крови, среза ногтей) ЕСПЧ вновь подтвердил в своем решении по делу «Салихов против России»⁶. Однако в этом решении ЕСПЧ сделал ряд важных выводов, касающихся именно российского законодательства. Несмотря на то что в УПК РФ нет норм, позволяющих применять физическое принуждение, ЕСПЧ указал на то, что национальное законодательство не ставит сбор биологических образцов в зависимость от согласия подозреваемого и не запрещает следственным органам прибегать к принудительным мерам, если подозреваемый отказывается сотрудничать со следствием. Более того, он признал изнасилование, в котором подозревался заявитель, серьезным преступлением, по которому могут быть применены меры физического принуждения, в том числе с вмешательством в организм человека. Другой вопрос, который должен был решить ЕСПЧ, – являлось ли применение физической силы необходимым для получения доказательств. Из материалов дела и представленных объяснений сторон ЕСПЧ сделал вывод в данном конкретном деле, что физическое принуждение было неоправданным, поскольку подозреваемому не была объяснена цель производства выемки и получения образцов для сравнительного исследования, а также не было разъяснено право и представлена возможность добровольно осуществить эти действия. Кроме того, сам характер действий сотрудников милиции свидетельствовал о намерении вызвать у заявителя чувство страха, неполноценности, сломать его психологическое сопротивление, что выходит за рамки минимального уровня жестокости, соответствующего ст. 3 Конвенции.

Конституционный Суд РФ в своих решениях, касающихся выводов о применении принуждения, был более сдержан, но при этом также отмечал, что право не свидетельствовать против себя самого и близких родственников не исключает возможность проведения следственных действий в отношении или с участием подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего даже при отсутствии их согласия. Так, в определении от 16 декабря 2004 г. № 448-О Конституционный Суд РФ⁷ указал на возможность проведения при отсутствии согласия по-

⁶ Салихов против России : постановление ЕСПЧ от 3 мая 2012 г. (жалоба № 23880/05). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 46 и пункта 3 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса : определение

дозреваемого таких следственных действий, как осмотр места происшествия, опознание, получение образцов для сравнительного исследования, а также использование документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и прочее в целях получения доказательств, но при условии соблюдения установленной уголовно-процессуальным законом процедуры и последующей судебной проверки и оценки полученных доказательств. В определении от 18 апреля 2006 г. № 123-О⁸ Конституционный Суд РФ отметил допустимость проведения в отношении потерпевшего следственных действий, направленных на получение помимо их воли материалов, которые могут быть использованы в качестве доказательств, таких как образцы биологических тканей человека, данные об анатомических особенностях состояния его организма, иных присущих соответствующему лицу признаках, а равно об их травматических изменениях. В определении от 21 октября 2008 г. № 564-О он вновь подтвердил отсутствие нарушения права не свидетельствовать против себя самого и близких родственников при производстве следственных действий, направленных на получение и использование в уголовном процессе помимо воли подозреваемого, обвиняемого и их близких родственников объективно существующих материалов, которые могут иметь доказательственное значение (например, выемка таких предметов, которые сохранили на себе следы преступления). Наконец, в определениях от 24 сентября 2013 г. № 1297-О⁹ и № 1298-О¹⁰ Конституционный Суд РФ указал на возможность производства процессуальных действий (в том числе получение образцов для сравнительного исследования) в отношении подозреваемого (обвиняемого) и применения к нему мер принуждения, связанных с ограничением права граждан на личную неприкосновенность, обеспечивая при этом обоснованность и соразмерность ограничений указанного права, а также осуществление судебного контроля за производством данных действий, предоставляя заинтересованным лицам право на судебную защиту их прав и свобод.

Все рассмотренные выше решения свидетельствуют о том, что при производстве следственных действий в отношении участников уголовного судопроизводства, прежде всего подозреваемого, может быть применено принуждение. Однако именно с нравственной точки зрения сам факт и допустимость применения принуждения в отношении участников уголовного судопроизводства должен быть отражен в нормах УПК РФ. Так, в ч. 4 ст. 164 УПК РФ после

Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2004 г. № 448-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3. С. 8–60.

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Передерий Лилии Анатольевны на нарушение ее конституционных прав статьей 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18 апреля 2006 г. № 123-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сойкина Олега Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1297-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколюка Владимира Ильича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1298-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

положений, указывающих на недопустимость применения насилия, угроз и иных незаконных действий, необходимо закрепить возможность применения принуждения в отношении участников уголовного судопроизводства при противодействии законным требованиям следователя при наличии оснований и в пределах, установленных законом. Учитывая, что при производстве разных видов следственного действия и в отношении различных участников уголовного судопроизводства необходимо и возможно применение отличающегося по характеру и степени принуждения, то, безусловно, в нормах, регламентирующих отдельные следственные действия, должны быть отражены основания, характер и пределы применения принуждения применительно к каждому из них (осмотру, обыску, выемке, освидетельствованию, получению образцов для сравнительного исследования, производству экспертизы), как это сделано в уголовно-процессуальных законах некоторых стран (Германии, Франции и др.) и при различных следственных ситуациях (например, при оказании физического сопротивления подозреваемым при производстве обыска или отказе от освидетельствования). Но, самое главное, на что указал ЕСПЧ в решении по делу «Салихов против России», перед применением принуждения, следователь обязан разъяснить не только порядок производства следственного действия (как указано в ч. 4 ст. 164 УПК РФ), но и его сущность, содержание и цели, а также предусмотренные законом характер и степень принуждения, которое может быть применено в случае отказа от производства следственного действия или противодействия его производству. Как справедливо замечают Е. Г. Ларин и В. В. Кальницкий, применение принуждения (прежде всего физического) должно быть крайней мерой и только после исчерпания мер убеждения, а также оно должно быть минимально необходимым¹¹. Наконец, любое принуждение должно осуществляться по решению либо суда, либо следователя, но с последующей проверкой судом законности и обоснованности его применения. Все эти положения также должны найти отражение в нормах УПК РФ, регламентирующих общие правила производства следственных действий.

Закрепление в нормах УПК РФ данных положений, как это ни странно, носит именно нравственный аспект и позволит не только уменьшить количество необоснованных и недопустимых, а значит безнравственных, случаев применения принуждения (физического или психического) при производстве следственных действий, но и сократить число случаев применения принуждения. Если следователь разъяснил права, обязанности и возможные последствия их невыполнения всем участникам следственного действия (а не только потерпевшему и свидетелю), применил методы убеждения, и все же участник отказывается выполнить законные требования следователя, то он как бы соглашается на применение в отношении его принуждения. Правовое принуждение тем и отличается от насилия, что оно осуществляется с заведомого согласия тех лиц, на кого оно направлено¹². Но чтобы легитимное принуждение не вызывало отторжения общества, его обоснование должно опираться на этические аргу-

¹¹ См.: Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Следственные действия : учеб. пособие. Омск, 2015. С. 72.

¹² См.: Кушнарченко И. А., Малараева Ю. М. Нравственные основания правового принуждения // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2013. № 6. С. 243.

менты¹³. После разъяснения последствий у следователя возникает внутреннее ощущение моральной правоты по вопросу применения принуждения. Вместе с тем при применении обоснованного и возможно допустимого законом принуждения следователь всегда должен помнить о таком понятии, как соразмерность ограничения прав личности, о котором говорится в постановлении Конституционного Суда РФ и для которого вряд ли могут быть установлены какие-либо критерии. В данном случае имеют значение нравственные характеристики самого следователя, который всегда будет вынужден придерживаться состояния «соразмерности» и должен применять из возможных законных вариантов такой способ ограничения прав граждан, который, с одной стороны, был бы достаточен для достижения цели расследования преступления, а с другой – являлся бы «минимальным злом», которое могло бы быть применено в отношении данного участника уголовного судопроизводства в конкретной следственной ситуации.

¹³ См.: Кушнаренко И. А., Малараева Ю. М. Указ. соч.

Уральский государственный юридический университет

Бравилова Е. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Ural State Law University

Bravilova E. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: eabravilova@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье исследуются вопросы легализации данных, полученных оперативно-розыскным путем, в качестве доказательств по уголовному делу на различных этапах процессуального доказывания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: доказывание, доказательства, познание, уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность.

THE PROBLEM OF APPLYING THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES AS EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article explores the issues of legalization of data obtained by operational investigative means as evidence in a criminal case at various stages of procedural proof.

К e y w o r d s: proof, evidence, knowledge, criminal process, operational search activity.

Поступила в редакцию 2 сентября 2019 г.

Доказывание в уголовном судопроизводстве представляет собой единственный процессуальный способ получения достоверных знаний об обстоятельствах дела, квалификации этих обстоятельств с точки зрения правильного применения норм процессуального права¹, но не единственный путь познания истины².

Совокупность этапов доказывания – сбор, проверка и оценка доказательств – устанавливает предмет доказывания, к которому относятся события преступления; виновность лица в совершении преступления, его мотивы; характеристика личности обвиняемого; характер и размер причиненного вреда; обстоятельства, смягчающие, отягчающие наказание или влекущие освобождение от уголовной ответственности. Результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) востребованы при установлении такой совокупности фактов и обстоятельств, которая порождает необходимость в их использовании в качестве доказательств в уголовном процессе, связанную с рядом сложностей.

Во-первых, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ³ (далее – УПК РФ) отсутствует описание особенностей использования результатов ОРД в уголовном

¹ См.: Безгласная О. А. Некоторые актуальные проблемы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 128–132.

² См.: Попов К. И. Доказывание в уголовном процессе // Правопорядок : история, теория, практика. 2014. № 2. С. 136–139.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. с изм. доп. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921 ; 2019. № 10. Ст. 891.

процессе. В ст. 89 УПК РФ содержится, по сути, лишь запрет на их использование, если они не отвечают требованиям, предъявляемым УПК к доказательствам⁴. В ст. 74 УПК РФ, посвященной доказательствам в уголовном процессе, отражена возможность использования вещественных доказательств, протоколов следственных действий, судебного заседания и иных документов, показаний различных лиц, заключений и показаний экспертов и специалистов. О допустимости использования результатов ОРД прямо не говорится. Даже наличие Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»⁵ (далее – федеральный закон об ОРД) не снимает сложности в разрешении этой проблемы, так как согласно ч. 2 ст. 11 данного закона результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных настоящим федеральным законом⁶.

Возникает методологическое противоречие в использовании результатов ОРД в уголовном процессе. Ведь если результат ОРД отвечает всем требованиям, предъявляемым к доказательствам, то его использование – техническая задача. Потребность в специальном режиме использования результатов ОРД возникает, если результат ОРД не может быть превращен в доказательство, но этот режим не нашел своего отражения ни в УПК РФ, ни в федеральном законе об ОРД. Отметим, что в некоторых странах Западной Европы (Англия, Германия) и в США процессуально регламентирована возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности⁷.

Во-вторых, правовая природа ОРД достаточно противоречива. С одной стороны, «ОРД есть технология по производству достоверного информационного продукта»⁸, а с другой – ее нельзя рассматривать как технологию по производству доказательств⁹. Для понимания возможности использования ре-

⁴ См.: *Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е.* Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). URL: <http://base.garant.ru/5591968/>

⁵ Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ с изм. и доп. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349 ; 2016. № 28. Ст. 4558.

⁶ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказания, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См.: *Васильченко Е. В.* Результаты оперативно-розыскной деятельности как доказательство в уголовном процессе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 9. С. 148–154.

⁸ *Поляков М. П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород, 2001. С. 74.

⁹ См.: *Маркушин А. Г.* Уголовно-процессуальное использование результатов оперативно-розыскной деятельности. URL: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195West_pravo_2003_2\(7\)/B_3-21.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195West_pravo_2003_2(7)/B_3-21.pdf)

зультатов ОРД как доказательств в уголовном судопроизводстве необходимо различать понятия «факт», «сведения о факте» и «доказательство».

Под фактом понимают объективную социальную действительность, на существование которой не влияет незнание о ней лиц, осуществляющих расследование или судебное рассмотрение уголовных дел. Сведения о фактах – это информация, позволяющая познать факт и определить возможность его использования для доказательства существования других фактов. Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном УПК РФ порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). В судебном доказывании участники процесса часто оперируют не фактами, а сведениями о них, облеченными в надлежащую процессуальную форму.

Если доказательства были получены не в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, то они не могут лечь в основу обвинения или использоваться в доказывании. Часть 1 ст. 88 УПК РФ устанавливает свойства доказательств: относимость, допустимость, достоверность и достаточность.

Свойство относимости определяет необходимость выявления важной для уголовного дела информации и исключения сведений, не относящихся к делу и загромождающих его.

Допустимость как свойство доказательств основывается на соблюдении конституционных прав и свобод человека при осуществлении действий правоохранительными органами и выполнении следующих требований: получение доказательств следователем, дознавателем и судом из предусмотренных уголовно-процессуальным законом источников; соблюдение установленной процедуры получения доказательства и надлежащее их оформление.

Достоверность доказательств означает соответствие сведений действительности. Вызывающие сомнения сведения согласно презумпции невиновности должны быть истолкованы в пользу обвиняемого, если не могут быть устранены (ч. 3 и 4 ст. 14 УПК РФ). Поскольку при проведении ОРД отсутствуют процессуальные гарантии достоверности сведений, которые используются для установления обстоятельств, предусмотренных в ст. 73 УПК РФ, постольку сведения, полученные в ходе проведения ОРД, сами по себе не являются доказательствами.

Свойство достаточности означает, что собранные по делу доказательства полно и объективно отражают обстоятельства уголовного дела и не требуют проведения дополнительных следственных и судебных действий для уточнений.

Важную роль в признании сведений об обстоятельствах совершенного преступления доказательствами играет завершающий этап процесса доказывания – оценка доказательств, когда субъект доказывания в результате мыслительной деятельности признает эти сведения обладающими свойствами относимости, допустимости, достоверности, достаточности и отражает свое решение в соответствующем процессуальном документе – обвинительном за-

ключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, в судебном приговоре. Если проверка подтвердила правильность фиксации результатов ОРД, суд дает оценку основаниям и условиям их проведения, достоверности полученных результатов, соблюдению гарантий прав и законных интересов граждан в процессе проведения мероприятий. Это подчеркивает тот факт, что результаты ОРД могут стать доказательствами только в процессе доказывания¹⁰. В определенном смысле это является отражением противостояния между уголовно-процессуальными и оперативно-розыскными методами познания.

В-третьих, отсутствует единое толкование термина «результаты ОРД». Согласно Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» под ОРД понимают гласную и негласную деятельность оперативных подразделений государственных органов, связанную с проведением оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Перечень возможных оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) включает опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочную закупку, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируруемую поставку, оперативный эксперимент, получение компьютерной информации. Роль ОРД на этапе сбора доказательств – в обнаружении источника (носителя) информации: предмета, сохранившего следы преступления; человека, имеющего сведения об обстоятельствах дела, и т. д. В результате применения ОРМ формируются источники непроцессуальной информации, которая в доказывании носит опосредованный характер, первостепенное значение имеют сведения, полученные в результате следственных действий.

В большинстве определений отмечается информационная составляющая результатов ОРД как сведений, с помощью которых можно установить факты. Так, А. Н. Гуцин под результатами ОРД понимает оперативно-розыскную информацию, содержащуюся в справках (рапортах) оперативного сотрудника, проводившего ОРМ, в сообщениях конфиденциальных источников, в заключениях различных предприятий, учреждений, организаций, а также должностных лиц, в фото-, киноматериалах, видеозаписях, произведенных в процессе ОРМ, в различных материальных предметах, полученных гласно или негласно при осуществлении ОРМ оперативными подразделениями государственных органов о наличии или отсутствии общественно опасного деяния, виновности лица, совершившего это деяние, и иных обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения дела¹¹. В. И. Зажицкий определяет результаты

¹⁰ См.: Астафьев Ю. В. «Специальные» следственные действия : к проблеме включения оперативно-розыскных мероприятий в УПК // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2017. № 2. С. 232–242.

¹¹ См.: Гуцин А. Н. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

ОРД как фактические данные об обстоятельствах неочевидных тяжких или особо тяжких преступлениях, а также о лицах, их подготавливающих или совершивших, полученные органами, осуществляющими эту деятельность в рамках ведения дел оперативного учета в порядке, предусмотренном в федеральном законе об ОРД¹².

Результаты ОРД – конечный информационный продукт, основанный на структурировании полученных из различных источников и проверенных оперативным путем совокупности вербальных и невербальных данных по конкретной ситуации, задокументированных в соответствии с требованиями на материальных носителях. В рамках ОРД этот продукт представляется достоверным. В информационном плане процессуальная форма не добавляет оперативно-розыскным данным что-то новое. Однако, не умаляя значимости полученных сведений, следует заметить, что в доказывании используются только те фактические данные, которые были получены в рамках уголовно-процессуальной деятельности при собирании доказательств¹³. То есть содержанием доказательств является юридически значимая сущность результатов ОРД, познание которой невозможно без проведения процедуры доказывания.

В-четвертых, существует смешение понятий «результаты ОРД» и «оперативно-служебные документы». Хотя выражение полученных данных в оперативно-служебных документах (рапортах, справках, справках-меморандумах, сводках, отчетах, актах сотрудника органа, сообщениях или записках конфидентов, объяснениях участников ОРМ или заявлениях граждан, актах или иных документах ведомства и т. п.), предметах и документах, полученных при проведении ОРМ – обязательное требование при использовании результатов ОРД в доказывании, сами оперативно-служебные документы результатами ОРД не являются. Исключением является информация, полученная в ходе оперативно-технических мероприятий и фиксированная на фотопленках, фотоснимках, магнитных, лазерных дисках, слепках и т. п., которая может рассматриваться и как фактические данные, и как сведения о фактах.

Основной способ вовлечения результатов ОРМ в уголовно-процессуальную деятельность – ее истребование и представление в установленном порядке (ст. 86 УПК РФ), фиксация в протоколе представления предметов и документов (ст. 166 УПК РФ).

Только после закрепления результатов ОРД на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона они могут считаться доказательствами при соблюдении следующих условий: ОРД проведены при наличии законных оснований; ОРД проведены уполномоченным на то органом; результаты ОРД получены в ходе выполнения ОРМ, указанных в ст. 6 федерального закона об ОРД; результаты ОРД нашли отражение в оперативно-служебных документах; результаты ОРД отражают обстоятельства, подлежащие доказыванию по уго-

¹² См.: *Зажичкий В. И.* Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство // Рос. юстиция. 2011. № 3. С. 45–47.

¹³ См.: *Доля Е. А.* Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996.

ловному делу; результаты ОРД удовлетворяют требованиям, предъявляемым к доказательствам; результаты ОРД содержат данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе; обеспечивается безопасность лиц, ведущих ОРД.

Таким образом, результаты ОРД имеют большое значение в раскрытии преступлений и расследовании уголовного дела. Они могут быть использованы при выдвижении версий, определении тактики проведения следственных действий, путей и средств обнаружения доказательств и как основа для доказательной деятельности, но не как источники доказательств.

Российский государственный университет правосудия (г. Воронеж)

Майер Е. А., магистр кафедры уголовно-процессуального права

Russian State University of Justice (Voronezh)

Mayer E. A., Master Student of the Criminal

Procedural Law Department

E-mail: sudvl@mail.ru

МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДЕЛОВ СВИДЕТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА

Статья посвящена особенностям свидетельского иммунитета в уголовном судопроизводстве. Анализируются особенности гарантий и пределов свидетельского иммунитета с позиции норм этики и морали.

К л ю ч е в ы е с л о в а: свидетельский иммунитет, процессуальные гарантии, процессуальные запреты, законные интересы, пределы иммунитета, нравственные чувства.

MORAL BASES OF THE LIMITS OF A WITNESS IMMUNITY

The article is devoted to the features of witness immunity in criminal proceedings. It also analyzes the features of guarantees and the limits of witness immunity from the standpoint of ethical and moral standards.

K e y w o r d s: witness immunity, procedural guarantees, procedural prohibitions, legal interests, immunity limits, moral feelings.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

В ст. 56 УПК РФ закреплен процессуально-правовой статус свидетеля как лица, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний. Хотя в процессуальной литературе существует мнение, что данное определение не раскрывает сущность свидетеля как участника процесса. Именно определение свидетеля как лица, обладающего информацией, воспринятой им лично, непосредственно или опосредованно об обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано в установленном уголовно-процессуальным законом порядке для дачи показаний дознавателем, следователем, прокурором и судом, является наиболее исчерпывающим¹.

Свидетель в уголовном процессе незаменим, так как он создается самим фактом преступления. В данной статье речь пойдет о социально-юридическом значении свидетеля как лица, обладающего иммунитетом. С одной стороны, свидетель как участник процесса обеспечивает интересы государства – ограждает уголовное судопроизводство от вынужденных ложных показаний, с другой стороны, обеспечивает сохранение семейно-родственных связей. Свидетельский иммунитет может также выступать гарантией безопасности содействовавших правосудию свидетелей.

УПК РФ определяет гарантии и пределы свидетельского иммунитета для различных субъектов. Так, не подлежит допросу в качестве свидетеля судья,

¹ См.: Брежнева М. Ю. Об уточнении понятия «свидетель» в уголовном судопроизводстве // Рос. следователь. 2007. № 22. С. 7–9.

присяжный заседатель – об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу (п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). В связи с этим в юридической литературе неоднократно высказывалось предложение распространения запрета на допрос судей, дознавателя, следователя, прокурора². Данная идея представляется целесообразной и позволяет констатировать нарушение принципа равенства сторон обвинения и защиты, так как адвокат (защитник) включен в число лиц, на которых распространяется свидетельский иммунитет. На наш взгляд, было бы рациональным распространить режим свидетельского иммунитета на дознавателя, следователя, прокурора и тем самым восстановить баланс равенства сторон в уголовном процессе. При этом необходимо сделать исключение, когда данная категория лиц могла бы привлекаться в качестве свидетеля по ходатайству, так и в случае возможности свидетельства адвоката (защитника).

Не подлежит допросу в качестве свидетеля адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого (п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Здесь следует отметить, что, наряду с адвокатом и защитником, ГПК РФ (ч. 3 ст. 69) и АПК РФ (ч. 5 ст. 56) запрещают допрос представителя по гражданскому и иному делу об обстоятельствах, которые стали известны в связи с исполнением своих обязанностей. Представители потерпевшего, истца, ответчика, других лиц также обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными от доверителя. Поскольку в уголовном судопроизводстве представителями могут быть не только адвокаты, но и иные лица, данные правила запрета следует установить в отношении представителей.

Не подлежит допросу в качестве свидетеля адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь (п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). В силу требований ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, являются адвокатской тайной. Адвокат может предавать гласности сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, лишь с согласия доверителя и только в целях наилучшего обеспечения прав и интересов лица.

Свидетельским иммунитетом наделен священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди (п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). К сожалению, УПК РФ в отличие от ГПК РФ (ч. 3 ст. 69) не уточняет, распространяет ли данное положение свое действие на всех священнослужителей или

² См.: Кусстауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Рос. юстиция. 2003. № 2. С. 17.

только на тех, чьи организации прошли соответствующую государственную регистрацию.

Свидетельским иммунитетом наделены согласно п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ член Совета Федерации, депутат Государственной Думы РФ об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий. В этой части свидетельского иммунитета приходится констатировать, что в регламентации вопросов свидетельского иммунитета законодатель проявил непоследовательность. Не понятно, распространяет ли свое действие данная норма на депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, которые в соответствии со ст. 15 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» также вправе отказаться от дачи свидетельских показаний по гражданскому или уголовному делу об обстоятельствах, ставших известными в связи с осуществлением своих полномочий. Свидетельским иммунитетом обладают должностные лица налогового органа – об обстоятельствах, которые стали известны в связи с предоставленными сведениями, содержащимися в специальной декларации, представленной в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и (или) прилагаемых к ней документах и (или) сведениях (п. 6 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Не подлежит допросу в качестве свидетеля арбитр (третейский судья) – об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе арбитража (третейского разбирательства) (п. 7 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

В соответствии с п. 4 ст. 56 УПК РФ свидетель вправе отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников. К близким родственникам законодатель отнес супругу, супруга, родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и сестер, дедушку, бабушку, внуков (п. 4 ст. 5 УПК РФ). Данный перечень является исчерпывающим. Так, в силу закона сожитель не освобождается от обязанности давать свидетельские показания, поскольку не является ни супругом, ни близким родственником. Как показывает судебная практика, если люди живут много лет вместе, но их брак в органах ЗАГСа не зарегистрирован, они обязаны свидетельствовать друг против друга: «венчание в церкви, наличие совместных детей и ведение общего хозяйства не порождает супружеских отношений и не освобождает от обязанностей свидетеля»³. Дискуссионным является вопрос о распространении института свидетельского иммунитета на бывших супругов. Предположим, что супруги состояли в браке, а к моменту, когда один из них должен выступать свидетелем в суде, развелись. Может ли в таком случае лицо воспользоваться правом свидетельского иммунитета и не свидетельствовать в отношении бывшего супруга? Нормы морали говорят – да, нормы закона – нет. Еще одна проблема, возникающая при реализации норм свидетельского иммунитета, касается определения предмета этого иммунитета. Ее суть сводится

³ Малько А. В., Суменков С. Ю. Правовой иммунитет : теоретические и практические аспекты // Журнал рос. права. 2002. № 2. С. 22.

к тому, чьи близкие родственники вправе отказаться от дачи показаний? Прежде всего, это родственники и близкие лица подозреваемых и обвиняемых (подсудимых, оправданных, осужденных). В процессуальной литературе было высказано мнение о том, что право отказаться от дачи показаний не должно принадлежать свидетелю, если обвиняемый, состоящий с ним в близком родстве или супружестве, умер во время предварительного следствия или после него, а следствие продолжается или дело рассматривается судом в отношении соучастников умершего⁴. Данная позиция представляется не совсем обоснованной. Здесь следует сказать, что в основании свидетельского иммунитета родственников лежат глубокие нравственные чувства, уважение к его чести, доброму имени, чувство собственной привязанности и веры в его доброе имя. В связи со смертью близкого человека эти нравственные ценности и память о нем не умирают вместе с ним, поэтому в таких случаях необходимо сохранить свидетельский иммунитет.

Отдельного внимания требует в законодательстве свидетельский иммунитет в отношении малочисленных народов и этнических общностей, которым присущ общинно-родовой образ жизни. Так, в некоторых традиционных этнических общностях считается недопустимым содействовать представителям власти. Нарушение таких «негласных правил» влечет для соплеменника негативные последствия со стороны общины, вплоть до смерти. Поэтому, исходя из замкнутости образа жизни некоторых народов, целесообразно законодательно закрепить положение о том, что представители малочисленных народов не должны давать показания против представителей своей общины, за исключением случаев, когда они сами пожелают сделать это.

Заслуживает внимания вопрос относительно свидетельского иммунитета законных представителей несовершеннолетних. Исходя из смысла п. 4 ст. 5 УПК РФ, из числа законных представителей правом не свидетельствовать против несовершеннолетнего пользуются только его родители и усыновители, так как они имеют возможность сослаться на ст. 51 Конституции РФ. Что же касается законных представителей, которые не являются близкими родственниками несовершеннолетних (например, попечитель или работник органа опеки и попечительства), то, поскольку на них положения ст. 51 Конституции РФ не распространяются, они не освобождаются от обязанности давать показания по уголовному делу, в том числе против представляемых ими лиц. Такое положение с позиции моральных норм не приемлемо. В связи с этим в законе необходимо прямо закрепить право законного представителя несовершеннолетнего отказаться давать показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием помощи несовершеннолетнему при производстве по уголовному делу. Свидетельский иммунитет должен стать неотъемлемым элементом процессуального статуса законного представителя. Причем данные положения должны распространяться на законных представителей подозреваемых, обвиняемых, потерпевших. Представляется необходимым дополнить ч. 3 ст. 56 УПК РФ следующим положением: «8) законный представитель несо-

⁴ См.: Руднев В. И. Иммунитеты от уголовного преследования // Журнал рос. права. 2008. № 7. С. 56.

вершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего без их согласия – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием помощи несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему при производстве по уголовному делу».

Воронежский государственный университет

Малахова Л. И., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Voronezh State University

Malakhova L. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: sudvl@mail.ru

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343

А. В. Хмелева

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Рассматриваются вопросы значения этических начал в деятельности следователя, в том числе при производстве следственных действий, нравственно-этические принципы служебного и бытового поведения следователя, их детерминирующая роль при решении отдельных следственных задач. Делается вывод о том, что нравственная направляющая деятельности следователя лежит в основе многих принимаемых им решений и особенно важна в ситуациях выбора и усмотрений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нравственно-этические принципы, этика следственной деятельности, этические начала при производстве следственных действий.

MORAL ASPECTS OF THE INVESTIGATOR'S WORK

The article discusses the importance of ethical principles in the investigator's work, including in the production of investigative actions, moral and ethical principles of official and domestic behavior of the investigator, their determining role in solving individual investigative tasks. It is concluded that the moral direction of the investigator's activity is at the heart of many of his decisions and is especially important in situations of choice and discretion.

К е у w o r d s: moral and ethical principles; ethics of investigative activities; ethical principles in the production of investigative actions.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

На предварительном следствии нам необходимо вернуться к таким понятиям, как совестливость, нравственность, профессиональная этика, порядочность...

А. И. Бастрыкин

В профессии юриста требования морали играют особую роль, так как с правосудием люди всегда связывают представление о высших нравственных принципах, прежде всего о справедливости. В рассматриваемом контексте понятие справедливости включает не только процессуальное, но и материально-правовое содержание. Следует согласиться с мнением, что многие решения следователя не сводятся к законности и обоснованности, но выражают нравственную оценку, отражают социальную справедливость, отвечают не только правовым требованиям, установленным УПК РФ, но и социально-нравственным принципам отношения к человеку и совершенному им деянию¹.

¹ См.: Комментарий к УПК РФ / под ред. А. Я. Сухарева. М., 2002. С. 500.

© Хмелева А. В., 2019

В настоящей статье предпринята попытка осветить лишь некоторые вопросы судебной этики, прежде всего применительно к деятельности следователя при расследовании преступлений.

Большинство авторов, занимающихся указанной проблематикой, полагают, что следственная этика – это не особые нравственные нормы, а те, которые являются результатом преломления нравственных принципов, господствующих в обществе, применительно к задачам и особенностям профессиональной деятельности следователя². По этому вопросу нам более близка позиция, высказанная Л. Е. Ароцкером и Р. С. Белкиным: судебная этика включает в себя не только общие этические нормы, но и специфические нравственные начала, присущие деятельности следователя, судьи, адвоката, дополняющие общие моральные принципы, а в некоторых случаях и их ограничивающие. Профессиональная мораль выступает в качестве комплекса более обязывающих, более строгих нравственных правил, чем комплекс общих нравственных принципов³.

Для следователя соответствие этическим нормам поведения имеет особое значение: в своей профессиональной деятельности он должен исходить из конституционных положений о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и каждый гражданин имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную, семейную тайну, защиту чести, достоинства, своего доброго имени. Во главу этических начал уголовно-процессуальной деятельности поставлены неприкосновенность личности, ее законные права и свободы. Эти положения были закреплены в трудах известных советских процессуалистов и криминалистов профессоров М. С. Строговича, Л. Е. Ароцкера, Р. С. Белкина, Г. Ф. Горского, Л. Д. Кокорева, Д. П. Котова, О. Я. Баева и находят свое развитие в научных работах последующих поколений ученых.

Нравственные критерии в законе обычно выражаются в форме запретов (ст. 9 УПК РФ). Часть 1 данной статьи провозглашает, что «в ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья». Часть 2 дополняет: «Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению».

Безусловно, насилием над личностью является задержание, применение меры пресечения, привод, принудительное освидетельствование, принудительное получение образцов для сравнительного исследования. Важно, чтобы форма и интенсивность этого принуждения, физического или психологического воздействия оставались в рамках законности и допустимости; абсолютно неприемлемо применение незаконных мер принуждения. Цель их можно определить как понуждение к законопослушному поведению, обеспечивающему решения задач уголовного судопроизводства⁴.

² См.: Котов Д. П. Вопросы судебной этики. М., 1976. С. 64.

³ См.: Белкин Р. С. Этические проблемы криминалистики : избранные труды. М., 2018. С. 423.

⁴ См.: Белкин А. Р. УПК РФ : нужны ли перемены? М., 2015. С. 36–37.

Представляется, что именно на следователя, прежде всего, возложено обеспечение нравственных начал в уголовном процессе. Это обусловлено тем, что следователь, являясь процессуально независимым и самостоятельным, обладает большими правами, широкими властными полномочиями, на него возлагается обязанность выявления как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого обстоятельств. Последнее особенно важно, поскольку следователь, как правило, единолично разрешает все возникшие при расследовании вопросы и самостоятельно принимает решения. Необходимость и возможность «вторжения» во внутренний мир человека требует таких норм морали, которые, с одной стороны, содействовали бы успешному осуществлению профессиональных функций, а с другой – обеспечивали охрану интересов личности.

Роль следователя в обеспечении нравственных принципов уголовного судопроизводства ярче всего проявляется во взаимоотношениях с другими участниками предварительного расследования: оперативными сотрудниками, судебными экспертами, прокурором, судьей, защитником. Особое значение имеют отношения следователя с обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим, в том числе при производстве отдельных следственных действий. Как уже отмечалось, во главу этических начал уголовно-процессуальной деятельности поставлены неприкосновенность личности, ее законные права и свободы. Коротко основные нравственные требования к профессиональной деятельности следователя можно сформулировать как безупречное следование требованиям уголовно-процессуального закона; объективность и добросовестность, уважение достоинства участвующих в уголовном деле лиц; причинение минимального вреда имуществу. На наш взгляд, правы авторы, которые различают в пределах судебной этики следственную этику и этику проведения процессуальных действий, в том числе следственных⁵.

В совокупность нравственных начал следственных действий обычно включают: непримиримое отношение к любым нарушениям буквы и духа закона, регламентирующего следственные действия; строжайшее соблюдение культуры уголовного судопроизводства; объективность, принципиальность; отсутствие тенденциозности, предвзятости, обвинительного уклона; стремление не причинять вреда отдельным лицам и коллективам при проведении любых следственных действий. Некоторые из этих общих нравственных требований прямо закреплены в нормах УПК РФ, другие вытекают из основных принципов и нравственных начал уголовного процесса. Все они находят свое выражение и конкретизируются в нравственных требованиях, предъявляемых к отдельным следственным действиям. Нарушение этических норм, специфических для следователей, находит свое проявление в необъективном расследовании, в обвинительном уклоне расследования (игнорирование обстоятельств, противоречивших выбранной следствием версии). Оно может выражаться в немотивированном отклонении ходатайств стороны защиты, в намеренной неполноте и «однoboкости» протокола допроса, когда отдельные фразы допрашиваемого, не укладывающиеся в версию следствия, не дописываются,

⁵ См.: Ароцкер Л. Е. Судебная этика // Социалистическая законность. 1969. № 9. С. 31.

несколько изменяется суть и характер изложения; непроведение следственных действий, которые необязательны, но на которых настаивает сторона защиты, игнорировании заявленного алиби.

Одни требования к процедуре следственного действия, соответствующие принятым нравственным нормам, непосредственно и императивно закреплены в законе (например, время допроса и продолжительность допроса, запрет на проведение следственных действий в ночное время, необходимость проведения опознания человека или предмета среди нескольких аналогичных объектов, а также нераспространение этого требования на опознание трупа, соблюдение соответствия пола освидетельствуемого и лица, которое проводит освидетельствование и др. Другие нравственно-этические требования отмечены в законе, но не носят императивный характер в плане детализации процедуры проведения следственных действий или применяемых тактических приемов – обязанность следователя ознакомить подозреваемого, обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы или с заключением судебного эксперта; дача согласия на досудебное соглашение (напомним, что в законе не установлены основания для отказа); обязанность процессуального признания лица пострадавшим от преступления, потерпевшим и т. д. Именно в таких случаях, когда следователю предоставлена определенная свобода должностного поведения (например, в выборе сроков своих действий), проявляется этичность его поведения. Р. С. Белкин в связи с этим писал: «Возможность различных (в рамках закона) вариантов поведения следователя, оперативного работника, судьи обосновывается криминалистикой как выбор этически допустимого варианта»⁶.

Например, возникают вопросы и с проведением очной ставки с участием несовершеннолетнего, особенно малолетнего. Закон не запрещает привлекать несовершеннолетних (и даже малолетних) лиц к участию в очных ставках; более того, ст. 191 УПК РФ имеет название «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего». Однако существует мнение, что проведение очной ставки между несовершеннолетним и взрослым человеком не этично. О. Я. Баев и М. О. Баев отмечают, что проведение следователем такого следственного действия «должно расцениваться как злоупотребление им правом на свою тактическую деятельность», и ссылаются на известное положение Устава Уголовного судопроизводства XIX в.: «К числу свидетелей принадлежат и малолетние; им в случае разноречий, очных ставок ни с кем давать не надо»⁷.

Этические нормы, общие для всех следственных действий, заложены в ст. 164 УПК: «Производство следственных действий не допускается в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательств. При производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц».

⁶ Белкин Р. С. Этические проблемы криминалистики. С. 422.

⁷ Баев М. О., Баев О. Я. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2014. С. 129.

При вербальных следственных действиях недопустимы со стороны следователя грубость, неуважительный тон, демонстрация своего негативного отношения к допрашиваемому⁸.

Л. Д. Кокорев и Д. П. Котов справедливо отмечали: «...можно выделить определенную совокупность нравственных требований, характерных для всех следственных действий, для всей следственной тактики. Наряду с принципами справедливости и гуманизма, уважения чести и достоинства граждан в эту совокупность необходимо включить следующие нравственные требования:

- непримиримое отношение к любым нарушениям буквы и духа процессуального закона, регламентирующего следственные действия;
- строжайшее соблюдение культуры уголовного процесса;
- объективность, принципиальность;
- отсутствие тенденциозности, предвзятости, подозрительности, обвинительного уклона;
- стремление не причинять вреда отдельным лицам и коллективам при производстве следственных действий»⁹.

Особенно это важно при выполнении тактических и психологических приемов. Мы солидарны с мнением, что с криминалистической точки зрения этические отношения часто выступают стержнем тактического приема, основой тактического плана проведения конкретного следственного действия¹⁰.

Этическими критериями руководствовался законодатель, устанавливая следственные действия, которые проводятся только на основании судебного решения (осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в них лиц, обыск (ли) выемка в жилище, выемка документов, содержащих государственную или другую охраняемую государством тайну, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и др.).

Можно также выделить действия следователя, относящиеся к процедуре или тактическим приемам, которые не отвечают нравственно-этическим критериям конкретных следственных действий, направленных на получение доказательств. К ним следует отнести: нарушение процедуры допроса по месту, длительности, времени проведения, правилам вызова на допрос; не выполнение требований проведения опознания лица (статисты не похожи по внешним данным, знакомы опознающему, опознаваемый имеет отличительную одежду (например, спецодежду лица, отбывающего наказание в местах лишения свободы); наводящее поведение (провод арестованного опознаваемого в кабинет для опознания в наручниках, под конвоем, когда не исключена возможность наблюдения за прохождением опознаваемого со стороны опознающего лица); наводящие вопросы и поведение следователя, оперативного сотрудника при проверке показаний подозреваемого, обвиняемого на месте. Безусловно, эти-

⁸ См.: *Захарова В. О.* Этика производства следственных действий // *Юрид. психология.* 2016. № 4. С. 16.

⁹ *Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Этика уголовного процесса : учеб. пособие. Воронеж, 1993. С. 110.

¹⁰ См.: *Пичкалева Г. И.* Влияние морали на формирование отношений следователя с участниками предварительного следствия // *Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве.* М., 1980. С. 102.

ческими соображениями должен руководствоваться следователь при получении сравнительных образцов принудительным способом (процедура которого еще в достаточной степени не разработана).

Во многом нравственно-этические нормы определяют служебное поведение следователя при реализации норм закона об использовании специальных знаний при расследовании преступлений, особенно в ситуациях, законодательно урегулированных в недостаточной мере. Например, невыполнение требований ст. 198 УПК РФ об ознакомлении стороны защиты с постановлением о назначении экспертизы и заключением судебного эксперта; при обосновании принудительного направления на судебно-психиатрическую экспертизу, как уже говорилось, при принятии решения и осуществлении о принудительном получении образцов для сравнительного исследования (особенно следов биологической природы); при несообщении участнику следственного действия о применении средств аудио- и видеозаписи и др.

Нравственные определяющие факторы имеют особое значение при принятии решений следователем по усмотрению, например при разрешении ходатайств о замене экспертного учреждения, назначении экспертизы конкретному эксперту, постановке дополнительных вопросов (ст. 198 УПК РФ), привлечении специалиста и приобщении в качестве доказательства заключения специалиста, дачи согласия на заключение досудебного соглашения, заключении мирового соглашения и др.

Руководствоваться этическими требованиями и положениями должен следователь при применении усмотрений и оценочных действий в случаях, отмеченных законом. Справедливо замечание О. Я. Баева, что решение в уголовном судопроизводстве есть выбор его участником поведения и действий в более или менее проблемной для него ситуации уголовного процесса из возможных альтернатив¹¹. При этом критериями выбора решения являются законность, обоснованность и нравственность. При выполнении обязанностей включается и нравственное сознание следователя, внутренние ориентиры нравственности – совесть, представление о добре и зле, культура и воспитание определяют и влияют на конкретный характер действий по выполнению обязанностей. Когда нельзя упрекнуть следователя в неисполнении требований закона, многое зависит от его усмотрений и оценки. А. Ф. Кони писал: «Закон намечает лишь служебные обязанности, но наряду со служебным долгом есть нравственный долг»¹².

Именно в тех ситуациях, императивно неурегулированных законом, когда речь идет о действиях следователя в соответствии с его усмотрениями, в ситуациях возможного выбора поведения, в большей степени, проявляется этическая основа деятельности следователя.

Представляет интерес исследование причин нарушений следователем нравственных норм поведения. Как показало проведенное нами анкетирование следователей, повышающих свою квалификацию в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, если подобные нарушения

¹¹ См.: Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. Воронеж, 2011. Т. 2. С. 77.

¹² Цит. по: Захарова В. О. Профессиональная этика и служебный этикет : учеб. пособие. М., 2016. С. 61–62.

допускаются сознательно, то нередко они объясняются нехваткой опыта, непрофессионализмом, элементарным временным цейтнотом, нежеланием ставить вопрос о продлении срока следствия и др.

Иногда причины лежат в иной плоскости и обусловлены неразвитым чувством профессионального долга и ответственности, низким уровнем правовой и общей культуры. Дефицит времени, перегрузки в работе, стрессы, неумение планировать свое рабочее время могут привести к правовому нигилизму, когда следователь начинает считать некоторые нормы обременительной формальностью и не выполняет их.

Следственный комитет Российской Федерации

Хмелева А. В., кандидат юридических наук,
руководитель Криминалистического центра

Investigative Committee of the Russian Federation

Khmeleva A. V., Candidate of Legal Sciences, Head of the Department for
Research and Development (Research Institute of Criminalistics) of the Main
Criminalistics Department
E-mail: khmeleva.alla@mail.ru

РОЛЬ МОРАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ НОРМ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Предпринята попытка рассмотреть соотношение норм морали и права в учреждениях уголовно-исполнительной системы; делается определенный вывод о том, что моральные и правовые нормы находятся в постоянном тесном взаимодействии и им принадлежит ведущая роль в регулировании отношений между различными субъектами в пенитенциарной сфере.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мораль, право, нормы морали, нормы права, учреждения уголовно-исполнительной системы.

ROLE AND PLACE OF MORAL AND LEGAL NORMS IN INSTITUTIONS THE PENAL SYSTEM

In this article, the author attempts to consider the relationship between the norms of morality and law in the institutions of the penal system; a certain conclusion is made that moral and legal norms are in constant close interaction and they play a leading role in regulating relations between different actors in the penitentiary sphere.

К е у w o r d s: morality, law, norms of morality, norms of law, institutions of the penal system.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Даже шайка разбойников должна соблюдать какие-то требования морали, чтобы оставаться шайкой; они могут грабить весь мир, но не друг друга.

Рабиндранат Тагор

Вопрос о взаимодействии и соотношении норм морали и права был особенно актуальным и злободневным на всех этапах развития общественных отношений. Именно моральные и правовые нормы среди обширного перечня социальных норм являются ключевыми и доминирующими в регулировании поведения людей между собой, социально-экономических процессов и интересов, культуры общества, приверженности людей к идеалам свободы и справедливости. Указанные нормы имеют сходную структуру по своему содержанию, взаимодействию между собой, а также характеру влияния и воздействия на общественные отношения. Их влиянию подвержено все общество без какого-либо исключения.

Мораль и право служат своего рода индикаторами развитого государства. Это базовые ценности культуры, общества, истории. Право и мораль – самостоятельные нормативно-регулятивные социальные феномены, каждый из которых имеет особую ценность и функциональную заданность¹. Мораль и

¹См.: Свирид А. С. Мораль и право : общечеловеческая ценность и универсальный социальный регулятор // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 8. С. 82–83.

право, проникая в различные процессы жизнедеятельности, регулируют систему взаимоотношений людей друг с другом, оказывают определенное влияние на взаимодействие человека с природным миром, способствуя тем самым благоприятному режиму удовлетворения разнообразных человеческих потребностей.

Словарь русского языка определяет мораль как «нравственные нормы поведения, отношения с людьми, а также саму нравственность». В свою очередь, под нравственностью мы понимаем «внутренние духовные качества и этические нормы, которыми руководствуется человек, а также соблюдение этих правил поведения, определяемых этими качествами»².

Мораль представляет собой своего рода регулятивный шаблон рекомендуемого поведения в современных условиях. Она способствует оценке индивидуального и общественного коллективного сознания, а также согласовывает поступки и действия значительного числа людей, оперируя следующими нравственными категориями: долг, честь, совесть, порядочность, достоинство, добро и зло и т. д. Влияние морали на современного индивида заключается в том, что она гармонизирует взаимоотношения между самыми различными людьми и упорядочивает человеческое сосуществование в условиях динамично развивающихся общественных отношений³. Мораль – важнейший социальный институт, одна из форм общественного сознания. Она представляет собой определенную совокупность исторически складывающихся и развивающихся жизненных взглядов, принципов, убеждений, оценок и основанных на них норм и правил поведения, определяющих и регулирующих отношения людей друг к другу, семье, классу, коллективу, обществу, государству и окружающему миру и действительности⁴.

Соблюдение моральных норм, в первую очередь, носит добровольный характер и полностью основано на самодисциплине и самоконтроле. Вместе с тем несоблюдение и нарушение последних влекут за собой серьезные моральные санкции. При влиянии духовности членами общества смело даются негативные оценки, и происходит откровенное порицание действий лица, допустившего отклонения от моральных норм в процессе своей жизнедеятельности. Они же носят запрещающий характер в отношении противоправных действий, направленных на государство, общество и конкретного индивида⁵.

Ключевая особенность теоретико-правовой науки заключается в том, что в своей основе она напрямую связана не столько с правовой действительностью самой по себе, сколько с тем, как она опосредованно дана в общественном понимании и сознании. Поэтому и возникает полисемантизм права,

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 26.08.2019).

³ См.: Кошелева Е. Е. Толерантность в молодежной среде // Юридическая наука и практика (трибуна молодых ученых) : сб. статей / под ред. Р. В. Павленкова [и др.]. Н. Новгород, 2016. Вып. 16. С. 426–427.

⁴ См.: Алексеев С. С. Общая теория права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 62.

⁵ См.: Батракова К. М., Глашке А. С. Нормы права и морали в пенитенциарных учреждениях // Юридическая наука и практика (трибуна молодых ученых) : сб. статей / под ред. Р. В. Павленкова [и др.]. Н. Новгород, 2016. Вып. 16. С. 376–377.

обусловленный, прежде всего, тем, что юридические понятия являются синтетическим выражением мысли, а уже само содержание конкретного юридического термина может одновременно располагать несколькими смысловыми акцентами⁶.

Термин «право» в различных странах и во всех языках мира довольно многозначен и представляет собой исключительное смысловое явление. Оно в той или иной степени отражает самые различные проявления этого многоликого и, можно сказать, многостороннего феномена устройства общественных отношений. Сложная внутренняя организационная структура правовой материи дает нам полное основание заявлять о многогранности каждого отдельного элемента правового пространства и показать различные аспекты и значения этого заслуживающего повышенного внимания социального института⁷.

Одной из его сторон является общесоциальное значение, например «моральное право». При помощи этого определения обозначаются права личности: право на свободу творчества, право на образование, право на труд, право на отдых, право на медицинское обеспечение, право на благоприятную окружающую среду и т. д.

Кроме того, смысл права необходимо рассматривать в контексте того, что это целенаправленно искусственно сконструированный юридический инструмент, взаимодействующий в сфере государственно-властных отношений в едином пространстве системно-структурного механизма институтов, отраслей и конкретных норм.

В приведенном исследовании хотелось бы остановиться на общепризнанном определении права, которое разделяют многие известные отечественные и зарубежные юристы-правоведы: «Право есть совокупность исходящих от государства общеобязательных, формально определенных норм, выражающих идеи свободы, справедливости, гуманизма, нравственности, прав человека и призванных регулировать поведение людей и их коллективов в целях стабильного функционирования и развития общества»⁸.

Ключевой особенностью отношений в уголовно-исполнительной системе является тот факт, что они основываются на тесном симбиозе моральных и правовых норм. Говоря о специфике рассматриваемых общественных отношений, констатируем, что они предметно сформированы, гармонично взаимосвязаны и взаимодействуют с запретительными (императивными) нормами, в основе которых лежит система четких и жестких установок, и дозволительными (диспозитивными), в рамках которых выступают нормы, нормативно нигде не закрепленные⁹.

⁶ См.: Лизикова И. И. Полисемантизм права : норма или аномалия // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2009. № 5. С. 117–120.

⁷ См., например: Абдулаев М. И. Теория государства и права : учеб. для высших учебных заведений. М., 2004. С. 95–100.

⁸ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2004. С. 71.

⁹ См.: Минкова Е. А. Криминальная субкультура в процессе детерминации насильственной преступности в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4 (22). С. 105–109.

Мы полностью разделяем позицию известных отечественных и зарубежных философов и юристов относительно сложившейся в ходе исторического развития общественных отношений классификации норм:

- на моральные;
- аморальные;
- внеморальные¹⁰.

В процессе регулирования поведения осужденных применяются первый и второй вид норм. Если они действуют в пределах закрепленных пенитенциарным учреждением правил и сложившихся негласных правил внутреннего распорядка, то в этом случае они считаются моральными. В случае же отклонения от позитивного поведения – аморальными (осуждаются как администрацией учреждения, так и со стороны других осужденных).

Что касается сотрудников уголовно-исполнительной системы, то в ходе оперативно-служебной деятельности при реализации своих прав и исполнении должностных обязанностей они действуют в рамках внеморальных норм. Данный факт объясняется тем, что с одной стороны, в повседневной деятельности им приходится действовать в строгом соответствии с действующим законодательством, а с другой – немалая роль в регулировании отношений с осужденными относится к морали, и не всегда их методы признаются и одобряются окружающими.

При этом не стоит говорить о негативном аспекте действия методов при их влиянии на взаимоотношения с осужденными¹¹.

Вызывает определенный интерес тот факт, что целый ряд норм морали находит свое детальное закрепление в действующем законодательстве Российской Федерации. В таблице приведено несколько ярких примеров христианских заповедей, которые с течением определенного промежутка времени приобрели статус моральных норм. Все они нашли свое прямое отражение в действующем отечественном законодательстве.

Т а б л и ц а

Христианская заповедь (моральная норма)	Закрепление (отражение) в законодательстве РФ
«Не убий!»	Ст. 20 Конституции РФ «Каждый имеет право на жизнь»
«Не укради!»	Ст. 35 Конституции РФ «Право частной жизни охраняется законом»
«Не произноси ложного свидетельства против ближнего своего!»	Ст. 21 Конституции РФ «Достоинство личности охраняется государством» ¹²

Полагаем необходимым особо отметить еще один вид морали, присущий определенным группам в обществе. Например, моральные нормы среди осу-

¹⁰ См.: *Поликанова Е. П.* Моральные ценности и их роль в современном обществе // *Философия и общество*. 2014. № 3 (75). С. 131–140.

¹¹ См.: *Шабанов В. Б., Санташов А. Л., Лукьянович А. Л.* Факторы, обуславливающие обеспечение безопасности осужденных в местах лишения свободы // *Вестник Сибирского юрид. ин-та МВД России*. 2017. № 2 (27). С. 55–60.

¹² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

жденных, так называемый «кодекс чести вора». В нем нашли свое прямое отражение и детальное закрепление наиболее значимые и важные правила поведения, обязательные для исполнения осужденными за совершение убийств, грабежей разбоев и прочих «авторитетных» видов преступлений.

Таким образом, моральные и правовые нормы находятся в постоянном тесном взаимодействии друг с другом. Они взаимозависимы и взаимообусловлены. И те и другие играют ключевую роль в регулировании отношений между различными людьми в различных сферах общественно-государственного устройства, в том числе и в учреждениях уголовно-исполнительной системы в период отбывания в них наказания осужденными. Именно благодаря симбиозу моральных и правовых норм мы имеем возможность контролировать антисоциальное, девиантное поведение как законопослушных граждан, так и криминального элемента в пенитенциарных учреждениях.

*Управление Федеральной службы судебных приставов России
по Нижегородской области*

*Репин М. Е., судебный пристав специализированного отдела
оперативного дежурства*

Federal Bailiff Service of Russia in Nizhny Novgorod Region

*Repin M. E., Bailiff of the Specialized of Operational Duty Department
E-mail: me_repin@mail.ru*

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рассматриваются этические принципы недопущения и противодействия злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве; анализируются способы преодоления злоупотребления с точки зрения нравственности; предлагается детальное закрепление понятия злоупотребления правом и полномочий стороны защиты в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: злоупотребление правом, уголовное судопроизводство, адвокат-защитник, сторона защиты, нравственность, этика, предупреждение и преодоление злоупотребления правом.

THE MORAL PRINCIPLES OF PREVENTING AND OVERCOMING THE ABUSE OF THE RIGHT BY THE DEFENSE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses the ethical principles of preventing and combating the abuse of the right by the defense in criminal proceedings; Analyzed ways to overcome the abuse in terms of morality; A detailed consolidation of the concept of abuse of the right and powers of the defense is proposed in the current criminal procedure legislation.

К е у w o r d s: Abuse of rights, Criminal justice, Defense lawyer, Protection side, Moral, Ethics, Prevention and overcoming of abuse of law.

Поступила в редакцию 5 сентября 2019 г.

Действующее законодательство наделяет участников уголовного процесса рядом прав и обязанностей, которые они реализуют, чаще всего в условиях остроконфликтных ситуаций. На удовлетворение личных и профессиональных интересов конфликтующих сторон направлена вся их процессуальная и тактическая деятельность, которая является допустимой в случае, если осуществляется в рамках предоставленных каждому из этих лиц полномочий, а также способами и средствами, прямо не запрещенными действующим законодательством.

В связи с тем что участники уголовного судопроизводства свободны в выборе форм реализации предоставленных им прав, а также с тем, что в уголовном и в уголовно-процессуальном законе нередко используются оценочные категории и понятия, убеждены, в любом уголовном деле невозможно обойтись без принятия решений на основе субъективного усмотрения. Наличие пробелов в законе, недостаточная определенность и многозначность отдельных правовых норм, допускающих выбор поведения, а также, как правило, отсутствие в зако-

не указаний на то, как следует их понимать, существенно осложняет процесс реализации права и приводит к различного рода злоупотреблениям. Безусловно, при принятии решений на основании усмотрения, участники уголовного процесса ориентируются не только на требования, установленные законом, но и на общие этические категории.

Конституционный Суд РФ относит требование «недопустимости злоупотребления правом» к числу общеправовых и считает «добросовестное пользование процессуальными правами важнейшим условием реализации конституционных принципов судопроизводства, осуществляемого на основе состязательности и равноправия сторон»¹, несмотря на то, что данный феномен как самостоятельная правовая категория в уголовно-процессуальном законе не опосредован.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката² (подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), однако защитники, реализуя предоставленные действующим законодательством правомочия, нередко злоупотребляют своими правами.

При этом участники уголовного судопроизводства со стороны защиты не нарушают нормы действующего законодательства и действуют в рамках предоставленных им прав: заявляют неограниченное количество немотивированных ходатайств, жалоб, отводов как на досудебной, так и судебной стадиях; продолжительное время ознакомливаются с материалами уголовного дела; обвиняемый (подозреваемый) реализует свое право на приглашение нескольких защитников, с последующей заменой их другими адвокатами; дает согласие на дачу показаний в отсутствие защитника с целью дальнейшего от них отказа. Все вышеперечисленные действия, по нашему мнению, направлены на затягивание сроков производства предварительного расследования и рассмотрения дела по существу, в связи с желанием защиты дожидаться истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности за инкриминируемое обвиняемому преступление; истечения установленных сроков производства предварительного расследования по делу; истечения установленных сроков применения наиболее строгих мер пресечения, избранных в отношении лица, подвергающегося уголовному преследованию; опровержения объ-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Костина Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав статьей 213.1 ГПК РСФСР : определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 269-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2. С. 10.

² Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102 ; 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4818 ; Кодекс профессиональной этики адвоката : принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (в ред. от 20.04.2017) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Рос. Федерации. 2003. № 2 ; 2017. № 2.

ективности и достоверности обвинительных доказательств, сформированных следователем в отношении подзащитного.

Действующее законодательство не устанавливает детальной регламентации приемов и способов предупреждения и преодоления злоупотребления правом, однако Уголовно-процессуальный кодекс РФ³ (далее – УПК РФ) содержит ряд норм, направленных на пресечение таких действий стороной защиты, к которым можно отнести следующие.

Во-первых, ч. 3 ст. 50 УПК РФ ограничивает срок ожидания защитника в случае его неявки пяти сутками. В этом случае дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому (обвиняемому) пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника. Нередко адвокаты уклоняются от явки к следователю (дознавателю) либо в суд в установленное время, объясняя невозможность участия занятостью по ранее назначенным делам.

Кодекс профессиональной этики адвоката в п. 1 ст. 14 содержит требование, согласно которому при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для их проведения адвокат должен заблаговременно уведомить об этом суд и согласовать с ним время совершения процессуальных действий. Кроме того, полагаем, в случае необходимости защитник должен предоставить документ, подтверждающий его участие в установленное время в другом следственном, процессуальном действии либо в судебном заседании.

Во-вторых, в соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК РФ в случае, если обвиняемый или защитник явно затягивает ознакомление с материалами уголовного дела, на основании судебного решения может быть установлен срок ознакомления. В случае, если обвиняемый и защитник без уважительных причин не ознакомились с материалами уголовного дела, следователь своим императивным решением выносит постановление об окончании данного процессуального действия.

Так, 20.02.2018 обвиняемый Ш. и его защитник адвокат М. были уведомлены об окончании следственных действий, после чего приступили к выполнению требований ст. 217 УПК РФ. Суд по ходатайству следователя установил срок ознакомления с материалами уголовного дела по 07.03.2018, мотивируя свое решение тем, что действия обвиняемого и защитника свидетельствуют о злоупотреблении правом⁴.

Кроме того, суды в целях невозможности дальнейшего затягивания стороной защиты ознакомления с материалами уголовного дела, в резолютивной части соответствующих постановлений указывают на установление срока не только обвиняемому (подозреваемому) и его защитнику, участвующему в деле, но и иным, которые могут быть приглашены лицом, привлекаемым

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 02.08.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное постановление Московского городского суда от 14 мая 2018 г. по делу № 10-7175/18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

к ответственности, для осуществления его защиты в дальнейшем. Убеждены, что данные решения не законны, грубо нарушают право на защиту и не могут являться средством предупреждения и преодоления злоупотребления правом стороной защиты.

Процессуального реагирования на наиболее частый способ злоупотребления стороны защиты своими правами – заявление многочисленных однотипных, мотивируемых одними и теми основаниями, ходатайств (о производстве неких следственных действий, проверки некой версии защиты и т. д.), в удовлетворении первых из которых было ранее отказано в установленном законом порядке, действующее законодательство не содержит.

Ряд многочисленных однотипных ходатайств требуют их рассмотрения в суде (об изменении меры пресечения в виде содержания под стражей, домашнего ареста на более мягкую, отмены других мер процессуального принуждения и т. п.), а их заявление преследует не цель их удовлетворения, а лишь затягивание сроков досудебного производства по делу.

По мнению Л. Д. Калинкиной, «практически возможности заявления повторных ходатайств об исключении доказательств ничем не ограничены, что может привести на практике к так называемому злоупотреблению правом – в данном случае правом на повторение указанного ходатайства»⁵. Законодатель определил перечень процессуальных действий, в производстве которых отказано быть не может. Так, подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законе условий, оснований и порядка заявления, рассмотрения и разрешения повторных ходатайств создает ситуацию, когда их многократное повторение может привести не только к затяжному характеру судебного производства в суде первой инстанции, но и к его нескончаемости.

Полагаем, что в настоящее время существует необходимость установления законодательного запрета на заявление повторных ходатайств по тем же основаниям, в удовлетворении которых ранее было отказано, в связи с необходимостью предупреждения и преодоления злоупотребления правом стороной защиты, а также в целях недопущения нарушения принципов уголовного судопроизводства и возможности реализации его назначения.

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о возможности применения в отношении лица, злоупотребляющего своим правом, определенных мер государственного принуждения. Неблагоприятные последствия, которые должно претерпевать лицо, злоупотребляющее правами, полагаем необходимым определить как санкции. Нельзя не согласиться с Е. В. Рябцевой, которая выделяет два вида санкций – каратель-

⁵ Калинкина Л. Д. К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2010. № 4. С. 5.

ные и санкции ничтожности⁶. Карательные предусматривают определенные ограничения по отношению к лицу, злоупотребляющему своими правами. Так, например, ст. 258 УПК РФ предусматривает меры воздействия на лицо за нарушение порядка в судебном заседании (предупреждение о недопустимости такого поведения, удаления нарушителя из зала судебного заседания, наложение денежного взыскания). Указанные меры являются способами реагирования на злоупотребления со стороны участников уголовного судопроизводства, в том числе и на участников со стороны защиты. Конституционный Суд РФ в определении от 13 октября 2009 г. № 1112-О-О⁷ указывает на то, что ч. 3 ст. 258 УПК РФ допускает удаление подсудимого из зала судебного заседания лишь в качестве меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, суд не лишает его права участвовать в судебном заседании и осуществлять свою защиту в суде в установленных законом процессуальных формах, а только исключает возможность злоупотребления им своими правами. При этом суд обязан указать фактические обстоятельства допущенных нарушений порядка в ходе судебного заседания и привести достаточные аргументы в обоснование вывода о необходимости удаления подсудимого. Подсудимый при этом не лишен права оспорить удаление из зала судебного заседания.

Санкции ничтожности предполагают отказ лицу, злоупотребляющему своими правами, в их защите либо ограничение в пользовании этими правами. Особенность применения санкций при злоупотреблении правом заключается в том, что они не сопровождаются наказанием лица, злоупотребляющего своим правом. Последствия злоупотребления связаны либо с ограничением данного права, либо с отказом в его защите.

Вместе с тем злоупотребление правом адвокатом-защитником не только по своей правовой природе является безнравственным, но и часто граничит с совершением дисциплинарного проступка.

Из всех участников со стороны защиты ответственность, в том числе юридическая, в соответствии с нормами законодательства об адвокатуре возлагается только на адвоката. Это случаи ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем и нарушение норм Кодекса профессиональной этики адвоката. Злоупотребление правом применительно к адвокатской деятельности следует рассматривать как нарушение профессионально-этического характера. Выполняемая адвокатом конституционная функция по оказанию квалифицированной юридической помощи предопределяет необходимость особого, в отличие от иных участников процесса, порядка рассмотрения и разрешения вопроса о наличии либо отсутствии признаков злоупотребления правом со стороны адвоката.

Статья 12 Кодекса профессиональной этики адвоката требует не только соблюдения процессуального законодательства, но и проявления уважения

⁶ См.: Рябцева Е. В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М., 2014. С. 54.

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голубева Николая Рудольфовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1112-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

к суду и другим участникам процесса. Нарушение, установленное в процессе дисциплинарного производства, влечет применение мер дисциплинарной ответственности. Проиллюстрировать данное утверждение хотелось бы следующим примером.

Совет Адвокатской палаты Московской области вынес решение по дисциплинарному производству, возбужденному в отношении адвоката К. о прекращении его статуса адвоката в связи с жалобой его доверительницы Ю., которую он защищал на стадии предварительного расследования. Адвокат К. был допрошен на стадиях предварительного и судебного следствия и пояснил, что в ходе доверительной беседы Ю. призналась ему в совершении преступления.

В Кодексе профессиональной этики адвоката подчеркивается, что связь между адвокатом и доверителем основывается на лично-доверительном характере отношений между ними. В силу фундаментальных принципов верховенства права и юридического равенства вмешательство государства в носящие конфиденциальный характер отношения, которые складываются в процессе получения подозреваемыми и обвиняемыми профессиональной юридической помощи адвоката (защитника), не должно нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности⁸.

Согласно подп. 1 и 4 п. 1 ст. 9 КПЭА адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне, а также разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи. Кроме того, в силу п. 6 ст. 6 КПЭА адвокат не вправе давать свидетельские показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением профессиональных обязанностей. Данные требования корреспондируют с п. 2 ст. 8 закона об адвокатской деятельности, согласно которому адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием.

В завершение предложенного исследования, которое по понятным причинам не претендует на полноту, так как имеющие место проблемы были лишь тезисно обозначены и характеризуют основополагающие нравственные основы предупреждения и преодоления злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве, хотелось бы отметить, что любое злоупотребление правом стороной защиты, безусловно, является безнравственным, кроме того, такое поведение в ряде случаев граничит с совершением дисциплинарного проступка. Любое злоупотребление является нарушением как принципов уголовного процесса, так и общенравственных принципов. По нашему мнению, избежать злоупотребления правом возможно в случае, если

⁸ По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других : постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

участники уголовного судопроизводства будут добросовестно осуществлять свои процессуальные права и исполнять процессуальные обязанности. Полагаем, что в Уголовно-процессуальном кодексе РФ должно найти отражение понятие «злоупотребление правом»; должны быть сформулированы критерии, отличающие правомерные действия участников уголовного судопроизводства от случаев злоупотребления правом; детально регламентированы права и обязанности участников процесса. Повышение квалификации участников уголовного судопроизводства, их этических свойств, а также введение санкций за злоупотребление правом благотворно скажется на минимизации числа случаев такого поведения.

Воронежский государственный университет

Баева К. М., преподаватель кафедры уголовного процесса

Voronezh State University

Baeva K. M., Lecturer of the Criminal Process Department

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАЩИТЫ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена исследованию принципов, в соответствии с которыми осуществляется защита по уголовным делам. Предпринята попытка систематизации принципов осуществления защиты. Выделены разновидности общеправовых и специальных принципов, в соответствии с которыми в ходе предварительного расследования осуществляется защита.

К л ю ч е в ы е с л о в а: защита, защитник, общеправовые принципы, предварительное расследование, принципы защиты, специальные принципы, тактика защиты.

THE PRINCIPLES OF IMPLEMENTATION OF PROTECTION DURING PRELIMINARY INVESTIGATION

Article is devoted to a research of the principles according to which protection on criminal cases is carried out. On the basis of the analysis of opinions of scientists on the matter the author made an attempt of systematization of the principles of implementation of protection. Kinds of the all-legal and special principles according to which during preliminary investigation protection is carried out are allocated.

К е у w o r d s: protection, defender, all-legal principles, preliminary investigation, principles of protection, special principles, protection tactics.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

Вся деятельность адвоката по уголовному делу должна основываться на соблюдении ряда принципов – основополагающих начал, отправных положений, руководящих идей, на которых основано осуществление защиты. Принципы, в соответствии с которыми осуществляется защита, служат своеобразными ориентирами в процессе ее реализации (при осуществлении защиты по конкретному уголовному делу).

Обратившись к словарю С. И. Ожегова, мы убеждаемся в соответствии общетеоретического значения данного понятия принятой юридической терминологии: принцип – «основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, науки», а также «убеждение, взгляд на вещи» и «основная особенность в устройстве чего-нибудь»¹.

По данному поводу в одном из учебников по уголовному процессу приводится цитата Роско Паунда²: «...наша “спортивная теория правосудия” никогда не задается вопросом, что представляет собой истина; она лишь вопрошает:

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М., 2010. С. 482.

² Американский юрист, глава так называемой социологической, или гарвардской, школы права.

“строго ли соблюдались правила игры”»³. Действительно, соблюдение определенных принципов при осуществлении защиты фактически соотносится с реализацией права на защиту, поскольку несоблюдение таковых фактически означает нарушение указанного права.

Принципы, на основе соблюдения которых осуществляется защита, формировались на протяжении длительного периода, и по этому поводу имеется множество работ известных защитников и юристов. Весьма интересны для изучения примеры защиты при рассмотрении дел с участием таких известных адвокатов, как А. Ф. Кони и Ф. Н. Плевако. В указанных речах, которые по истине можно считать шедевром ораторского судебного искусства, наиболее ярко проявляются принципы этичности, ситуационности, индивидуальности и реальности защиты. Приведем некоторые из них.

Так, при рассмотрении дела Бартенева по обвинению его в умышленном убийстве артистки Марии Висновской речь защитника Ф. Н. Плевако характеризуется исключительной психологической глубиной, основана на тонком анализе душевного состояния убитой и подсудимого, безупречна по своему стилю, отличается высокой художественностью⁴.

При осуществлении защиты Г. И. Грузинского, который обвинялся в умышленном убийстве бывшего губернатора своих детей, впоследствии управлявшего имением жены Грузинского – Э. Ф. Шмидта, основной акцент направлен на этический анализ обстановки, в которой было совершено преступление, как места семейной драмы и связанные с этим эмоциональные впечатления и переживания обвиняемого⁵.

Как видим, исторические примеры показывают, что известные адвокаты, кроме обширных юридических познаний, обладали несомненным ораторским талантом. В то же время, по мнению В. В. Девяткиной, отличительной особенностью современного адвокатского красноречия является заметное ослабление творческого начала в ораторской деятельности, сокращение в высказываниях средств «художественной» выразительности, предпочтение клишированных приемов индивидуальным⁶.

О. Я. Баев и М. О. Баев выделяют такие стратегические принципы тактики защиты по уголовным делам, как принцип законности, принцип допустимости тактических средств защиты, принцип минимакса, принцип сомнительности доказательств, противоречащих версии подзащитного, и принцип использования специальных познаний⁷. Принцип законности, по мнению авторов, обязывает каждое активное действие защитника обосновывать ссылками на соответствующий закон, акты судебного толкования. Кроме того, адвокат не имеет права использовать однозначно запрещенные уголовным и уголовно-процес-

³ Цит. по: Прошляков А. Д., Балакшин В. С., Козубенко Ю. В. Уголовный процесс : учебник. М., 2011. С. 90.

⁴ См.: Плевако Ф. Н. Избранные речи. М., 2008. С. 35–36.

⁵ См.: Там же. С. 460–476.

⁶ См.: Девяткина В. В. Современная речь адвоката в системе функциональных стилей литературного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. С. 15–17.

⁷ См.: Баев М. О., Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М., 2005. С. 153–157.

суальным законом средства и не может обосновывать свои тактические приемы, направленные на нарушение процессуального порядка проведения следственных или процессуальных действий, в которых он принимает участие⁸. Принцип допустимости авторы увязывают с соблюдением ряда критериев, таких как законность, избирательность, этичность. В соответствии с указанным принципом исключается возможность оставления без реагирования допущенных следователем грубых нарушений норм уголовно-процессуального закона⁹. Принцип минимакса заключается в том, что деятельность защитника должна гарантировать не привлечение к уголовной ответственности невиновного, а выявление всех оправдывающих и смягчающих вину обстоятельств, значения в случае признания виновным справедливого наказания независимо от деятельности лиц, осуществляющих уголовное преследование¹⁰.

В. Ю. Резник вкладывает аналогичное содержание в указанные принципы¹¹. Среди прочих он отдельно выделяет также принцип позиционной солидарности, под которым понимает единство и согласованность защитительной позиции, а также принцип отстаивания только законных интересов подзащитного, при этом соглашается с позицией О. Я. Баева и М. О. Баева о том, что «стремление обвиняемого защищаться от обвинения (его материальный интерес) всегда законно – незаконными могут быть те или иные средства защиты»¹².

Н. А. Пастернак рассматривает такие принципы защиты, как принцип максимального благоприятствования интересам подзащитного, принцип максимализации защиты, полноты защиты, принцип отстаивания законных интересов подзащитного и принцип позиционной солидарности¹³.

Проанализировав мнения, высказываемые различными учеными, предпримем попытку систематизировать принципы защиты по уголовному делу.

На наш взгляд, необходимо выделить общеправовые и специальные принципы, на которых основывается защита. К числу *общеправовых* относятся следующие принципы: законности, эффективности, равенства, допустимости, научной обоснованности, этичности (нравственности). *Специальные принципы* – принципы, обеспечивающие оптимальную последовательность ведения линии защиты и комплексное использование сил и средств защиты. К ним относятся принципы доступности, ситуационности, индивидуальности, динамичности, реальности.

⁸ См.: Баев О. Я., Баев М. О. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2015. С. 64–65.

⁹ См.: Баев М. О., Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него ; *Их же*. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. С. 65 ; Баев М. О. Теоретические и практические основы профессиональной защиты от уголовного преследования. М., 2014. С. 63–94.

¹⁰ См.: Баев М. О. Теоретические и практические основы профессиональной защиты от уголовного преследования. С. 42 ; Баев М. О., Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. С. 162 ; Баев О. Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений. М., 2009. С. 203.

¹¹ См.: Резник В. Ю. Теоретические основы и практика деятельности адвоката на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. С. 11.

¹² Баев О. Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений. С. 180.

¹³ См.: Пастернак Н. А. Применение адвокатом тактики защиты в ходе уголовно-процессуального доказывания // Бизнес в законе. Эконом.-юрид. журнал. 2011. № 2. С. 125–126.

Рассмотрим их более подробно.

Так, *принцип законности* в праве заключается в строгой иерархии нормативных правовых актов. Он выражается в требовании верховенства закона, в подчиненности ему всех других, подзаконных нормативных актов, в требовании строгого исполнения всех правовых предписаний в процессе осуществления защиты, недопустимости злоупотребления правом.

Принцип эффективности защиты обозначает, в первую очередь, направленность деятельности на максимальное выявление обстоятельств, оправдывающих либо смягчающих вину подзащитного.

Принцип равенства подразумевает равенство всех подзащитных лиц для адвоката, равное отношение к исполнению функции защиты вне зависимости от национальности, расы, пола, религиозных и политических убеждений, социального положения подзащитных лиц.

Принцип допустимости заключается в строгой проверке защитником соблюдения требований закона в процессе получения каждого доказательства, в том числе представленного им самим.

Все предпринимаемые способы, средства и методы защиты должны быть обоснованы, а именно изучены наукой на уровне теоретического обоснования и практического контроля, что являет собой содержание *принципа научной обоснованности*.

Принцип этичности содержит запрет на совершение защитником действий, унижающих честь и достоинство как подзащитного лица, так и иных участников процесса. Защитник в любом случае не должен подрывать авторитет органа предварительного расследования.

Принцип доступности заключается в том, что защита должна быть возможна для любого лица, вне зависимости от его материального положения, при этом качество защиты не должно отличаться.

Принцип ситуационности увязывает конкретные тактические приемы и научные рекомендации с возможностью их практического применения в имеющей место ситуации по уголовному делу, в связи с которым осуществляется защита. С указанным принципом тесно связан *принцип индивидуальности*, который подразумевает несомненное уважение позиции подзащитного лица, в том числе в ситуации, когда такая позиция является потенциально невыигрышной. Даже при наличии типовых предписаний и мнений о действиях защитника в той или иной ситуации, каждое уголовное дело в отношении подзащитного лица рассматривается и оценивается как уникальное, и позиция подзащитного лица в большинстве случаев ложится в основу тактики деятельности по защите.

Принцип динамичности заключается в том, что линия защиты на протяжении предварительного следствия не является стабильно определенной, а видоизменяется в зависимости от развития следственной ситуации, т. е. ситуации, имеющей место в определенный момент расследования.

Реальность защиты означает стремление исключительно к возможному положительному результату рассмотрения дела для подзащитного лица. Указанный принцип подразумевает правильную постановку цели защиты, например в ситуации, когда вина подзащитного лица полностью доказана, целью

защитника является отыскание смягчающих вину обстоятельств, а не оправдание подзащитного лица.

Как справедливо отмечается в научной литературе, принципы в качестве руководящих положений выступают критериями разрешения различных коллизий. Свою реализацию принципы находят в практической деятельности участников уголовного судопроизводства, определяя ее направленность¹⁴.

Рассмотрев принципы, в соответствии с которыми осуществляется защита по уголовным делам, а также мнения ученых по данному вопросу, выделим общеправовые принципы (законности, эффективности, равенства, допустимости, научной обоснованности, этичности (нравственности)) и специальные (доступности, ситуационности, индивидуальности, динамичности, реальности), на которых основывается защита.

¹⁴ См.: Прошляков А. Д., Балакшин В. С., Козубенко Ю. В. Указ. соч. С. 92.

Следственный комитет Республики Беларусь (г. Минск)
Локтевич О. И., ведущий инспектор (по организационно-кадровой
работе) Ленинского районного отдела

Investigative Committee of Republic of Belarus (Minsk)
Loktevich O. I., Leading Inspector (on Organizational
and Personnel Work)
Lenin of Regional Department
E-mail: oll.k@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Статья посвящена объекту общественно опасных деяний, запрещенных ст. 240–245 УК РФ. Обобщаются доктринальные точки зрения по вопросам понятия общественной нравственности как объекта уголовно-правовой охраны, а также основного и дополнительного объектов преступлений против общественной нравственности. С учетом ценности такого объекта, находящегося под защитой уголовного закона, как общественная нравственность, предлагается преступление, расположенные в ст. 240–245 УК РФ, переместить в самостоятельную главу Особенной части УК РФ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: объект уголовно-правовой охраны, объект преступления, общественная нравственность, преступления против общественной нравственности.

PUBLIC MORALITY IN THE SYSTEM OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION: DEFINITION AND CLASSIFICATION

The article is devoted to the object of socially dangerous acts prohibited by Art. 240–245 of the Criminal code of the Russian Federation. The article summarizes the doctrinal points of view on the concept of public morality as an object of criminal law protection, as well as the main and additional objects of crimes against public morality. Taking into account the value of such object which is under protection of the criminal law as public morality, it is offered the crimes located in Art. 240–245 of the Criminal code of the Russian Federation to move in the independent Chapter of Special part of the Criminal code of the Russian Federation.

К e y w o r d s: the object of criminal law protection, the object of the crime, public morality, crimes against public morality.

Поступила в редакцию 16 августа 2019 г.

В ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) общественная нравственность не обозначена в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Несмотря на данное обстоятельство, общественная нравственность выступает видовым объектом преступлений, расположенных в ст. 240–245 раздела IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»¹.

¹ См.: Старков Е. А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 16.

© Янина И. Ю., 2019

При совершении запрещенного Особенной частью УК РФ деяния вред причиняется не только объекту уголовно-правовой охраны, но и объекту преступления. В свою очередь, причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны и объекту преступления является основанием для наступления уголовной ответственности (при условии, что имеются и иные объективные и субъективные признаки преступления).

Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления – понятия не тождественные, поскольку объект уголовно-правовой охраны защищается уголовно-правовыми средствами не только от преступных, но и от неправомерных деяний (например, жестокое обращение с животными, совершенное невменяемым лицом). При этом в доктрине уголовного права вопрос о соотношении данных терминов остается неразрешенным: одни ученые полагают, что объект уголовно-правовой охраны и объект преступления – идентичные категории²; другие – занимают противоположную позицию³.

Общественная нравственность в системе объектов уголовно-правовой охраны рассматривается сквозь призму такого объекта уголовно-правовой охраны, как общественная безопасность и общественный порядок. Для того чтобы сформулировать определение дефиниции «общественная нравственность», необходимо проанализировать общефилософский термин «нравственность». Так, С. С. Киселев под нравственностью понимает «ценности, базирующиеся на свободе, добре и справедливости»⁴; А. М. Герасимов – учение о добре, основанное на идеях свободы, равенства и справедливости⁵. По мнению Л. Е. Владимирова, «понимание и уважение категорий добра и справедливости» способствуют формированию правопорядка и, соответственно, предупреждению преступности⁶.

В уголовно-правовой науке широкое распространение получила одна из форм нравственности – общественная нравственность. В частности, Р. Б. Осокин общественную нравственность детерминирует как «совокупность публичных этических норм, принципов и ценностей, ... оказывающую существенное влияние на поведение всех индивидуальных и коллективных субъектов»⁷; Е. В. Миллеров – «совокупность ... представлений об общечеловеческих ценностях, сложившихся в обществе»⁸; М. П. Полянская – «выработанную людьми

² См., например: *Винокуров В. Н.* Объект преступления : теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 58 ; *Мальцев В. В.* Учение об объекте преступления. Объект преступления : концептуальные проблемы. Волгоград, 2010. Т. 1. С. 128 ; *Филимонов В. Д.* Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 16.

³ См., например: *Коржанский Н. И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 28 ; *Российское уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Н. А. Лопашенко.* М., 2012. С. 199.

⁴ *Киселев С. С.* Нравственность в уголовном праве // *Право и политика : история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф.* Омск, 2016. С. 76.

⁵ См.: *Герасимов А. М.* Нравственность в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 7.

⁶ См.: *Владимиров Л. Е.* Уголовный законодатель как воспитатель народа. М., 1903. С. 58.

⁷ *Осокин Р. Б.* Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 12.

⁸ *Миллеров Е. В.* Уголовно-правовая охрана нравственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006. С. 15.

систему норм и правил поведения, идей, традиций, взглядов об общечеловеческих ценностях, справедливости, долге, чести, достоинстве»⁹; А. М. Герасимов – «систему общественных нравов, то есть обычаев, традиций, навыков, запечатлевающих уже достигнутый нравственный прогресс»¹⁰.

Как уже было отмечено, общественная нравственность выступает видовым объектом преступлений, запрещенных ст. 240–245 УК РФ. Ущерб отношениям в сфере общественной нравственности причиняется посредством преступного посягательства¹¹. Однако А. М. Герасимов полагает, что при помощи термина «общественная нравственность» не представляется с достаточной точностью раскрыть сущность объекта преступлений, предусмотренных ст. 240–245 УК РФ¹². Здесь следует согласиться с Р. Б. Осокиным в том, что «роль моральных стимулов в реализации требований уголовно-правовых норм не повышается, а общественная нравственность ... претерпевает негативное преступное воздействие»¹³.

Р. В. Торосян непосредственный объект преступлений против общественной нравственности дифференцирует на три группы: 1) общественная нравственность в сфере взаимоотношения полов и формирования половой культуры общества (ст. 240, 240.1, 241, 242, 242.1, 242.2 УК РФ); 2) общественная нравственность в сфере сохранения наследия прошлого и поддержания связи поколений (ст. 243, 243.1, 243.2, 243.3, 244 УК РФ); 3) общественная нравственность в сфере взаимоотношения людей с иными представителями живой природы (ст. 245 УК РФ)¹⁴ (курсив авт. – И. Я.).

В качестве дополнительного объекта преступлений против общественной нравственности рассматриваются общественные отношения, посягающие на психическое состояние населения¹⁵.

В свою очередь, непосредственный и дополнительный объекты каждого преступного деяния, посягающего на общественную нравственность, необходимо конкретизировать.

Преступления против общественной нравственности в сфере взаимоотношения полов и формирования половой культуры общества

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 240 УК РФ, выступает общественная нравственность в области сексуальных отноше-

⁹ Полянская М. П. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности в сфере половой морали : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 14.

¹⁰ Герасимов А. М. Указ. соч. С. 19.

¹¹ См.: Икстаева С. Т. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны // Вестник Кыргызско-Российского славянского ун-та. 2014. Т. 14, № 2. С. 96.

¹² См.: Герасимов А. М. Указ. соч. С. 18.

¹³ Осокин Р. Б. Общественная нравственность как особо ценный объект охраны // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2011. № 7. С. 169.

¹⁴ См.: Торосян Р. В. Преступления против общественной нравственности : вопросы криминализации, систематизации и законодательного описания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2012. С. 20–21.

¹⁵ См.: Чилингаров К. В. Основания и принципы криминализации преступлений против общественной нравственности // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 202.

ний¹⁶, дополнительным объектом – здоровье потерпевшего¹⁷; непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 240.1 УК РФ, – отношения, обеспечивающие общественную нравственность в сфере сексуальной жизни людей¹⁸, дополнительным объектом – нравственное развитие несовершеннолетнего¹⁹; непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 241 УК РФ, – общественная нравственность в сфере половой морали²⁰, дополнительным объектом – общественные отношения в сфере охраны здоровья человека²¹; непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, – общественная нравственность в сфере половых отношений²², дополнительным объектом – правила распространения и демонстрации кино- и видеоматериалов; непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 242.1 УК РФ, – общественная нравственность в сфере половых отношений, дополнительным объектом – нравственное развитие несовершеннолетнего; правила распространения и демонстрации кино- и видеоматериалов; непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 242.2 УК РФ, – общественная нравственность в сфере половых отношений, дополнительным объектом – нравственное развитие несовершеннолетнего.

В. В. Сучкова при формулировании понятия общественной нравственности в сфере половых отношений как непосредственного объекта преступлений, предусмотренных ст. 240–241.1 УК РФ, отмечает, что данная форма функционирования общества включает в себя «систему принципов, требований, правил поведения, направленных на регулирование взаимоотношений полов и половое воспитание»²³. А. А. Бимбинов преступления, запрещенные ст. 240–242.2 УК РФ, относит к группе «деяний, посягающих на общественную нравственность в сфере соблюдения дозволенных пределов поведения в сексуальных отношениях»²⁴.

¹⁶ См.: Российское уголовное право : в 2 т. Т. 2 : Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2001. С. 494.

¹⁷ См.: Агафонов А. В. О некоторых доктринальных проблемах содержания непосредственного объекта преступления при вовлечении физического лица в занятие проституцией // Основные тенденции развития российского законодательства. 2013. № 8. С. 71.

¹⁸ См.: Стегунова А. А. Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ) : особенности уголовно-правовой характеристики // Актуальные вопросы права и отраслевых наук. 2017. № 1 (3). С. 60.

¹⁹ См.: Пляс Д. Г. О факторах, влияющих на латентность преступления, предусмотренного ст. 240.1 УК РФ // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 7, № 12. С. 94.

²⁰ См.: Уголовное право России : учеб. для вузов. Особенная часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2005. С. 561.

²¹ См.: Бидзян Д. Р. Об уголовно-правовой оценке деяний, составляющих организацию занятия проституцией // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 2 (31). С. 93.

²² См.: Гусарова М. В. Объект и предмет преступлений в сфере незаконного изготовления, распространения и оборота порнографических материалов или предметов : понятие и особенности квалификации // Научный Татарстан. 2009. № 3. С. 16.

²³ Сучкова В. В. Общественная нравственность в сфере половых отношений как объект уголовно-правовой охраны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 18.

²⁴ Бимбинов А. А. Качество норм об ответственности за преступления против общественной нравственности в сфере сексуального поведения человека // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2017. № 3 (30). С. 232.

Преступления против общественной нравственности в сфере сохранения наследия прошлого и поддержания связи поколений

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, является общественная нравственность в области духовной и культурной жизни²⁵, дополнительным объектом – отношения собственности²⁶; непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ, – общественная нравственность в области духовной и культурной жизни, дополнительным объектом – отношения по охране объектов культурного наследия народов Российской Федерации; непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, – общественная нравственность и общественный порядок, обеспечивающий сохранность археологических предметов в местах залегания²⁷, дополнительным объектом – отношения по охране культурного слоя; непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 243.3 УК РФ, – общественная нравственность и общественный порядок, обеспечивающий сохранность археологических предметов в местах залегания, дополнительным объектом – отношения по охране культурного слоя; непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, – общественные отношения, обеспечивающие сохранность тел умерших, мест захоронения и других объектов, связанных с погребением или поминовением усопших²⁸, дополнительным объектом – отношения собственности²⁹.

Преступления против общественной нравственности в сфере взаимоотношения людей с иными представителями живой природы

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, признается сфера общественной нравственности, определяющая контакты человека с животным³⁰, дополнительным объектом – имущество³¹.

Таким образом, российский законодатель не уделяет достаточного внимания такому объекту уголовно-правовой охраны, как общественная нравственность, поскольку преступления, посягающие на общественную нрав-

²⁵ См.: *Скляр К. А.* Проблемы разграничения вандализма (ч. 1 ст. 214 УК РФ) и уничтожения или повреждения памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность (ч. 1 ст. 243 УК РФ) // *Наука и образование : хозяйство и экономика ; предпринимательство ; право и управление.* 2012. № 3 (22). С. 108.

²⁶ См.: *Калининская Я. С., Чугунов А. А.* Разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 214, 243 и 244 Уголовного кодекса Российской Федерации : объективные критерии // *Современное право.* 2015. № 7. С. 106.

²⁷ См.: *Шебалов В. А.* Проблемы определения объекта незаконного поиска и изъятия археологических предметов из мест залегания // *Право и правоохранительная деятельность в России, странах СНГ и Европейского союза : законодательство и социальная эффективность : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2018.* С. 278.

²⁸ См.: *Калининская Я. С., Чугунов А. А.* Указ. соч. С. 107.

²⁹ См.: Там же. С. 107.

³⁰ См.: *Богатова Е. В.* Социально-нравственные предпосылки уголовной ответственности за жестокое обращение с животными // *Вестник Калининград. юрид. ин-та МВД России.* 2009. № 2 (18). С. 72.

³¹ См.: *Бочаров Е. В.* Объект и предмет состава жестокого обращения с животными // *Вестник Тамбов. ун-та. Серия: Гуманитарные науки.* 2013. № 11 (127). С. 406.

ственность, предусмотрены главой 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Тем не менее здоровье населения и общественная нравственность как объекты уголовно-правовой охраны несут различную смысловую нагрузку. В связи с этим целесообразно в Особенной части УК РФ предусмотреть самостоятельную главу, посвященную данной группе общественно опасных деяний, – главу 25.1 «Преступления против общественной нравственности» (ст. 240 –245 УК РФ), исключив словосочетание «и общественной нравственности» из главы 25 УК РФ.

Московский государственный областной университет

Янина И. Ю., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права

Moscow State Regional University

Yanina I. Yu., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Law Department
E-mail: sudvl@mail.ru

К. А. НЕВОЛИН О ЗАКОНЕ

Анализируется концепция закона, разработанная русским правоведом К. А. Неволным, ставшая фундаментом для отечественной философско-правовой школы. К л ю ч е в ы е с л о в а: философия права, закон, юриспруденция, история правовой мысли, К. А. Неволин.

K. A. NEVOLIN ABOUT THE LAW

The article analyzes the concept of law developed by the Russian jurist K. A. Nevolin and became the foundation for the Russian philosophical and legal school. К е у w o r d s: philosophy of law, law, jurisprudence, history of legal thought, K. A. Nevolin.

Поступила в редакцию 5 сентября 2019 г.

Проблемы, стоящие перед современной российской юриспруденцией, обусловлены, прежде всего, отсутствием теоретически проработанной парадигмы законоотворчества, адаптированной к отечественным правовым реалиям. В связи с этим актуальна необходимость поиска в истории отечественных учений о законе решений текущих проблем российского законоотворчества либо их теоретически обоснованных прототипов.

Традиционно считается, что расцвет идеалистической философии права в России связан с творчеством Константина Алексеевича Неволлина (1806–1855), который оставил после себя мощнейший корпус правовых, в том числе законоведческих, исследований.

Научная деятельность К. Неволлина началась в 1828 г., когда он в числе лучших студентов был рекомендован для последующего прохождения обучения законоведению. Знакомство в стенах Петербургского университета с А. П. Куницыным, К. И. Арсеньевым, В. В. Шнейдером и другими известными учеными-правоведами предопределило дальнейшие научные приоритеты К. Неволлина¹. В 1829 г. по рекомендации М. М. Сперанского К. А. Неволин был направлен в Берлинский университет, где под руководством Ф. Савиньи, основателя исторической школы права, не только изучал правовые науки, но и знакомился с организацией преподавания на юридическом факультете. Тогда же он познакомился с Ф. Гегелем, «и определенное влияние гегелевской философии затем проявилось в его трудах»².

Защитив в 1835 г. докторскую диссертацию «О философии законодательства у древних», ученый продолжил свою карьеру в качестве профессора энциклопедии права и учреждений Российской империи в Киевском университете, а затем был назначен ректором того же университета.

¹ См.: Лицук А. А. К. А. Неволин : вехи интеллектуальной биографии // Вестник Нижневарт. гос. гуманитарного ун-та. 2012. № 3. С. 36.

² Коцюба В. И. Неволин о пользе изучения философии // Вестник славянских культур. 2012. № 4. С. 5.

Результаты своей научной деятельности К. А. Неволин изложил в «Энциклопедии законоведения» – первом энциклопедическом произведении по теории закона в России и Европе. Следует отметить, что двухтомный труд автора появился в годы правления Николая I, когда социально-политическая обстановка в стране и на международной арене определила консервативную направленность большинства теоретико-правовых исследований данного периода, и которая, в свою очередь, получала активную поддержку со стороны правительства. Кроме того, нельзя отрицать наследования законоведческими концепциями второй четверти XIX в. основных идей, присущих исследованиям закона рубежа XVIII–XIX столетий.

Давая оценку фундаментальному сочинению, современный исследователь А. П. Бородин пишет, что «Энциклопедия» «явилась первым оригинальным произведением в отечественной юридической литературе, содержащим как общее учение о праве, историю философии права, так и историю положительного законоведения»³.

Закон, по К. А. Неволину, есть идеальная сущность, раскрывающаяся во всем множестве различных законодательств с течением времени⁴. Эта сущность может быть описана с двух точек зрения – как «закон вообще» и как «внешний закон».

Понятие «закон вообще», в целом, совпадает с понятием правды⁵. Важно заметить здесь ключевое расхождение концепций Сперанского и Неволина: согласно первому, правда есть равенство и справедливость, согласно второму – в первую очередь, добро. Кроме того, К. А. Неволин объявляет Бога единственным источником правды.

«Закону вообще» Неволин дает два определения – широкое и узкое. Согласно первому, «закон вообще есть правило, по которому что-нибудь необходимо происходит», согласно второму – «правила, по которым должны поступать нравственные существа в обществе, если они не хотят отказаться от самой жизни общественной»⁶.

Понятие «внешнего закона» у Неволина во многом согласуется с концепцией позитивного права. «Внешний закон» проявляется в форме государственных установлений (собственно законов в бытовом понимании этого слова). Поскольку такая сторона сущности закона ограждается государством, т. е. со стороны, «внешней силой», исследователь и предлагает соответствующее ее характеру название.

Как уже говорилось ранее, закон по своей сути выражает правду, поэтому всякий настоящий закон, согласно К. А. Неволину, предопределен свойствами идеального порядка, присущими правде. Вслед за Гегелем (чьей методологии К. А. Неволин активно пользовался)⁷ исследователь отказывается от разгра-

³ Бородин А. П. Константин Алексеевич Неволин : жизнь и деятельность // Право и политика. Научные труды ин-та Моск. гос. юрид. академии. 2016. № 1. С. 7.

⁴ См.: Неволин К. А. Энциклопедия законоведения // Полн. собр. соч. К. А. Неволина. СПб., 1857. Т. 1.

⁵ См.: Там же.

⁶ Там же. С. 35.

⁷ См.: Лицук А. А. Указ. соч. С. 36.

ничения естественного и позитивного закона, что ставит его в ряд крупнейших отечественных теоретиков естественного права. Естественное и позитивное едино в рамках сущности закона, проявляя как всеобщее-необходимую ее сторону, так и случайно-ограниченную. Такая единая идея закона раскрывается в историческом развитии общества в зависимости от социальных обстоятельств.

Для К. А. Неволина важен и вопрос генезиса законов, исследуя который, автор прибегает к диалектическому пониманию развития идей. Моделируя проблему возникновения законов, он выделяет формы существования законодательства – обычай, учение законоведов и «закон в тесном смысле», который есть «прямое и непосредственное объявление властью общественной своей воли о том, как должны поступать лица, ей подчиненные, по отношению к известному роду деяний»⁸. Мыслитель предполагает, что естественное развитие законодательства – это постепенное раскрытие идеи закона в движении от обычая к «закону в тесном смысле» посредством учения законоведов.

Вообще К. А. Неволин уверенно наследует иерархизму в философии общества, подчеркивая, что всякое законодательство раскрывается в социуме, проходя вереницу ступеней общественной жизни. К числу таких ступеней автор относит семейство, род, гражданское общество, государство и союз народов. Проходя все эти этапы, идея законодательства конкретизируется, получает большее уяснение обществом, находит большую определенность⁹. Важно понимать, что К. А. Неволин элиминирует из своей теории концепцию личности как субъекта социальных отношений. Согласно концепции исследователя, индивидуальность растворена в обществе и подчинена ему, а право (в том числе субъективное) – основанная на правде иерархическая структура, выстроенная в рамках общества.

Интересно, как, исходя из описанной выше методологии, К. А. Неволину удалось построить классификацию законов? Исследователь предложил две классификации – первая основана на различении типологий структуры законов; вторая – на вариативности прав и обязанностей, диктуемых законами. Классификация первого вида представлена в работах К. А. Неволина более широко. Рассмотрим ее подробнее.

Все множество существующих или существовавших законов автор разделял на определительные (определяют права и обязанности) и охранительные (охраняют права и обязанности). В каждом из этих классов К. А. Неволин выделял три основные ветви – государственные, гражданские и международные.

Среди государственных определительных законов следует выделять:

- основные («определяют порядок, которым власть верховная пользуется, и ее права»);
- законы о состояниях (формулируют права и обязанности подданных по отношению к государству);
- законы об учреждениях (моделируют иерархию государственной власти);
- законы о силах государственных (описывают правовые механизмы деятельности вооруженных сил, фискального аппарата, казны).

⁸ Неволин К. А. Указ. соч. Т. 1. С. 50–51.

⁹ См.: Там же. С. 56.

Государственные охранительные законы делятся на полицейские и уголовные. Гражданские определительные законы делятся на семейные и имущественные; гражданские охранительные законы включают законы о производстве дел бесспорных и законы о судопроизводстве. Международные определительные законы представлены в виде международного права во время мира, международные охранительные – в виде международного военного права¹⁰.

В рамках классификации второго вида мыслитель выделял государственные законы, законы гражданские и законы союза народов.

Труды К. А. Неволлина примечательны тем, что, исходя из идеалистических, а во многом и религиозных предпосылок, данному автору удалось достичь интересных и важных для развития отечественной юриспруденции результатов. Кроме того, очевидны ключевые пробелы в теории К. А. Неволлина, в числе которых важно упомянуть не исчерпывающую и временами пересекающуюся классификацию, однако подобный недостаток следует оправдать отсутствием единой и общепринятой законоведческой методологии в России XIX в.

В целом работы К. А. Неволлина отвечали тенденциям своего времени, занимая традиционалистские позиции, однако во многих трудах этого автора можно проследить нарастающие позитивистские настроения. При этом именно К. А. Неволлина следует считать последним крупным представителем отечественной естественно-правовой традиции первой половины XIX столетия, идеи которого остаются основополагающими для современной философии права.

¹⁰ См.: Там же. С. 70.

*Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I*

*Пыльцина М. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры
конституционного и административного права*

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great

*Pylytsina M. V., Candidate of Historical, Associate Professor of the
Constitutional and Administrative Law Department
E-mail: pmvistoria@mail.ru*

ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Статья посвящена актуальным проблемам определения идейно-смысловых основ современного российского общества, проблемам сохранения и развития традиционных нравственных ценностей. Научно обоснованная концепция реализации конституционного принципа свободы совести и вероисповедания рассматривается автором как успешный вариант решения обозначенных проблем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: свобода совести, свобода вероисповедания, нравственность, мораль, веротерпимость.

POSSIBILITIES OF IMPROVING THE MORAL STATE OF THE RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONSCIENCE AND CONFESSION

The article is devoted to actual problems of determining the ideological and semantic foundations of modern Russian society, the problems of preservation and development of traditional moral values. The scientifically substantiated concept of the implementation of the constitutional principle of freedom of conscience and religion is considered by the author as a successful solution to the identified problems.

K e y w o r d s: freedom of conscience, freedom of religion, morality, morality, religious tolerance.

Поступила в редакцию 30 сентября 2019 г.

В современных условиях развития России наблюдается глубокий идеологический кризис общественного сознания. Вот уже более 25 лет Российская Федерация идет по пути создания правового, демократического и социального государства, признающего в качестве одной из важнейших основ своего конституционного строя – идеологическое многообразие (ч. 1 ст. 13 Конституции РФ). Но как показывают реалии жизненной действительности, только этих целей явно недостаточно. Представители научного сообщества, а также многие общественные деятели обеспокоены фактом наличия в общественном сознании идеологического вакуума, отсутствием у значительной части российских граждан (особенно среди молодежи) четких жизненных ориентиров, развивающих в характере человека активное созидательное начало. В частности, В. М. Артемов, обращаясь к анализу смысла и предназначения человеческой жизни, подчеркивает, что «в условиях современной цивилизации... важно целенаправленно усиливать именно добро, а не быть конформистом, позиция которого весьма ущербна с точки зрения движения к идеалу. Ведь человек без

позитивного идеала действительно «летать не может», а потому и перестает быть человеком в собственном смысле этого слова»¹. Т. В. Синюкова, описывая структуру современного правосознания и исследуя проблемы и перспективы его совершенствования, обнаруживает следующую закономерность: «Существует неписанный закон: сознание, в том числе и правовое, не терпит пустоты – какая-то, часто далеко не лучшая, система взглядов его всегда заполнит. В результате механической деидологизации возникло опаснейшее, даже в сравнении с последствиями экономического кризиса, положение: усиливающееся ощущение духовной пустоты, бессмысленности, бесперспективности, временности всего происходящего, которое зримо охватывает всё новые и новые слои населения. В нашем «деидологизированном» сознании усиливается тенденция к социальному примитивизму»². А. Л. Сергеев, рассматривая идеологию в качестве «структурированной системы взглядов, идей и концепций относительно сути и сущности общества и государства и места в них человека», учитывая нормативное содержание ст. 13 Основного закона страны и его незыблемость для действующего конституционного строя, всё же настаивает на необходимости четкого определения идейно-смысловых основ российской государственности на современном этапе развития и на долгосрочную перспективу³. Такие идейно-смысловые основы он определяет как «базовые нематериальные параметры, вокруг которых сгруппирована государственно организованная общность». По мнению А. Л. Сергеева, эти объединяющие идейно-смысловые основы российской государственности нужно не только выработать и сформулировать, но и наполнить ими воспитательную, культурно-просветительскую и иную общественно значимую деятельность⁴.

Это только малая часть идей, аргументов и позиций ученых, всерьез обеспокоенных состоянием российского общества и развитием государства. В действительности, только оценка масштабов дискуссии по этому поводу заслуживает целой серии тематических научных статей.

Поддерживая вышеобозначенные точки зрения, считаем необходимым высказать собственную позицию по данным проблемам. Представляется целесообразным категорию «идейно-смысловые основы» рассматривать не только применительно к российской государственности, но и в целом к человеческой жизни.

Успешное определение идейно-смысловых основ жизни конкретного человека, на наш взгляд, зависит, главным образом, от его личных нравственных ориентиров. Государство, позиционирующее себя в качестве правового и социального, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ), должно поддерживать, развивать и популяризировать лучшие нравственные ценности человеческого общежития, выработанные культурой

¹ Артемов В. М. Нравственность и право : учеб. пособие. М., 2018. С. 38.

² Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2002. С. 615–616.

³ См.: Сергеев А. Л. Конституционные основы российской государственности : учеб. пособие. М., 2017. С. 49.

⁴ См.: Там же.

в результате глобального исторического процесса. При всей сложности, разнообразности и мультикультурности современной цивилизации в управленческом арсенале современного демократического государства всё же есть эффективные механизмы, позволяющие стимулировать укрепление нравственных ориентиров общества. На наш взгляд, одним из таких механизмов, обладающих глубоким потенциалом в данной сфере, является принцип свободы совести и вероисповедания. Для современной России это очень важный принцип, который закреплён на конституционном уровне (ст. 14, 28 Конституции РФ) и конкретизирован в специальном законодательстве (Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях»), а также законодательстве субъектов РФ в этой сфере. Российская Федерация – многонациональное, многоконфессиональное государство с масштабными пространственными территориями, впечатляющей, уникальной и драматичной историей. Поэтому закрепление на конституционном уровне принципа свободы совести и вероисповедания – не только важный шаг государства на пути к интеграции в мировое демократическое пространство, но и ценное достижение его внутренней политики, стимулирующее, с одной стороны, возрождение глубоких духовно-мировоззренческих основ жизни общества, заботу о национально-культурной самобытности народов, населяющих Российскую Федерацию, стремление к созданию оптимальных условий для свободного духовного развития каждого человека в соответствии с его личными убеждениями и индивидуальным духовным поиском, а с другой – проявление уважения к людям, имеющим нейтральную позицию по отношению к религиозным ценностям и выстраивающим свои личные жизненные ориентиры на принципах светской этики. Конституционный принцип свободы совести и вероисповедания при концептуально верной его интерпретации, научно обоснованной, конфессионально нейтральной, скрупулезной с юридико-технической точки зрения конкретизацией в специальном законодательстве и при грамотной реализации в процессе правоприменения вполне способен значительным образом повлиять на формирование оптимальных идейно-смысловых основ российского общества и на совершенствование его нравственного состояния.

Толковый словарь С. И. Ожегова определяет нравственность как «правила, определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил»⁵. Очень часто нравственность и мораль рассматриваются как синонимичные понятия. Известно, что нормы морали являются важнейшими социальными регуляторами. В теории и философии права придают особое значение масштабной дискуссии о соотношении морали и права, морали и религии. На протяжении всей истории человечества идеи о соотношении этих трех значимых социальных регуляторов, их первопричине и роли в жизни общества, государства и конкретного человека влияли на уровень как общественного прогресса, так и общественного кризиса. В условиях XXI в. идеи, дискуссии и противоречия взглядов о соотношении морали, религии и права не только не потеряли своей актуальности, но, по-видимому, приобретают с каждым годом всё большую популярность. Не

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1972. С. 384.

вдаваясь в детали масштабной дискуссии по этому поводу, отметим лишь то, что взаимосвязь ориентиров поведения, выработанных моральными, религиозными и правовыми нормами на протяжении всей человеческой истории очевидна. В частности, постулаты, осуждающие убийство, воровство, клевету, неуважительное отношение к другому человеку, носят универсальный характер. Не меньшей степенью универсальности, к примеру, обладают ценности, ориентирующие человека на проявление сострадания к нуждающимся, больным, старикам, а также защиту семьи, материнства и детства, популяризацию меценатства и благотворительности. Эти ориентиры находят своё глубокое идейное обоснование в большинстве распространенных религиозных течений, на уровне авторитетных нравственных ценностей и поддерживаются законодательством цивилизованных стран.

Оценивая взаимосвязь религии и морали, авторы новейшего словаря религиоведения подчеркивают, что «сходство религии и морали наиболее заметно в их духовных проявлениях. ... В каждой религии, в каждом вероисповедании в большей или меньшей степени присутствует морально-духовное начало. Религия определяет не только отношения человека с Богом и церковью, но и в той или иной мере регламентирует отношения людей между собой как в лоне церкви, так и за ее пределами. Бог воплощает в себе те нравственные требования, которым обязан следовать Его приверженец»⁶. Религиозное чувство человека – очень тонкое, глубоко интимное эмоциональное проявление, оказывающее серьезное воздействие на его стиль жизни, поведение, отношение к окружающим. Поэтому правовое регулирование свободы вероисповедания должно в полной мере учитывать сложность регулируемого объекта. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁷ за годы своего действия позволил государственным институтам получить значимый опыт в регулировании государственно-конфессиональных отношений. Действующие в России религиозные организации получили достаточно широкие возможности в сфере духовно-просветительской деятельности. Они смогли создать и успешно развивать духовно ориентированные средства массовой информации, ими достаточно успешно и результативно проводятся различные благотворительные акции и популяризируется социальное служение на началах волонтерства в молодежной среде. Особая роль здесь принадлежит Русской православной церкви и другим традиционным для России религиозным конфессиям.

Однако при всех положительных результатах современного законодательного регулирования и реализации принципа свободы совести и вероисповедания в данной сфере общественных отношений наблюдаются очень серьезные проблемы. В рамках настоящей статьи представляется целесообразным обозначить одну из наиболее острых – проблему веротерпимости. Гармонизация межконфессиональных отношений, о которой так часто и много говорят, не может быть достигнута на практике, если к этому не будут приложены конкретные усилия. И не только в сфере внутреннего диалога крупных религиоз-

⁶ Новейший словарь религиоведения / авт.-сост. О. К. Садовников, Г. В. Згурский ; под ред. С. Н. Смоленского. Ростов н/Д., 2010. С. 254–255.

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465 ; 2019. № 18. Ст. 2209.

ных деятелей страны. Здесь необходимо выстроить целую систему коррекции общественного восприятия многоконфессиональной духовной сферы жизни общества. Единственным посредником в этих отношениях может выступить только государство, и государственное регулирование должно иметь исключительно правовые формы. Проблема веротерпимости в нашей стране стоит довольно остро и вполне заслуживает отдельного глубокого узконаправленного исследования. Приведем лишь один пример, красноречиво описывающий напряженность ситуации. Так, в светских средствах массовой информации часто можно обнаружить официальные видеорепортажи, статьи и иные материалы, довольно поверхностного характера, изобилующие неуважительными высказываниями по отношению к приверженцам религиозного меньшинства, без каких-либо для этого оснований. Очень часто в телевизионных программах, новостных репортажах, на страницах печатных изданий, на различных интернет-ресурсах или на платформах популярных социальных сетей в отношении людей, например, религиозные убеждения которых относятся к различным христианским деноминациям протестантского толка, можно обнаружить пренебрежительное употребление журналистами и сотрудниками различных телеканалов характеристики «адепт религиозной секты», а также резкую, необоснованную и нередко абсолютно безграмотную критику религиозного направления в целом. Среди людей, считающих себя приверженцами традиционных религий, до сих пор присутствует враждебное, чрезмерно настороженное отношение к людям иных религиозных убеждений. Приверженцы исключительно светских позиций часто в резкой форме отзываются о деятельности всех религиозных организаций. Всё это способствует распространению скандальных настроений, пренебрежительному, неуважительному отношению к духовной культуре в целом. Эту ситуацию нельзя признать нормальной. Она усугубляет и без того довольно значительный раскол российского общества.

Основной задачей государства в этой сфере представляется создание оптимальных условий для подлинной гармонизации межконфессиональных отношений. При этом самому государству необходимо занимать нейтральную позицию. Но нейтральность в данном случае означает вовсе не безразличие к духовно-религиозной сфере, а объективность по отношению к ней. Государство – самостоятельный, независимый посредник, создающий благоприятную платформу для мирного, конструктивного сосуществования и сотрудничества религиозных объединений в целях развития духовной культуры России. Главной задачей государства в этой деликатной сфере является выработка политики совершенствования и защиты основополагающих нравственных ориентиров для нормального, созидательного и перспективного функционирования общества, с учетом его сложности и мультикультурности, создание для этого эффективной правовой основы на началах защиты основ конституционного строя, жизни, здоровья, нравственности, прав и законных интересов жителей России. На наш взгляд, действующий Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» нуждается в системном, концептуальном пересмотре и детальном обновлении с учетом современных реалий государственно-конфессиональных отношений, с учетом бурного раз-

вития информационного и технического прогресса и тех крупных достижений реализации конституционного принципа свободы совести и вероисповедания, которые накоплены за годы его действия.

В данном контексте важно также уточнить, что в коррекции нуждается Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»⁸. К сожалению, общее правило, входящее в перечень обязанностей журналиста и предполагающее, что «при осуществлении профессиональной деятельности журналист обязан уважать права, законные интересы, честь и достоинство граждан и организаций» (ч. 3 ст. 49), не всегда учитывается сотрудниками СМИ. Поэтому, на наш взгляд, целесообразна коррекция ст. 4 рассматриваемого закона и внесение в нее отдельного пункта, запрещающего использование в СМИ характеристик, подрывающих деловую репутацию зарегистрированных в России религиозных организаций без какого-либо законного основания для этого, а также унижающих честь, достоинство и деловую репутацию их последователей. За злоупотребление свободой массовой информации в этой сфере целесообразно предусмотреть меры административной ответственности.

Деятельность современных средств массовой информации как ключевых субъектов формирования общественного сознания и правосознания нуждается также в системном правовом регулировании. В условиях колоссального информационного процесса злоупотребление свободой массовой информации способно приводить к разрушительным последствиям. Современное российское общество нуждается в высокой культуре информационного процесса. Различие убеждений, взглядов, потребностей не должно приводить к нарушению конституционных прав и свобод человека. Идеино-смысловые основы российского общества должны быть сосредоточены на незыблемых для человека ценностях, таких как жизнь, семья, чувство патриотизма, уважение к ближнему, сострадание, стремление каждого к саморазвитию, активной созидательной деятельности. Создание, правовых, материальных и организационных условий для этого – во многом обязанность государства.

⁸ Рос. газета. 1992. 8 февр. ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 23. Ст. 2914.

Воронежский государственный университет
Судакова С. В., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
конституционного и муниципального права

Voronezh State University
Sudakova S. V., Candidate of Legal Sciences,
Lecturer of the Constitutional and Municipal Law Department
E-mail: sophyasudakova@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Рассмотрены проблемные аспекты применения мер государственного принуждения, проанализированы Федеральный закон «О полиции», Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях и Устав патрульно-постовой службы полиции, исследованы доставка, задержание, досмотр как основные меры государственного принуждения, применяемые сотрудниками полиции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: государственное принуждение, доставка, задержание, досмотр.

ENSURING THE RULE OF LAW IN THE APPLICATION OF STATE ENFORCEMENT MEASURES BY POLICE OFFICERS

The article discusses the problematic aspects of applying state coercion measures, analyzes the Federal Law about police, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Charter of the police patrol service, examines the delivery, detention, inspection as the main measures of state coercion applied police officers.

К е у в о р д s: state coercion, delivery, detention, search.

Поступила в редакцию 5 сентября 2019 г.

Государственное управление, понимаемое как воздействие органов государственной власти и их должностных лиц на общественную жизнедеятельность людей в целях поддержания ее стабильности и прогрессивного развития не может эффективно осуществляться без разумного и достаточного использования принуждения для обеспечения безопасности личности, общества и государства. Среди существующих его видов наиболее распространенным и затрагивающим интересы большинства граждан и юридических лиц является государственное принуждение.

Известный ученый в области государственного управления Г. В. Атаманчук под государственным управлением понимает «практическое, организующее и регулирующее воздействие государства на общественную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочения, сохранения или преобразования, опирающееся на его властную силу»¹. В данном определении приведены почти все самые важные для этого явления составные элементы. К ним следует отнести: организационно-правовые начала управления, представляющие собой необходимость создания органов государственного управления; правовое регулирование общественных отношений; наличие целей управления, направленные

¹ Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. Курс лекций. М., 2010. С. 38.

© Уткин Д. В., 2019

на обеспечение стабильности общественной жизнедеятельности людей; возможность применения государством различных по характеру видов государственного принуждения.

Меры государственного принуждения разнообразны. Они выражаются в разных формах. К ним принято относить: юридическую ответственность и обеспечительные меры, в том числе меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. В свою очередь, юридическая ответственность классифицируется по разным основаниям; остановимся на ее разграничении по отраслевому признаку. По такому основанию юридическая ответственность бывает: уголовно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой, дисциплинарной. К классическим видам юридической ответственности в настоящее время принято относить и конституционно-правовую ответственность².

Что же касается обеспечительных мер как самостоятельной формы принуждения, то они выражаются в разных формах и подробно представлены в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ), Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и иных нормативно-правовых актах.

В УПК РФ закреплены меры процессуального принуждения, являющиеся предупредительными санкциями, которые направлены на организационное обеспечение правоохранительной деятельности по пресечению противоправных деяний и реализации санкций карательного характера. Такими мерами являются: задержание подозреваемого, подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, залог, домашний арест, заключение под стражу, обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, денежное взыскание³.

В КоАП РФ к мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях отнесены: доставление; административное задержание; личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице; осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий, находящихся там вещей и документов; изъятие вещей и документов; отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида; освидетельствование на состояние алкогольного опьянения; медицинское освидетельствование на состояние опьянения; задержание транспортного средства, запрещение его эксплуатации; арест товаров, транспортных средств и иных вещей; привод; временный запрет деятельности; залог за арестованное судно; помещение в специальное учреждение иностранных граждан, лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации⁴. Анализ приведенных обе-

² См.: Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 38.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921 ; 2019. № 31. Ст. 4474.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1 ; 2019. № 31. Ст. 4476.

спечительных мер показывает, что их количество имеет тенденцию к увеличению и усложнению. При этом законодатель не только дает определение сущности каждого из обеспечительных мер, но и устанавливает круг лиц, который вправе применять ту или иную меру пресечения и составлять об этом соответствующие документы.

Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. «О полиции» предусмотрены отдельные меры государственного принуждения, к которым отнесены: задержание, входение (проникновение) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории, оцепление (блокирование) участков местности, жилых помещений, строений и других объектов, формирование и ведение банков данных о гражданах. При реализации мер государственного принуждения как мер пресечения правонарушений законодатель допускает применение физической силы, специальных средств и оружия. Так, сотрудникам полиции предоставлено право лично или в составе подразделения применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, в следующих случаях: для пресечения административных правонарушений; для доставления в служебное помещение территориального органа полиции, в помещение муниципального органа, в иное помещение лиц, совершивших административное правонарушение; для преодоления противодействия законным требованиям сотрудников полиции о прекращении противоправных действий (ст. 20). Кроме того, сотрудник полиции может применить и специальные средства для отражения нападения на граждан или сотрудников полиции, для пресечения административного правонарушения, для остановки транспортного средства, водитель которого не выполнил требование сотрудника полиции об остановке, для выявления лиц, совершивших противоправные действия, а также для защиты охраняемых объектов. При этом к специальным средствам отнесены: специальные палки; специальные газовые средства; специальные окрашивающие и маркирующие средства; электрошоковые устройства; светошоковые устройства; служебные животные; средства защиты охраняемых объектов и др. (ст. 21).

Следует отметить, что цель применения всех мер принуждения – обеспечение законности и правопорядка, реализуемая посредством защиты основ конституционного строя, нравственности, жизни и здоровья граждан, обороны и безопасности государства⁵.

При этом административно-правовое принуждение является самой распространенной разновидностью государственного принуждения как одного из методов государственного управления. По мнению Д. В. Федосовой, такое принуждение осуществляется в следующих правовых формах: 1) предупреждение; 2) пресечение; 3) правовосстановление; 4) административная ответственность; 5) процессуальное обеспечение⁶. Реализация этих форм должна базироваться на определенных принципах. Под таковыми понимаются основополагающие начала, установки, руководящие идеи, которыми должны ру-

⁵ См.: Ковшовацкий В. И. К вопросу о сущности и правовой природе административного принуждения // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2015. № 6. С. 101.

⁶ См.: Федосова Д. В. К вопросу об административно-правовых методах обеспечения безопасности земель // Аграрное и земельное право. 2015. № 1 (121). С. 119.

ководствоваться как законодатель, так и правоприменитель, утверждающие и реализующие приведенные выше формы принудительных мер.

Вопрос о принципах административно-правового принуждения, равно как и всей юридической ответственности в науке, является дискуссионным. Вместе с тем большинство ученых склонны все имеющиеся основополагающие начала условно разделить на две группы.

К первой из них относятся общеправовые принципы: правомерность, справедливость, гуманизм. Состав второй группы, которую принято называть специальными принципами, включает в себя следующие наиболее важные основополагающие начала: конституционность, законность, определенность и обоснованность основания административно-правового принуждения; неотвратимость наступления административной ответственности как основной и самой суровой ее формы; эффективность реализации исследуемого вида государственного принуждения⁷.

Среди приведенных принципов выделим наиболее значимые, на наш взгляд, основополагающие начала, которые имеют существенное значение для реализации административно-правового принуждения. Из общеправовых принципов хотелось бы остановиться на справедливости административного принуждения. Она направлена на то, чтобы восторжествовала истина: нарушение правопорядка было устранено, нарушенное право было восстановлено, а причиненный вред возмещен в полном объеме⁸. В условиях большого масштаба совершаемых административных правонарушений, наличия более 80 субъектов, наделенных полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях, достижение справедливости, равно как и неотвратимости наказания, представляется делом весьма сложным.

Думается, что реализация приведенных принципов органами государственной власти, местного самоуправления, всеми должностными лицами позволит правильно определить и место административно-правового принуждения в государственном управлении, и эффективность его применения.

Рассмотрим особенности некоторых из форм принуждения. Одной из них являются предупредительные меры (проверка документов, досмотр вещей и т. п.). Прежде всего, в отличие от всех других форм принуждения предупредительные меры не связаны с фактом наличия правонарушения. Но государство считает необходимым независимо от воли и желания субъектов государственного управления предпринять необходимые меры для предотвращения возможных противоправных действий, угрожающих безопасности личности, общества и государства. При этом существует порой очень тонкая грань между административным предупреждением как формой принуждения и общей профилактикой правонарушений. Представляется, что для принудительного характера предупреждения должно быть реальное основание и регулирование таких мер правовыми нормами.

⁷ См.: Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М., 2008. С. 186.

⁸ См.: Колпакова Е. Е. К вопросу о месте принципа законности в системе принципов юридической ответственности публично-правовых образований // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2013. № 4 (79). С. 87.

Другую группу мер принуждения составляют пресекательные меры, имеющие своей целью пресечение правонарушений и предупреждение (устранение) их вредных последствий. В соответствии с п. 13 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» сотрудники полиции вправе доставлять граждан, т. е. осуществлять их принудительное препровождение, в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, иное служебное помещение в целях решения вопроса о задержании гражданина (при невозможности решения данного вопроса на месте); установления личности гражданина, если имеются основания полагать, что он находится в розыске как скрывшийся от органов дознания, следствия или суда либо как уклоняющийся от исполнения уголовного наказания, либо как пропавший без вести; защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом, а также в других случаях, предусмотренных федеральным законом, с составлением протокола в порядке, установленном ч. 14 и 15 ст. 14 данного закона. Схожее содержание понятия доставления как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях закреплено в ст. 27.2 КоАП РФ.

Принудительный характер данной меры выражен в том, что гражданин не может отказаться от следования в указанное ему сотрудником полиции место в связи с предусмотренной ст. 19.3 КоАП РФ ответственностью за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции и возможностью применения сотрудником полиции физической силы, а иногда и специальных средств для преодоления его возможного противодействия.

В настоящее время срок задержания законодательством четко не определен. Исходя из правовых положений ч. 1 и 4 ст. 14 Федерального закона «О полиции» можно предположить, что максимальный срок доставления, как и максимальный срок задержания, граждан до судебного решения не может превышать 48 часов. Согласно ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок.

Необходимо учитывать, что в соответствии с ч. 4 ст. 14 Федерального закона «О полиции» срок задержания, за исключением административного задержания, исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. Однако совсем иначе урегулировано исчисление срока административного задержания в административно-процессуальном законодательстве. Согласно ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ срок административного задержания лица исчисляется с момента его доставления, срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется с момента его вытрезвления. Таким образом, срок доставления лица, задерживаемого за совершение административного правонарушения, в срок административного задержания не включается.

Для повышения эффективности реализации механизма применения такой меры государственного принуждения, как доставление, необходимо внести предложения по совершенствованию КоАП РФ. Так, толкование доставления, данное в ст. 27.2 КоАП РФ, не дает четкого пояснения оснований и сроков доставления. Предлагается установить, что доставление является

принудительным перемещением физического лица, подозреваемого в совершении административного правонарушения, для установления его личности и причастности к этому правонарушению, а также решения вопроса о его административном задержании и возбуждении дела об административном правонарушении⁹. Кроме того, необходимо установить максимальный срок осуществления данной меры принуждения.

Представляется целесообразным закрепить в федеральном законодательстве перечень обстоятельств, вызывающих необходимость доставления лица в правоохранительный орган, такими могут стать следующие: отсутствие у нарушителя документов и невозможность установления его личности на месте, необходимость проведения процессуальных действий по выяснению обстоятельств нарушения, которые невозможно выполнить на месте и т. п.

Федеральный закон «О полиции» регламентирует также порядок осуществления и основания задержания граждан сотрудниками полиции. Задержание в качестве меры государственного принуждения может рассматриваться с позиций как административного, так и уголовно-процессуального законодательства. Часть 2 ст. 14 данного закона определяет исчерпывающий перечень лиц, в отношении которых может быть применено задержание. При этом законодатель определяет, в каких пределах должны действовать сотрудники полиции и какими нормативно-правовыми актами руководствоваться. Процессуальной особенностью данной меры государственного принуждения является то, что срок и порядок уголовно-процессуального задержания определяется УПК РФ, а условия административного задержания, его основания, порядок и сроки закреплены в КоАП РФ.

В каждом случае задержания сотрудник полиции обязан: 1) назвать свои должность, звание, фамилию, предъявить по требованию гражданина служебное удостоверение, после чего сообщить причину и цель обращения; 2) разъяснить гражданину причину и основания применения меры принуждения, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина; 3) разъяснить лицу, подвергнутому задержанию, его право на юридическую помощь, право на услуги переводчика, право на уведомление близких родственников или близких лиц о факте его задержания, право на отказ от дачи объяснения.

В соответствии с ч. 4 ст. 14 Федерального закона «О полиции» срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. При этом срок административного задержания исчисляется в соответствии с законодательством об административных правонарушениях. Законодательство об административных правонарушениях предусматривает, что срок административного задержания не должен превышать три часа, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 27.5 КоАП РФ, предусматривающих срок административного задержания до 48 часов. При этом судебной практикой установлено, что административное задержание на срок не более 48 часов может применяться лишь в случае, если имеются достаточные основания считать его необходимым и соразмерным для обеспечения производ-

⁹ См.: Барашев В. В. Институт административного принуждения : соотношение материального и процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. С. 6.

ства по конкретному делу об административном правонарушении, за совершение которого может быть назначено наказание в виде административного ареста, а последующее прекращение производства по делу об административном правонарушении в связи с отсутствием события административного правонарушения или с отсутствием состава административного правонарушения не может служить основанием для отказа в обжаловании незаконного применения административного задержания как принудительной меры обеспечения производства по данному делу¹⁰.

Следует согласиться с В. В. Барашевым о необходимости внесения изменения в ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ и изложения ее в следующей редакции: «Административное задержание, то есть кратковременное ограничение свободы доставленного физического лица, подозреваемого в совершении административного правонарушения, может быть применено в исключительных случаях для выяснения обстоятельств административного правонарушения, составления протокола об административном правонарушении, рассмотрения дела об административном правонарушении, а также для исполнения постановления по делу об административном правонарушении при невозможности выполнения вышеуказанных действий на месте выявления административного правонарушения»¹¹.

Осмотр и досмотр являются наиболее спорными видами государственного принуждения, близкие по названию, но отличающиеся по процедуре их осуществления. Поскольку основными субъектами проведения досмотров являются сотрудники полиции, то логично рассмотреть данные меры государственного принуждения с точки зрения федерального закона, регулирующего их деятельность.

Федеральный закон «О полиции» устанавливает права сотрудников полиции, среди которых право на проведение осмотра. Полицейский вправе проводить личный осмотр граждан, находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местности либо в общественные места, где проводятся такие мероприятия (п. 18 ч. 1 ст. 13). Вместе с тем данным законом закреплено право сотрудника полиции осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан (п. 16 ч. 1 ст. 13). При этом законодатель четко не установил основания и процедуру проведения осмотра, что влечет достаточно широкое толкование данного действия сотрудниками полиции.

В соответствии со ст. 27.7 КоАП РФ личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, представляет собой обследование вещей, проводимое без нарушения их конструктивной целостности, осуществляемое

¹⁰ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. №9-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 4.

¹¹ Барашев В. В. Институт административного принуждения : соотношение материального и процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. С. 7.

в случае необходимости в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения. Представляется целесообразным закрепить в ч. 1 ст. 27.7 КоАП РФ не только цели, но и оснований применения личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице.

Несмотря на отсутствие данного обстоятельства, законодательство об административных правонарушениях дает вполне конкретный перечень основных положений, соблюдения которых имеет право требовать любой гражданин при проведении в отношении его личного досмотра. Во-первых, досмотр не подразумевает нарушение конструктивной целостности вещей. Во-вторых, личный досмотр производится лицом одного пола с лицом, которого досматривают. В-третьих, при проведении личного досмотра должны присутствовать двое понятых того же пола. В-четвертых, о личном досмотре составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе о доставлении или в протоколе об административном задержании.

От личного досмотра (ст. 27.7 КоАП РФ) следует отличать наружный досмотр (п. 266 Устава ППСП). Необходимо отметить, что в ведомственном нормативно-правовом акте – Уставе патрульно-постовой службы полиции, утвержденном приказом МВД России от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции»¹², содержится понятие «наружный досмотр». Наружный досмотр одежды, вещей лица, задержанного и доставляемого в полицию, является предупредительной мерой, направленной на обеспечение личной безопасности полицейского и преследующей цель изъятия у задержанного оружия и иных предметов, которые могут быть использованы им для нападения на сотрудников полиции¹³. При этом не регламентированы основания, порядок и процессуальное оформление процедуры наружного осмотра.

Таким образом, осмотр, наружный досмотр и личный досмотр разные меры принуждения, не имеющие практически ничего общего. Осмотр представляет скорее профилактическое действие (например, профилактика правонарушений в местах массовых скоплений граждан во время различных мероприятий). Наружный досмотр является предупредительной мерой, направленной на обеспечение личной безопасности полицейского¹⁴. Личный досмотр является мерой обеспечения по делу об административном правонарушении и подразумевает более серьезные основания и другие мотивы проведения процедуры.

Отсутствие должного нормативно-правового регулирования порядка проведения осмотра и наружного досмотра является пробелом в нашем законодательстве. В связи с этим считаем целесообразным закрепить в Федеральном

¹² Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 27.

¹³ См.: Десятова О. В. Особенности действий патрульно-постовых нарядов при проведении в отношении правонарушителей наружного досмотра и их доставлении в подразделение территориального органа МВД России // Вестник Тюменского ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 2 (5). С. 32.

¹⁴ См.: Безгачев Ф. В., Крупин В. А. Актуальные проблемы проведения личного и наружного досмотра сотрудниками органов внутренних дел // NOVAUM.RU. 2017. № 10. С. 206.

законе «О полиции» такую меру государственного принуждения, как наружный досмотр. Кроме того, основания и порядок его осуществления необходимо установить в КоАП РФ, а также в Уставе патрульно-постовой службы полиции.

*Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I*

Уткин Д. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры
конституционного и административного права

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great

Utkin D. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Constitutional and Administrative Law Department
E-mail: dut@mail.ru

О ЗАКРЕПЛЕНИИ ИНСТИТУТА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ КАК МЕЖОТРАСЛЕВОГО ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА

Анализируется институт принудительного лечения, закрепленный в нормах современного российского законодательства. По мнению автора статьи, анализируемый институт имеет межотраслевой характер.

К л ю ч е в ы е с л о в а: психическое заболевание, мера принуждения, правовой институт, принудительные меры медицинского характера.

ABOUT CONSOLIDATION OF THE INSTITUTE OF COMPULSORY TREATMENT AS AN INTERDISCIPLINARY LEGAL INSTITUTE

The legal Institute of compulsory treatment used in the Russian legislation is analyzed in the article. The author believes that that the Institute of compulsory treatment has an interdisciplinary character.

К e y w o r d s: mental illness, a measure of coercion, the legal institution, forced measures of medical character.

Поступила в редакцию 14 августа 2019 г.

В нормах современного российского законодательства закреплен институт принудительного лечения. Подробно он регламентирован в уголовном праве — одной из обширных отраслей российского права.

В российском уголовном законодательстве отдельным институтом считаются принудительные меры медицинского характера. Это меры, состоящие в принудительном лечении лица, совершившего противоправное деяние, предусмотренное нормами Особенной части УК РФ.

Согласно ст. 99 УК РФ, суд может назначить один из видов принудительных мер медицинского характера: а) принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях; б) принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа и другие виды мер.

В силу ст. 100 УК РФ принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях может быть назначено, если лицо по своему психическому состоянию не нуждается в помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Данная мера включает в себя систематическое посещение лицом врача-психиатра и выполнение всех предписанных мер: реабилитационных, психопрофилактических и др. Значимость данной принудительной медицинской меры состоит в том, что лица сохраняют привычный образ жизни и социальные связи, а также не изолируются от общества.

В настоящее время эта мера государственного принуждения является достаточно востребованной в правоприменительной практике наряду с другими видами принудительных медицинских мер.

Принудительные меры медицинского характера, закрепленные в уголовном праве, преследуют социально полезные цели – излечение лиц с психическими заболеваниями или улучшение их психического состояния.

В нормах современного российского законодательства комплекс мер лечения, имеющих принудительный медицинский характер, имеется не только в уголовном праве, но и нормах иных отраслей российского права.

Так, в настоящее время принудительное лечение может применяться к лицам с психическими заболеваниями не только в связи с нарушением ими норм российского законодательства (совершением общественно опасного деяния, закрепленного в Особенной части УК РФ), но и по иным основаниям.

Меры принудительного лечения содержатся также в административном праве. Например, это помещение лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, где он будет проходить недобровольное лечение.

Помещение лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, осуществляется по результатам рассмотрения судом административного искового заявления о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, поданного представителем медицинской организации, в которую помещен гражданин, либо прокурором.

Согласно ст. 278 КАС РФ, при рассмотрении административного дела о госпитализации в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации в недобровольном порядке суду необходимо выяснить следующее:

- 1) имеется ли у гражданина тяжелое психическое расстройство;
- 2) влечет ли тяжелое психическое расстройство последствия в виде непосредственной опасности для гражданина или для окружающих, беспомощности гражданина и (или) возможности причинения существенного вреда его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической помощи;
- 3) являются ли обследование и лечение гражданина возможными лишь в условиях медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях;
- 4) наличие факта отказа или уклонения гражданина от госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в добровольном порядке либо от продления такой госпитализации.

Данный механизм принудительно-лечебного воздействия государства на лиц с расстройствами психики преследует цели защиты интересов общества, граждан, а также самого лица, страдающего психической болезнью.

Следовательно, разнообразные меры принудительного лечения, состоящие в принудительном лечебном воздействии на лиц с расстройствами психики в определенных полезных целях, применяются в разных отраслях российского права и поэтому носят смежный, межотраслевой характер,

В сфере административно-правовых отношений встречается немало правовых ситуаций, когда лица с психическими заболеваниями совершают дея-

ния, запрещенные Особенной частью КоАП РФ, а не деяния, закрепленные в Особенной части УК РФ.

Так, 8 сентября 2014 г. Бугульминским городским судом Республики Татарстан была рассмотрена жалоба Габдрахманова Р. И. на постановление мирового судьи судебного участка по Бугульминскому судебному району Республики Татарстан по делу об административном правонарушении по ч. 2 ст. 3.8 Кодекса Республики Татарстан об административных правонарушениях (нарушение тишины и покоя граждан в ночное время повторно в течение года). В жалобе Габдрахманов Р. И. указал, что с данным постановлением не согласен, считает его незаконным, так как он находился в болезненном состоянии и поэтому слушал музыку громко. В судебном заседании Габдрахманов Р. И. поддержал жалобу, все изложенное в ней подтвердил, просил постановление мирового судьи отменить. По делу была проведена экспертиза, и из заключения судебно-психиатрических экспертов следует, что Габдрахманов Р. И. страдает хроническим психическим расстройством, что явилось основанием для освобождения его от административной ответственности и отмены решения мирового судьи¹.

Видим, что недобровольная медицинская помощь по судебным решениям в таких случаях лицам не оказывается, они только освобождаются от ответственности.

Полагаем, что к лицам, имеющим психические заболевания и совершившим деяния, запрещенные Особенной частью КоАП РФ, целесообразно применять принудительные медицинские меры (в частности, принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях), поскольку все меры принудительного лечения, закрепленные в российском праве, преследуют социально полезные цели – излечение лиц с психическими заболеваниями или улучшение их психического состояния, и, как было сказано, институт принудительного лечения имеет межотраслевой характер.

По нашему мнению, институт принудительного лечения лиц, имеющих психические заболевания и совершивших деяния, запрещенные Особенной частью КоАП РФ, следует закрепить в нормах административного права, дополнительно придав рассматриваемому институту межотраслевой характер, по следующим причинам.

Во-первых, лица, с не леченными психическими заболеваниями, представляют потенциальную угрозу в виде возможного совершения ими новых противоправных деяний и несут латентную опасность причинения вреда охраняемым правам и интересам социума, государства, отдельных граждан.

Во-вторых, меры принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях, применяемые как институт российского административного права, окажут благоприятное воздействие на самого объекта лечения, поскольку общеизвестно, что нелечение расстройства психики, как и любого заболевания, приводит к утяжелению его симптомов и переходу в хроническое течение.

О решающей роли своевременного оказания психиатрической помощи больным на ранней стадии заболевания, о действенности медикаментозного

¹ Решение Бугульминского городского суда Республики Татарстан от 8 сентября 2014 г. по делу № 5-174/2014 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-bugulminskij-gorodskoj-sud-republika-tatarstan-s/act-458330060/> (дата обращения: 18.07.2019).

лечения и последствиях нелечения говорят исследования специалистов в этой области знаний.

Например, В. В. Козлов отмечает что, большинство психических расстройств характеризуется прогрессивным (неуклонно нарастающим) течением с развитием интеллектуальной недостаточности², что может привести к возникновению противоправного поведения, причем установлено, что «при повторных и особенно многократных общественно опасных деяниях психопатологический механизм приобретает определенную стойкость, обнаруживает тенденцию к фиксации и в дальнейшем остается неизменным»³.

По данным психиатрических исследований, более половины душевнобольных, совершивших общественно опасные деяния, не наблюдались психиатрами до совершения деликта. Больные, которые до совершения общественно опасных деяний наблюдались психиатрами, чаще всего совершали противоправные действия в первые три года наблюдения. В целом потенциальная общественная опасность душевнобольных уменьшается по мере увеличения срока психиатрического наблюдения⁴.

Таким образом, полагаем, что в сфере административно-правовых отношений к лицам, совершившим деяния, запрещенные Особенной частью КоАП РФ, следует применять принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях, учитывая межотраслевую значимость рассмотренного правового института принудительного лечения в современном российском праве.

² См.: Козлов В. В. Основы судебно-психиатрической экспертизы : учеб. пособие. М., 2007. С. 29.

³ Криворучко Ю. Д., Тактаров В. Г. Общественно опасные действия психически больных пожилого возраста и их судебно-психиатрическая оценка // Человеческий капитал. 2012. № 4 (40). С. 152.

⁴ См.: Кальченко И. А., Семин И. Р. Клинические и социальные характеристики психически больных, состоящих на активном диспансерном наблюдении (сообщение 1) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2010. № 5. С. 26.

Йошкар-Олинский строительный техникум (Республика Марий Эл)

Секретарева Т. М., преподаватель правовых дисциплин

Building College of Yoshkar-Ola (Mari El Republic)

Secretareva T. M., Lecturer of the Law Subjects Department

E-mail: tatsecr@yandex.ru

И. С. Глазунов. «Черный ворон» (1956)

«ВОРОНОК»

Илья Сергеевич Глазунов (1930–2017) – талантливый и, пожалуй, самый известный современный отечественный художник. И. С. Глазунов – мастер многосторонний, работавший в самых разных жанрах, поэтому каждый ценит в нем то, что отвечает его вкусам: одним он импонирует как исторический живописец, другим – как иллюстратор, третьим – как портретист. Однако все это разнообразие объединяет подкупающая зрителя искренность его творчества, проникнутого острой болью за судьбу Отечества: будь то Древняя Русь, Советский Союз или же новая Россия. Картины Глазунова заставляют остро осознавать свои корни, сопричастность к прошлому и настоящему страны, ее радостям и трагедиям.

Картина «Черный ворон» была написана в 1956 г. и демонстрирует смелость молодого живописца, не побоявшегося в советское время обратиться к теме жестокости политических репрессий. В лаконично решенном образе автозака (автомобиля для перевозки задержанных) – «воронка», дверью которого прищемлен красный подол женского платья, художник недвусмысленно раскрыл гнетущую правду эпохи, о которой тогда не смели говорить. Несмотря на собирательность и символичность образа, в работе считывается топографическая привязка: машина движется по Литейному мосту Ленинграда к печально знаменитому «Большому дому» – зданию органов госбезопасности.

История «воронка» – символа ночных арестов, да и вообще всей эпохи разгула сталинских репрессий, такова. Красивая черная машина «ГАЗ М-1» или, как про-

звали ее в народе, «Эмка», впервые сошла с конвейера Горьковского автозавода имени Молотова в 1936 г. «Маруся» – такое ласковое прозвище дали автомобилю НКВДшники из-за первой буквы «М» в названии модели. «Маруся» быстро приобрела дурную славу, ее приезд означал только одно – очередной арест, поломанная судьба и безвозвратно искалеченная жизнь.

В знаменитом «Реквиеме» А. Ахматовой, пережившей расстрел первого мужа, арест сына и второго мужа, есть строки:

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных маруся.

Большинство «Эмок» красили в черный цвет, поэтому к автозаку навсегда прилепилось прозвище «воронка» или «черный ворон».

После войны органы догадаются, что такое явное присутствие автозак на улицах не способствует оптимизму свободных (пока еще!) граждан, и кузова начнут маскировать под продуктовые фургоны, чтобы никто не мог догадаться, что перед ним «особый» автомобиль. Об этом писал А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ»: «...после войны в столицах спохватились – стали красить их снаружи в радостные тона и писать сверху: “Хлеб” (арестанты и были хлебом строительства), “Мясо” (верней бы написать – “кости”), а то и “Пейте советское шампанское!”».

Сегодня точно нельзя сказать, сколько судеб перевез трагически известный «воронка», но число их исчисляется миллионами...